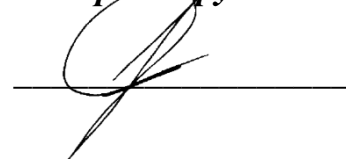

Частное образовательное учреждение высшего образования
«ИНСТИТУТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ КAVKAZA»

На правах рукописи

ПОРТНОВ Евгений Александрович

**СМЫСЛОВАЯ АКТУАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР
СТРАТЕГИИ ИЗБЕГАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ**

Специальность

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии
(психологические науки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Научный руководитель:
доктор психологических наук, доцент
Годунов Михаил Викторович

Ставрополь-2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

	стр.
ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИЗБЕГАНИЯ В СИСТЕМЕ СМЫСЛОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ.....	13
1.1. Эволюция представлений о природе личностных смыслов переживающего субъекта.....	13
1.2. Особенности актуализации смысловых образований личностного развития в условиях неопределенности.....	29
1.3. Тенденции исследований стратегии избегания как способа взаимодействий личности	46
Выводы по Главе 1	63
ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ИЗБЕГАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМИ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИМИ СТРАТЕГИЯМИ	67
2.1. Разработка семантических шкал свойств личности для изучения актуализации смыслообразующей стратегии избегания	67
2.2. Обоснование батареи психодиагностических тестов для установления индикаторов смыслообразующей стратегии избегания.....	74
2.3. Характеристика объекта и этапов эмпирического исследования смыслообразующей стратегии избегания.....	78
Выводы по Главе 2.....	81
ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	83
3.1. Описание первичных показателей батареи тестов для изучения актуализации смыслообразующей стратегии избегания	83
3.2. Выявление предикторов смыслообразующей стратегии избегания.....	94
3.3. Установление личностных профилей, отражающей особенности актуализации смыслообразующей стратегии избегания	101
Выводы по Главе 3	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	128
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	148

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Стратегии поведения современного человека подвергаются постоянно возрастающему и неоднозначному влиянию неопределенности, а также стрессовых и конфликтных ситуаций, в которых требуется адекватно оценить происходящее и сделать определенный выбор. Применительно к ценностно-смысловому содержанию развития личности проблематика смыслообразования занимает особое место в силу интегрального характера процедур оценивания, смыслового выбора и осуществления актуально действующих в образе мира переживающего субъекта его личностных смыслов в поведенческих актах [Абакумова И.В., 2014; Асмолов А.Г., 2019; Леонтьев Д.А., 2019]. В смысловых образованиях личности субъективная значимость смысла не всегда актуализирована в сознании, однако смысл присутствует в нем, как составляющая образа мира, и не всегда отчетливо рефлексирована [Артемьева Е.Ю., 1999; Леонтьев А.Н., 2014; Серкин В.П., 2022].

В условиях стрессовой, конфликтной или неопределенной ситуации человек может выбирать такую стратегию реагирования и поведения, которая будет направлена на решение возникшей перед ним проблемы, на поиск социальной поддержки у других людей или на избегание появившейся проблемы. При этом именно стратегия избегания представляется наименее эффективной и результативной [Нартова-Бочавер С.К., 2005]. На первый взгляд, в плане тактического расходования доступных человеку психологических ресурсов, избегание является наименее затратной стратегией с позиции расходования эмоциональных и ментальных ресурсов. Однако в стратегическом плане возникшая в ситуации проблема фактически не решается, а лишь отодвигается во времени, и возникшее затруднение только усугубляется. Избегание в плане копинг-стратегий представляется в общем дезадаптивной поведенческой стратегией и является одной из самых деструктивных для личностного развития. Поэтому важным представляется выявление особенностей смысловых образований и соответствующих им личностных свойств, указывающих на актуализацию стратегии избегания в жизненных

взаимодействиях.

Актуальность исследования обусловлена трудностью установления ключевых полярных свойств личности, отражающих содержание и направленность смыслообразования переживающего субъекта, реализующего избегающую стратегию поведения; сложностью дифференциации промежуточных уровней в соответствующих семантических шкалах личностных свойств как смысловых конструктах актуализации стратегии избегания. Имеющиеся концепции содержат или фрагментарные описания ключевых смысловых образований, или недостаточно структурированные группы переходных уровней соответствующих смысловых ансамблей.

Степень разработанности темы исследования. Прогресс научных исследований в области смысловых образований различной поведенческой направленности связан с ростом междисциплинарных изысканий регуляторных механизмов формирования и перестройки смысловой сферы личности в современных условиях транзитивного общества. Ряд современных исследовательских концепций посвящен проблематике: описания многомерности смыслогенеза [Леонтьев Д.А., 2019], ценностно-смысловой регуляции образа мира переживающего и взаимодействующего субъекта [Артемьева Е.Ю., 2007; Леонтьев А.Н., 2014], формированию смысловой установки как индивидуально постигаемого «значения для меня» [Асмолов А.Г., 2019], полимотивированного характера смысловых образований в образе мира при творческом становлении человека [Петренко В.Ф., 2017], смыслодидактическим механизмам продуктивного приращения знаний учащихся [Абакумова И.В., 2003], реализации стратегий образования личностных смыслов преадаптивной и адаптивной направленности в условиях неопределенности [Годунов М.В., 2019], выявлению минимальных семантических ансамблей для достаточного моделирования коммуникативной функции языков [Wierzbicka A., 2019], исследованию особенностей герменевтической спирали [Морозкина Е.А., 2012].

Анализу влияния транзитивного общества на развитие личности посвящены работы, представляющие: принятие неопределенности как новой

методологической предпосылки научного познания [Корнилова Т.В., 2018], восприятие неопределенности как кризисной ситуации [Леонов И.Н., 2018], надситуативную активность для преодоления ограничений постулата адаптивности [Петровский В.А., 2021], различия действия копинг-стратегий и механизмов психологических защит в условиях стресса [Василюк Ф.Е., 1984].

Особенности тенденций реализации стратегии избегания представлены в работах, посвященных: ориентациям человеческого сознания на разные виды избегания [Базаров Т.Ю., Битюцкая Е.В., 2019], соотношению внешней и внутренней мотивации [Хекхаузен Х., 1986], качеству процессуальности их включения [Deci E., Ryan R., 1985], степени мотивированности личности [Weiner В., 2018], изменению творческих взглядов в зоне комфорта [Антюшев И.И., 2017] и критериям излишнего пребывания в ней [Палий В.А., 2018; Ехлаков Р.С., 2017], особенностям прокрастинации и лени [Людвиг П., 2014; Steel P., 2010], инфантильности личности [Kernberg O.F., 1993; McWilliams N., 2020; Марцинковская Т.Д., 2018; Андреев К.А., 2017], дауншифтингу [Долгин А.Б., 2010; Honore С., 2005; Ильин В.И., 2015; Бутонова Н.В., 2009], эскапизму [Башарова Е.А., 2014; Квинт С.П., 2018; Скирдачева Е.А., 2013; Нятина Н.В., 2013], гедонизму [Батуева А.Ц., 2018; Гусакова Т.Ф., 2014; Lipovetsky G., 1983].

Это показывает, что изучение смыслообразующей стратегии избегания носит междисциплинарный характер и позволяет лучше моделировать поведение личности в современном изменчивом мире. Несмотря на то, что в современных смысловых теориях описаны особенности избегающего поведения, проблематика образования личностных смыслов в стратегии избегания и их актуализации в соответствующих личностных свойствах изучена фрагментарно.

Тогда в качестве познавательной ситуации необходимо указать недостаток знаний о специфике проявления личностных свойств, выражающих актуальные личностные смыслы при реализации стратегии избегания в условиях неопределенности. Поэтому в проявленной познавательной ситуации в качестве **противоречия** выступает, с одной стороны, необходимость построения адекватных моделей образования личностных смыслов стратегии избегания, а с другой сторо-

ны, недостаток знаний о проявляемых при таком избегающем поведении личностных свойствах. Из данного противоречия сформулирован **исследовательский вопрос**: какие особенности проявления личностных свойств имеются у представителей различных возрастных, гендерных и профессиональных групп при осуществлении смыслообразующей стратегии избегания в условиях неопределенности? Решение обозначенной проблемы вносит вклад в познание системы регуляторных механизмов поведения различной адаптивной направленности.

Цель исследования – изучение особенностей актуализации смыслообразующей стратегии избегания в условиях неопределенности.

Объект исследования – личность в процессе смыслообразования.

Предмет исследования – смысловые образования личности при осуществлении стратегии избегания в условиях неопределенности.

Гипотезы исследования.

1. Актуализация смысловых образований личности в условиях неопределенности может влиять на направленность смыслообразующей стратегии избегания в личностном, когнитивном и поведенческом плане её развития.

2. Смыслообразующая стратегия избегания может проявляться в трансформации личностных профилей по гендерному, профессиональному и возрастному признаку.

3. Смыслообразующая стратегия избегания в динамическом и содержательном проявлении может иметь как частичное сходство, так и различие своих особенностей.

Исходя из цели и гипотез сформулированы **задачи исследования**:

Теоретические

1. Описать современные представления о природе личностных смыслов переживающего субъекта.

2. Проанализировать особенности актуализации смысловых образований личностного развития в условиях неопределенности.

3. Выявить тенденции исследования стратегии избегания как способа взаимодействий личности.

Методические

4. Разработать частный семантический дифференциал свойств личности для исследования избегающей смыслообразующей стратегии.

5. Разработать программу эмпирического изучения особенностей смыслообразования при реализации избегания.

Эмпирические

6. Диагностировать особенности актуализации смыслообразующей стратегии избегания в мировоззренческой, когнитивной и поведенческой сфере.

7. Выявить предикторы смыслообразующей стратегии избегания.

8. Установить и проанализировать многофакторные личностные профили смыслообразующей стратегии избегания у представителей различных возрастных, гендерных и профессиональных групп.

Теоретико-методологические основы исследования составили: трехуровневая концентрическая модель структуры личности (Д.А. Леонтьев), теории смыслогенеза в различные периоды личностного развития (К.А. Абульханова, И.В. Блинникова, Б.М. Величковский, П.Я. Гальперин, В.В. Давыдов, В.Е. Ключко, Е.Ю. Коржова, С.Д. Смирнов, А.Ш. Тхостов, Д.Б. Эльконин), теории смысловой регуляции ценностно-мотивационного плана (Б.С. Братусь, Ф.Е. Василюк, В.П. Зинченко, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн, О.К. Тихомиров, А.В. Брушлинский, Е.А. Климов, В.Д. Шадриков), теории смысловой установки (Д.Н. Узнадзе), логотерапии как лечения смыслом (V. Frankl), теории смысловых инициаций (И.В. Абакумова), концепции преадаптивной и адаптивной направленности смыслообразующих стратегий (М.В. Годунов), инструментов многомерного семантического шкалирования (Е.Ю. Артемьева, В.Ф. Петренко, А.Г. Шмелёв, G. Allport, R. Cattell, G. Kelly, C. Osgood).

Методы и методики исследования. При проведении данного исследования применялись: теоретические методы – анализ и систематизация работ по данной тематике, концептуализирование и моделирование; эмпирические методы – психодиагностическое тестирование с использованием

разработанной авторской вербальной методики на избегание, включающей девять шкал частного семантического дифференциала свойств личности и апробированных методик: теста «Смысло-жизненные ориентации», разработанного Д.А. Леонтьевым; теста Дж. Амирхана на определение доминирующих копинг-стратегий, адаптированного Н.А. Сиротой и В.М. Ялтонским; методики К. Томаса выявления предрасположенности к конфликтному поведению, адаптированной Н.В. Гришиной; «Мельбурнского опросника принятия решений», адаптированного Т.В. Корниловой; «Нового опросника толерантности к неопределенности» разработки Т.В. Корниловой; качественные методы интерпретации; количественные методы обработки с использованием методов математической статистики – описательные статистики, корреляционный анализ с использованием коэффициента линейной корреляции Пирсона, критерий углового преобразования Фишера; программа Microsoft Excel 2016 с пакетом статистических функций.

Степень достоверности результатов исследования обусловлена соблюдением научных норм и принципов проведения теоретического и эмпирического исследования, корректностью сбора и обработки полученных данных, соответствием исходных теоретических посылок с поставленными целями и задачами данной работы; обеспечивалась посредством сравнения результатов по разным психодиагностическим тестам и согласования интерпретации качественных и количественных эмпирических показателей, а также применения статистических методов обработки данных.

Характеристика выборки. Эмпирический объект исследования – выборка 283 человека (110 мужчин и 173 женщины) в возрасте 17-47 лет: студенты-юристы, студенты-психологи и учителя школ.

Этапы исследования. Диссертационное исследование проводилось в течение семи лет и состояло из четырех этапов: обзорно-теоретический (2018-2020 г.), методически-организационный (2021 г.), психодиагностический (2022 г.), интерпретационно-констатирующий (2023-2024 г.).

Основные научные результаты, полученные лично автором, и их научная новизна. Разработана новая научная идея, обогащающая концепцию актуализации личностных смысловых образований, представленная личностными профилями смыслообразующей стратегии избегания различной выраженности и направленности. Предложены оригинальные научные суждения по исследуемой проблематике о специфике смыслообразующей стратегии избегания, позволяющие устанавливать особенности её реализации в различных ситуационных взаимодействиях личности. Доказано, что смыслообразующая стратегия избегания является дезадаптивной с позиции смыслогенеза в ходе личностного развития, так как в её основе лежит отстранение от возникающей проблемы, бездействие в её решении, беспечность поведения, инфантильность личности, стремление оставаться в зоне комфорта, эскапизм, гедонизм, прокрастинация и уход в виртуальную реальность. Введено понятие «смыслообразующая стратегия избегания» и описаны личностные профили её актуализации в условиях неопределенности на мировоззренческом, когнитивном и поведенческом уровне. Личностные профили данной стратегии установлены на основе семантических шкал. С помощью такого категориального аппарата благодаря взаимной обусловленности между личностными смыслами и личностными свойствами разработан авторский частный семантический дифференциал для изучения стратегии избегания. Это позволяет устанавливать многофакторный личностный профиль, отражающий особенности ценностно-смыслового плана при реализации избегания. Эмпирически установлено и статистически подтверждено наличие двух основных предикторов избегающей стратегии – показатель «интолерантность к неопределенности» и показатель «избегание». Они совместно с многофакторным личностным профилем в виде свойств личности частного семантического дифференциала позволяют выявлять особенности стратегии избегания в условиях неопределенности.

Теоретическая значимость результатов исследования. В данной работе путём описания смыслообразующих стратегий содержательно расширены представления о актуализации ценностно-смысловых образований личности.

Предложено понятие смыслообразующей стратегии избегания, что позволяет более полно изучать особенности процессов формирования и перестройки системы личностных смыслов при актуализации избегания в различных взаимодействиях. Разработан вербальный опросник для изучения стратегии избегания в виде авторского частного семантического дифференциала свойств личности. Проанализирована в мировоззренческой, когнитивной и поведенческой сферах специфика образования личностных смыслов при актуализации избегания в условиях неопределенности, а также личностные свойства, соответствующие такому поведению.

Практическая значимость исследования заключается в установлении и описании ключевых и промежуточных свойств личности в биполярных семантических шкалах, позволяющих выявлять наличие стратегии избегания. Доказано, что основными предикторами стратегии избегания являются показатель «интолерантность к неопределенности» и показатель «избегание». Разработана процедура стратификации выборки для выявления склонности к избеганию с использованием выявленных основных предикторов. Подобрана и апробирована батарея тестовых методик для эмпирического изучения смыслообразующей стратегии избегания. Получена эмпирическая картина выраженности личностных свойств, выступающих особыми смысловыми индикаторами и образующими личностные профили стратегии избегания. У респондентов, имеющих различную гендерную, возрастную и профессиональную принадлежность, выявлены как различия, так и сходства личностных профилей, что указывает на некоторые общие основания смыслогенеза развивающейся личности. Установлено наличие не только частичных (парных) совпадений, но и два полных совпадения для всех градаций выборки по возрастному, гендерному и профессиональному признакам по показателям «традиционность» и «безынтересность».

Полученные результаты могут использоваться в ходе разработки смысло-дидактических инструментов разной направленности, подходов смыслоориентированного характера в современном образовательном процессе различного

уровня, в психосемантических и психолингвистических исследованиях, в индивидуальной и групповой работе педагогов, психологов и психотерапевтов, в работе специалистов по персоналу, по менеджменту разного уровня.

Положения, выносимые на защиту.

1. Для эффективного изучения избегания в условиях неопределенности, как дезадаптивного типа поведения, целесообразно выявить актуализацию избегающей смыслообразующей стратегии – способ трансформации смыслов личности, обращенный на однообразное приспособление к области уже имеющихся в образе мира смыслов и выражающий нежелание или неспособность к выбору, действию или адекватному отношению к настоящим и будущим ситуациям жизненных взаимодействий.

2. Предрасположенность к актуализации смыслообразующей стратегии избегания в условиях неопределенности можно установить по величине её основных предикторов в виде показателя «интолерантность к неопределенности» и показателя «избегание», а также по совокупности ключевых свойств личности, отражающих состояние мировоззренческого, поведенческого и когнитивного планов её развития.

3. Существует динамика актуализации смыслообразующей стратегии избегания при градации личностных профилей по возрастному, гендерному и профессиональному признаку.

4. Совпадение наборов ключевых личностных свойств в мультифакторных моделях стратегии избегания для разных возрастных, гендерных и профессиональных групп указывает на общие основы генезиса личностных смыслов и единство их системы.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения работы представлены на заседаниях кафедры общей и прикладной психологии ИНСТИТУТА ДРУЖБЫ НАРОДОВ КAVKAZA (Ставрополь, 2020-2023) и докладывались на: VI Международной молодежной научно-практической конференции «Проблемы современной экономики и прикладные исследования: молодежные проекты» (Владимир, 2023), XVI Международной

научно-практической конференции «ИНТЕРАГРО 2023» в рамках XXVI Агропромышленного форума юга России и выставки «Интерагромаш» и «Агротехнологии» (Ростов-на-Дону, 2023), Всероссийской (национальной) научно-практической конференции «Актуальные проблемы науки и техники. 2023» (Ростов-на-Дону, 2023), VI Всероссийской национальной научной конференции «Молодежь и наука: актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований» (Комсомольск-на-Амуре, 2023).

Результаты диссертационного исследования используются в Донском государственном техническом университете (Ростов-на-Дону), Южном федеральном университете (Ростов-на-Дону), Северо-Кавказском федеральном университете (Ставрополь), Ростовском институте повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования (Ростов-на-Дону), Ставропольском филиале Краснодарского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Ставрополь).

Публикации. По теме диссертации автором опубликовано 13 работ, общим авторским объемом 4,33 п.л., в том числе 1 работа – в издании, входящем в базы данных международных индексов цитирования Scopus и Web of Science, 5 работ – в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации материалов кандидатских диссертаций.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения; трех глав; заключения; списка литературы, включающего 201 источник, в том числе 41 – на иностранных языках; 7 Приложений. Основной текст диссертации изложен на 147 страницах. Работа содержит 9 Рисунков и 5 Таблиц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИЗБЕГАНИЯ В СИСТЕМЕ СМЫСЛОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ

1.1. Эволюция представлений о природе личностных смыслов переживающего субъекта

Основным уровнем регуляции человеческой деятельности в современном мире выступает формирование и развитие образа этого мира, обеспечивающего создание модели своей будущей жизни, обладающей прогностическим многовариантным потенциалом. Построение образа мира взаимодействующего субъекта возможно благодаря смыслогенезу, разворачивающемуся в сознании. Именно смыслообразование на основе процессов обобщения и абстрагирования позволяет формировать из чувственной ткани перцептивного восприятия сначала объективное значение предметов и явлений [Артемьева Е.Ю., 1999; Леонтьев А.Н., 2014]. Это происходит как культурно-обусловленное структурирование их чувственных образов в семантические поля, из которых путём придания субъективной значимости оформляется изменяющаяся со временем иерархия системы смыслов, отражающих пристрастность, индивидуальность и неповторимый опыт бытия конкретного человека [Серкин В.П., 2022].

Совершенствование системы смыслов позволяет человеку подниматься на более высокие уровни своего развития. В плане психосемантики необходимо иметь в виду несопадение понятий смысла и значения, используемых в дискурсе не только психологии [Артемьева Е.Ю., 2007], но и других наук о человеке – в лингвистике, культурологии, социологии, философии. В данном корпусе гуманитарных наук до сих пор не принято общепринятой дефиниции смысла, так как каждая из дисциплин использует его по-своему в собственных исследовательских процедурах и опирается на свои внутренние дисциплинарные признаки [Леонтьев Д.А., 2019]. Логично представлять категорию смысла как трансдисциплинарный конструкт, обладающий природой философско-психологически-лингвистического порядка, благодаря чему именно смысловые

образования формируют связи среди когнитивных наук, изучающих комплексную проблему «мозг – сознание – язык», как одну из главных задач познания, требующих решения в третьем тысячелетии [Серый А.В., 2002].

В аналитической философии языка Г. Фреге, развивая классическую двухэлементную семантическую модель «знак как означающее – вещь как означаемое», ввел в формальной логике языка третью семантическую категорию «смысл» с целью конкретизации того, о чем идёт речь при приеме и передаче информации. В получившемся треугольнике позиция смысла представляется перспективой вещи, способом её данности, причем знак (выражение, слово) соотносится с вещью (значением) не напрямую, а выражаясь опосредованно с помощью перспективы смысла. Из семантического треугольника Фреге следует, что, благодаря введению категории смысла, возможно приращение знания о вещах, так как появляется возможность соотнесение с одной и той же вещью, как значением, нескольких слов, обладающих разными смыслами [Frege G., 2019].

В лингвистическом плане категория смысла предмета не тождественна категории значения предмета. Благодаря такому несовпадающему соотношению при интерпретации текста опора на смысл позволяет очертить ту область, в пределах которой, как обладающей опосредующей функцией, предполагается установление связей между словами, как именами предмета, и их значениями. Исходя из этого дополнительного признака, М.М. Бахтиным указано, что смысл является более широким, чем значение и может отражаться в тексте при интерпретации высказываний. Поэтому высказывания, начиная со слова как языковой единицы, приобретают именно в процессе коммуникации дополнительно к передаваемому значению ещё и смысл, который благодаря возникновению в речевом общении можно считать диалогичным, что не всегда присуще категории значения [Бахтин М.М., 2012]. Следовательно, смысл как высказывания, так и текста, не вытекает из простого и формального суммирования значений входящих в него языковых единиц.

По мнению А.А. Потебня, следует различать дистанцию между значениями языковых единиц интерпретируемого текста и его смыслами.

Исходя из этого ближний план содержит ближние значения как собственно языковое оформление, за которым открывается дальнейшее значение, содержащее непосредственно актуально передаваемые смыслы текста. Такая демаркация функций позволяет применить дихотомический принцип объективного и субъективного плана, согласно которому к объективному плану следует отнести значение, а в качестве субъективного плана необходимо рассматривать смысл [Потебня А.А., 1999].

И.В. Горина при изучении атрибутов и признаков целостности текстовых произведений указывает на возможность применения логико-смысловых инструментов. Они позволяют осуществлять перенос главных акцентов на поиски именно смысловых связей между предложениями как частями, устанавливая таким образом их связность в единство содержащего их текста произведения [Горина М.В., 2014].

Как отмечает И.М. Кобозева, совокупность контекстов, которые своим содержанием могут допускать двойственную, как в семиотическом, так и в несемиотическом плане, интерпретацию смыслов, является более широкой совокупностью, чем совокупность контекстов, из которых воспринимаются значения. Это происходит в силу того, что знак, соответствуя презумпции существования знаковой системы, может «приобретать» как значение, так и смысл, но «наполняется» знак может только смыслом. Это происходит потому, что толкователем смыслов является разум, интерпретирующий данное содержание и становящийся таким участником ситуации интерпретации знаков, который обладает дополнительно ещё и незнаковой сущностью и не соответствует презумпции существования знаковой системы [Кобозева И.М., 2000]. Поэтому в осознаваемом сознанием смысл предмета может вливаться несколько его значений.

А. Вержбицка в ходе разработки теории метаязыка предлагает на основе особого лингвистического анализа выявлять специфику результатов ментальной и культурной жизнедеятельности разных народностей. Исследователь считает, что при интерпретации текста наиболее эффективным будет одновременное

представление как значения, так и его смысловое объяснение. Из этого следует, что исследование значения применяемой в тексте языковой единицы представляется как толкование смысла данного текста или его фрагментов [Wierzbicka A., 2019].

Е.А. Морозкина при работе над переводами текстов с других языков обосновывает применение герменевтического круга, который при неоднократном применении становится герменевтической спиралью. Благодаря этому при интерпретации возможно неоднократные переходы между частями целого и самим целым с всё новым охватом общего смысла. Такое множественное включение в историческое понимание культуры исследуемой эпохи формирует условия для минимизации в процессе перевода и последующей интерпретации возникновения поверхностных мнений и смыслов. С этой целью рекомендуется при исследовании не ограничиваться рассмотрением разнообразных пластов общественной жизни, протекающей в интересующей переводчика эпохе, но также добавлять к этому изучение деталей жизни самого переводимого автора, его переживаний, достижений и мировоззрения [Морозкина Е.А., 2012].

И.А. Щирова считает, что при изучении текста следует обращать внимание, что источники смыслопорождения имеют разную природу. С авторской позиции следует познавать смысл как сконструированный и внутренне вложенный автором в текст, а с читательской позиции следует постигать смысл, который сконструирован самим читателем текста, но при этом не нужно забывать, что сам текст представляет собой самодостаточную систему, которая может формировать смысл исходя из своей собственной формально организованности. Тогда эффективным может быть объединяющая процедура, заключающаяся в том, что содержание текста изначально рождается разумом автора, после чего при прочтении происходит распрямление смысла читающим его в субъективной интерпретации как лично присвоенный смысл [Щирова И.А., 2012]. То есть смысл текста отыскивается на стыке разума автора и читателя.

По мнению И.В. Абакумовой, в процессе передачи знаний необходимо развивать способность к включению, вхождению и движению по герменевтическому кругу, а также к выходу из него. В ходе образовательного процесса это означает формирование условий для продуктивного приращения знаний учащихся [Абакумова И.В., 2003]. Это отвечает условиям формирования целостного и продуктивного обучения в соответствии с исходными логическими построением его процедур и выступает одним из основополагающих смыслодидактических компонентов, отражающих развитие методологии и практики образования [Абакумова И.В., 2003].

Лингвистический взгляд на генезис смысла, как считает А.И. Новиков, отражает такое понимание природы смысловых образований, при котором на основе расшифровки информации, содержащейся в тексте, можно вычислить смыслы этого текста посредством применения определенных приемов. С такой позиции исследователем выделяются следующие атрибуты смысла: инвариантность и универсальность, но вместе с тем изменчивость и обусловленность конкретными обстоятельствами ситуационного постижения [Новиков А.И., 1999].

В области философских представлений о смысле его исследование ведется с различных методологических позиций, не обладающих едиными и полностью совпадающими представлениями о смысловой природе. Это приводит к некоторой неопределенности его восприятия, отражающей тенденцию присутствия неопределенности в познавательной деятельности современного человека [Кригер Э.И., 2013].

Согласно феноменологическим представлениям Э. Гуссерля, понятие смысла относится к деятельности сознания, осуществляющего бытие конкретного человека благодаря возможности трансцендентного, хотя и неполного, выхода за очевидные сознанию наблюдаемые феномены [Husserl E.G., 2019]. Благодаря нахождению сознания человека и его бытия в единстве обеспечивается появление смысловых образований, осознание предметной включенности которых позволяет отражать в динамике иерархическую

значимость и ценность процессов и явлений, имеющих место в жизни отдельного человека [Husserl E.G., 2012].

К. Ясперс отмечает, что смысл следует рассматривать в виде феномена, имеющего субъективное происхождение. Благодаря этому именно смысловые образования могут осуществлять во внутреннем мире человека взаимосвязанное протекание психических процессов, а также связывать психические явления в собственном сознании с исторической формой сознания [Jaspers K., 2016]. Поэтому образование смыслов выступает одной из главных особенностей функционирования душевного мира человека и позволяет формировать целостную психическую организацию своего внутреннего мира и согласовывать её с внешними событиями, контекст которых носит исторически обусловленный характер.

По мнению М. Хайдеггера, смысл следует понимать в качестве атрибута, необходимого сознанию человека для познания цельности собственного неповторимого бытия-в-мире, то процесса осознанной жизни как таковой мире. То есть экзистенциальность выступает основой смысловых образований переживающего субъекта и выражает такую неповторимость процессов его мышления и осознания [Heidegger M., 2015], на основе которой он имеет возможность уникального постижения истинной ценности собственной жизни в окружающем мире. При этом, по мнению исследователя, существует опасность превращения человеком собственного подлинного бытия-в-мире в неподлинное, которое может происходить в случае преобладания только настоящего в восприятии жизни и нежелании видеть конечность своего существования [Heidegger M., 2015]. Тогда особенность, неповторимость и уникальность человека должна проявляться как способность его личности к преодолению пределов своей жизни и выходу за наличные границы собственного существования в этом мире.

Как считает М.П. Завьялова, в ходе исследования когнитивного разворота в корпусе философских наук усиливается лагерь эпистемологических концепций. Исследователь отмечает, что именно ключевые положения этих

концепций опираются на категории смыслов и их направленности, очевидного понимания, как их толкования, а также обращения к осмысливаемым формам жизни, повседневно наполняющим жизненные континуумы. С помощью этого появляется возможность сойти с позиции представления человека, как абстрактно постигающего окружающую реальность, и преодолеть дуальное противопоставление между познаваемым объектом и познающим субъектом [Завьялова М.П., 2012].

В.С. Степин при исследовании развития типов научной рациональности от классического через неклассический к постнеклассическому типу отмечает трансформацию механизмов развития цивилизации. Для эффективности такой трансформации требуется обширная рефлексия смыслов развития общества, транслируемых мировоззренческими конструктами созданной современным человечеством культуры, обладающей техногенной направленностью [Степин, В.С., Смирнова, Н.М., Синеокая, Ю.В. 2018]. Благодаря рефлексивному восприятию основ современной и предыдущей культурных эпох философская отрасль знания способна указывать на области, в которых может происходить зарождение новых ценностных оснований. По мнению исследователя, именно они могут дать толчок в становлении новых концептуальных идей, влияющих и меняющих мировоззрение и гуманитарный уклад современных общественных формаций [Степин В.С., 2013].

Как считает В.А. Лекторский, постижение особенностей постнеклассической рациональности, соответствующей настоящему периоду развития цивилизации, позволяет рассматривать происходящее как становление общества знаний. Для соответствия этому требуется осознанный анализ способствующих этому предпосылок ценностного и когнитивного плана [Лекторский В.А., 2013]. Благодаря этому данный тип научной рациональности предстаёт как деятельность рефлексии и критического анализа, осуществление которой может протекать в определенным образом организованных ценностных координатах, содержащих как минимум доверительные, свободные признательные отношения. Исходя из этого, в классическом типе научной

рациональности содержатся механизмы описания систем простого типа, в неклассическом типе (модерн) представлено познание систем саморегулирующегося типа, а постнеклассический тип (постмодерн) позволяет проводить исследования систем саморазвивающегося типа, которому соответствует личность, как форма существования человека [Лекторский В.А., 2013].

О.Р. Сигнаевская, проводя изучение постнеклассического этапа с позиций онтологии, выделяет важные признаки этого типа научной рациональности. Это усложнение компьютерных технологий, расплывчатое контекстное восприятие смыслов, нечувствительность общества к своим проблемам. Все это подталкивает человека к уходу в собственно смоделированную виртуальную реальность, иллюзорно замещающую реальность настоящего мира [Сигнаевская О.Р., 2012]. То есть во время постмодерна наступает период смещения смысловых ориентиров, восстановить которые становится все труднее для отдельного человека.

Д.Г. Шабалин при философском изучении в языке действия концепции онтологической относительности У. Куайна выделяет основной барьер, препятствующий постижению неродного языка – различие способов репрезентации мира. При таком разном видении бытия соотнесение смысловых образов у сравниваемых языков становится в зависимость от степени эквивалентной обозначаемости вещей и процессов, которые могут в этих языках присутствовать или отсутствовать [Шабалин Д.Г., 2012]. Поэтому языки, как носители смыслов, нельзя полностью сопоставить, системы анализируемых единиц таких языков будут различаться, использование синонимов будет затруднено. Соблюдение инвариантности переводимых смысловых конструкторов будет иметь место лишь если контексты и психологическое применение терминов будет освоено переводчиком полностью для обоих языков. Это соотносится с концепцией Сепира-Уорфа о лингвистической относительности в плане обусловленности мыслительной и познавательной деятельности применяемым языком [Sapir E., 2002].

По мнению В.О. Саяпина, в настоящее время помимо реальной коммуникации усиливается виртуальная коммуникация. Отличие последней в том, что в тексте могут использоваться гипертекстовые ссылки. В плане коммуникации гипертекст представляет собой другой текст и по своей принадлежности и содержанию является местом хранения смыслов, чужих для читателя и находящихся в отчужденных отношениях с ним [Саяпин В.О., 2012]. С применением гипертекстовых ссылок появляется новый способ структурирования текста, содержащего встроенные области смыслов для организации виртуального (отчужденного) общения с адресантами. По своей природе включенности в исходный текст собственно гипертекстовые ссылки, как метки, представляются субтекстами, доступ к которым организован нелинейно по отношению к исходному тексту. Именно посредством обращения к таким меткам создаются связующие переходы, открывающие выход к различным конфигурациям смысловых контекстов, расширяющих и усложняющих сферу коммуникации. Благодаря таким «норам» становится возможным формирование такого нового атрибута гипертекстов, как их мультимедийная природа [Саяпин В.О., 2012].

При прочтении гипертекста реализуется двухслойная интерпретационная процедура в виде слоя его структуры и в виде слоя структуры смыслов. Многоплановость внешней трансляции внутренне содержащихся в тексте смыслов возможна благодаря трансляции структуры взаимосвязей исходного текста с другими текстами, к которым отсылают имеющиеся гиперссылки [Саяпин В.О., 2012]. Следует заметить, что вне такой межтекстовой системы совокупность внутренне заложенных смыслов перестает существовать. С помощью этого реализуется интертекстуальная концепция в текстологии эпохи постмодерна, старающаяся заявить таким образом об интенциональности в сторону читателя, так как автор текста предполагается деперсонифицированным. Исходя из такого постмодернистского воззрения, лишь сам читатель имеет право интерпретировать такие виртуально организованный и непрерывные смысловые конструкции [Саяпин В.О., 2012].

В психологическом плане о категории смысла говорится в работах В. Дильтея с позиции объяснительной психологии. Категория смысла используется им не как буквальная категория, а для описательного объяснения переживаний человека, того, что происходит в его душевном плане. Неповторимое ценностное содержание внутреннего мира для каждого из людей раскрывается только тем, что переживается каждым в отдельности как чувственный опыт [Дильтей В., 2018]. По мнению исследователя, именно его главная роль заключается в формировании соответствующего влияния, отпечатка в действиях, поведении, целеполагании и мировоззренческом состоянии личности. Понимание этого и составляет главную функцию психологического познания, как описания через внутренне сопереживание.

Г.Л. Тульчинский при анализе концептуального механизма построения всеобщей концепции смысла указывает на невозможность этого. Исследователь обосновывает это тем, что для необходимо выявление полного набора взаимосвязей смыслов в структуре смысловых образований текста, что требуется для исполнения акта его понимания [Тульчинский Г.Л., 2018]. Однако такое установление полной совокупности смысловых связей будет означать неминуемый переход за границы текста в контекстные области в соответствии с бахтинскими представлениями о «внеаходимости» смыслового плана [Бахтин М.М., 2000].

Исходя из этого, исследователь считает необходимым проводить процедуру выявления смыслового назначения слова на основе анализа содержащего его предложения, смыслового назначения предложения на основе интерпретации текста, в который оно входит, смысловое назначение самого текста отыскивать на основе изучения его контекста, ну а смысловое содержание самой жизнедеятельности следует искать за пределами бытия человека. С такой позиции на формирование всеобщей концепции смысла будет оказывать разнонаправленное воздействие контекстное поле познавательной направленности, специфика деятельности субъекта и особенности коммуникационных процедур [Тульчинский Г.Л., 2018]. Это представляется

крайне многоплановой сферой, требующей учета неповторимого характера жизни и обстоятельств развития личности каждого человека в условиях современного общества.

Психоаналитическая концепция З. Фрейда рассматривает смысловые категории в русле психодинамической интерпретации неосознаваемого поведения людей. По его мнению, в смысловых образованиях могут выражаться скрытые пласты поведенческих мотивов. С их помощью происходит исполнение неудовлетворенных потребностей и скрытых желаний индивида, как реализация внутренне содержащихся бессознательных инстинктов биологической природы посредством социально приемлемых форм взаимодействия и поведения [Фрейд З., 2017]. В неофрейдистских концепциях описываются различные механизмы эго, защитные функции которого могут осознаваться и целенаправленно использоваться человеком для облегчения прохождения кризисных жизненных ситуаций. Смысл такого использования, отвечающего на вопрос «почему?», видится в умении своевременно останавливать непосредственный характер удовлетворения человеком возникающих инстинктивных потребностей [Фрейд А., 2016].

В концепции «индивидуальной психологии», основоположником которой является А. Адлер, используется понятие смысла в виде одного из центральных концептов для интерпретации общей траектории индивидуальной жизнедеятельности человека. Данная теория разработана как концепция того смысла, который имеет индивидуальное происхождение [Adler, 1982]. Исходя из индивидуальной природы доступного себе смысла человек осуществляет свое поведения определенным образом, что помогает ему отвечать на вопрос «для чего?». Это означает формирование требовательного отношения к себе, чтобы исходя из понимаемого человеком смысла собственной жизни, определять смысловое содержание своих ситуативных действий в современном обществе [Adler A., 1982].

Экзистенциальные подходы психологии рассматривают смысловые образования в качестве основных концептов, с помощью которых возможна

полноценная интерпретация неповторимости жизни человека, как бытия в мире. По мнению Л. Бинсвангера, именно смыслы следует применять для изучения природы переживания значимости протекающих в жизни человека процессов и явлений внешнего и внутреннего мира. Вся разнородную палитру переживаемых человеком эмоций и чувств в связи воздействием окружающей действительности, можно отразить с помощью языка. Формируемая разнообразными языковыми формами ценностно-смысловая конструкция представляется особым образом организованной совокупностью смыслов. Такая специфическая совокупность смыслов имеет содержание пространственно-временной, духовно-нравственной, психической, звуковой, визуальной природы [Бинсвангер Л., 2017].]

На важность разработки концептуальных подходов к исследованию генезиса личностных смыслов, а также развивающихся на их основе неповторимых смысловых портретов личности, указывает Л.С. Выготский. В своих работах он обозначает направление исследования структуры высших психических функций, опосредованных использованием знаковых систем [Выготский Л.С., 2017]. Исследователь с позиции культурно-исторического понимания развития ребенка рассматривает этот процесс как регулируемый смысловыми образованиями. При этом сам смысл, обладая психолингвистической природой, осуществляет регулируемую функцию по отношению к значению слова и высказывания. Это происходит в силу того, что сознание имеет смысловую природу относительно внешне воспринимаемого мира [Выготский Л.С., 1982].

Развивая данный подход, А.Н. Леонтьев разрабатывает методологические подходы к изучению смысловой регуляции деятельности. Им обосновывается концепция влияния на деятельность человека в мире иерархии смысловой сферы личности, которая может осуществлять интеграцию психических процессов в целое [Леонтьев А.Н., 1977]. Также это обуславливает смысловую природу изменения мотивационной направленности человеческой деятельности. Это происходит в силу того, что именно особые отношения имеющихся у личности

мотивов к целям деятельности и формируют её смысловое наполнение [Леонтьев А.Н., 1984]. Тогда получается, что смысл, в силу приобретенного уникального личного опыта, пережитых эмоций и имеющихся отношений, наполняется личностным содержанием, в котором имеются как проявления интеллектуального плана, так и разнообразное наполнение эмоциями и чувствами.

А.Г. Асмолов показывает целесообразность применения категории смысла с личностной позиции, что позволяет рассматривать отношения, формируемые при соотнесении индивидуального и общественного плана жизнедеятельности, как отношения, приобретающие «значения-для меня». Такая позиция представления смысла может реализовываться через формирование и реализацию смысловой установки. Она рассматривается как состояние подготовленности к выполнению требуемым образом организованной деятельности, так как это, по мнению исследователя, усиливает направленность и повышает устойчивость реализуемых поведенческих актов [Асмолов А.Г., 2019].

В работах В.Ф. Петренко исследуются особенности зарождения и трансформации системы личностных смыслов, представляемых как многомерные семантические множества, встроенные в структуру образа мира взаимодействующего субъекта [Петренко В.Ф., 2015]. Особенностью таких семантических континуумов является полимотивированный характер актуализации наполняющих их смысловых образований [Петренко В.Ф., 2013]. В силу этого становится важным требованием осознание человеком протекающих в его сознании процессов смыслогенеза, для чего следует формировать долгосрочную мотивацию своего поведения. С помощью применения такой дальней мотивации возможен выбор среди большего количества доступных человеку траекторий реализации своего творческого потенциала в обществе с целью становления себя в нем [Петренко В.Ф., 2017].

По мнению Н.А. Александровой, существует несовпадения и разногласия в ходе развития системы смысловых образований, проявляющиеся в различных

плоскостях. Это может быть несогласованность обывательских представлений о нравственности с имеющимися научными обобщениями и теоретическими взглядами на допустимость этики; несовпадение результатов абстрагирования с итогами конкретизации эмпирических представлений; разнородность и непохожесть истинно понимаемых воззрений по отношению к ошибочным и иллюзорным подходам; рассогласованность традиционных и новаторских позиций [Александрова Н.А., 2011]. В тоже время исследователь указывает на производный характер противоречивых несовпадений в плане чувств и эмоций, что порождается рассогласованностью когнитивной сферы.

Д.А. Зуев в ходе исследования особенностей процедур толкования людьми происшествий, случающихся с ними, указывает на то, что смысловое содержание формируется специфично. Смысл приписывается событию человеком на основании того, какой психологический портрет окружающей реальности имеет место в сознании человека [Зуев Д.А., 2011]. В качестве слагаемых такого психологического портрета исследователь рассматривает многоуровневую иерархию потребностной сферы внутри субъективно организованных смысловых конструкторов, посредством чего детерминируется общая смысловая направленность бытия человека. В тоже время субъективное происхождение смысловых образований имеет признаки осознания или его отсутствия, в связи с чем разная степень порядка явлений реально существующего или идеально представляемого бытия должна непременно состоять в согласованных отношениях. Для обеспечения такого непротиворечивого состояния именно смыслы выполняют функцию упорядочивания, задавая его, с одной стороны, а с другой стороны, отражая результат проводимой организационной структурированности в сознании [Зуев Д.А., 2011].

В работах Д.А. Леонтьева проведена разработка психологии смысла на основе многоуровневого концепта смысловой сферы, которая в сознании рассматривается как смысловая многомерная реальность. В смысловой реальности исследователь рассматривает три смысловых плана: бытийный (онтологический) план, деятельностный план и феноменологический план

[Леонтьев Д.А., 2019]. Для изучения их специфики вводится категория динамической системы смыслов, которая, как единая и иерархически сложная система, проявляет автономный и устойчивый характер. Принимаем трактовку смысла, данную Д.А. Леонтьевым, а именно, смысл представляется в виде отношения между объектом и субъектом, выражающее место данного объекта в жизни субъекта, определяющее этот объект в его образе мира и исполняющуюся в личностных структурах, определяющих его поведение в отношении к этому объекту [Леонтьев Д.А., 2019].

Процесс понимания, по мнению М.М. Бахтина, позволяет генерировать смысловые образования, присущие исключительно личности данного человека. А это означает, что смыслы имеют личностную природу, и полным названием категории смысла следует считать «личностный смысл». Однако это дополнение подразумевается в психологии и в основном по умолчанию опускается при употреблении, оставляя лишь «смысл». Личностный атрибут приобретает смыслом в ходе осуществления процедуры понимания человеком другого человека. И в процессе понимания «другого», сопереживания «другому» изнутри происходит трансформация смыслового образования, приобретающего атрибут «мой-чужой», включающего следующие составляющие [Бахтин М.М., 2012]:

- 1) процесс материального восприятия знаков на психофизиологическом уровне;
- 2) процесс вспоминания (узнавания) знакомых либо незнакомых совокупностей знаков;
- 3) процесс осознания актуальных значений совокупностей воспринимаемых знаков в данной контекстной обстановке наличных обстоятельств ситуации взаимодействия;
- 4) осуществления диалогического акта понимания благодаря прохождению дихотомии спора-согласия, исходя из наличных контекстуальных условий такого диалога между своим душевным миром и переживаемым миром другого человека.

Исходя из этого, неотъемлемым атрибутом акта переживания и понимания

«другого» выступает диалог, как особая коммуникативная процедура осознанного восприятия неповторимого опыта этого «другого» человека, что возможно с помощью языковых средств, используемых в качестве освоенных систем знаков [Бахтин М.М., 2012]. Это также означает, что смысл, формируемый в сознании человека, всегда является личностным смыслом и имеет индивидуальную природу, в отличие от значений, которые могут восприниматься на уровне группы.

В теоретическом плане настоящая диссертационная работа опирается на современные концепции деятельностно-смысловых подходов к исследованию личностного развития действующего и переживающего субъекта. Несмотря на имеющееся разнообразие познавательных взглядов на исследование человека в современном корпусе психологических наук, применение для этого методологического аппарата смыслогенеза, по нашему мнению, позволяет корректно изучать особенности личностной эволюции по причине того, что смысловые образования являются интегральными инструментами регуляции всех направлений самоосуществления человека в настоящем мире [Леонтьев Д.А., 2019]. К таким подходам современных деятельностно-смысловых разработок относятся: концепции смыслогенеза в различные периоды личностного развития [Абульханова К.А., 2017; Блинникова И.В., 2003; Величковский Б.М. 1983; Гальперин П.Я., 1999; Давыдов В.В., 1986; Ключко В.Е., 2017; Коржова Е.Ю., 2012; Смирнов С.Д., 1985; Тхостов А.Ш., 2011; Эльконин Д.Б., 2017], концепции смысловой регуляции ценностно-мотивационной сферы [Братусь Б.С., 2014; Василюк Ф. Е., 2016; Зинченко В.П., 2009; Лурия А.Р., 1998; Рубинштейн С.Л., 2002; Тихомиров О.К., Брушлинский А.В., 2013; Климов Е.А., 1995; Шадриков В.Д., 1996], концепция смысловой установки [Узнадзе Д.Н., 2013], логотерапевтических подходов [Frankl V., 2017]. Также данная работа опирается на концепции многомерного семантического шкалирования [Артемьева Е.Ю., 1999; Петренко В.Ф., 2017; Шмелёв А.Г., 2002; Allport G, 1966; Kelly G, 1955; Cattell R, 1965; Osgood C., 1990].

1.2. Особенности актуализации смысловых образований личностного развития в условиях неопределенности

Личностное развитие под действием необратимости во времени человеческой жизни представляет собой эволюцию, выходящую за границы сугубо психофизиологических представлений об этом. Особенности формирования у человека психических новообразований необходимо учитывать при прохождении развития через соответствующие сенситивные (критически чувствительные) периоды жизни в детском, подростковом и взрослом возрасте. Для восхождения человека к акмеологическим высотам развития своей личности важно уделять внимание формированию самодостаточных механизмов регуляции собственного бытия в мире. Ключ к формированию эффективности таких регуляторных механизмов лежит в своевременном освоении человеком адекватной смысловой регуляции своей деятельности в мире для умения преодолевать неопределенные и кризисные ситуации жизненных взаимодействий.

Важным условием обеспечения эффективности действия механизмов смысловой регуляции деятельности является преодоление рассогласованности (гетерохронности) изменений биологического и социального плана в ходе личностного развития [Кондратьев М.Ю. 2008]. Это рассматривается в исследованиях с позиций деятельностно-смысловых концепций отечественной психологии. Исходя из особенностей культурно-исторического подхода к формированию личности, Л.С. Выготский указывал на такое нарушение её развития в виде рассинхронизации протекания разноплановых сторон онтогенеза. В дополнение к категории возраста биологического развития и возраста интеллектуального развития предлагается категория возраста культурного развития. Это означает, что при нормальном физиологическом развитии в детском возрасте появление такого специфического вида детской недоразвитости, как культурная примитивность, свидетельствует о недостатках в культурном развитии ребенка [Выготский Л.С., 2019]. В основном, такая недоразвитость культурного развития является следствием неполного освоения

аппарата культурного взаимодействия и поведения, опирающегося на владение языком и символическими системами-посредниками. При этом натуральная (биологическая) и культурно обусловленная траектория онтогенеза должны развиваться без взаимных запаздываний. Таким синхронным протеканием процессов будет формироваться планомерный переход от низших к более высшим уровням поведения [Выготский Л.С., 2019].

Б.Г. Ананьев указывает, что наступление гетерохронности в развитии личности происходит вследствие рассогласованности процессов возникновения психических новообразований на определенных этапах онтогенеза. По мнению исследователя, следует дифференцированно рассматривать категорию зрелого состояния и рассматривать возраст биологический, возраст психический и возраст социальный. При этом каждый из данных видов возрастов на тех или иных жизненных стадиях может не только опережать, но и запаздывать по отношению к двум остальным видам возраста [Ананьев Б.Г., 2016]. Особенность такой дифференциации на виды возраста такова, что на данной жизненной стадии самое большое своё развитие имеют те психические функции, обеспечивающие максимальное вложение в эволюции личности на этой стадии жизни, благодаря чему минимизируется расход жизненного потенциала. Поэтому, с одной стороны, имеется разная скорость восприятия и смены освоенных ролей социальных взаимодействий, детерминированных наличными общественными взаимоотношениями на данной стадии жизни, а с другой стороны, этому не соответствует скорость трансформации черт личности, формирующихся в таких условиях. В силу этого на содержание и скорость осуществления данной стадии жизни оказывают критическое влияние важные исторические происшествия, трансформации характера образования и воспитания, перемены в образе жизни, деформации ценностно-смысловых образований и жизненных целей. Следует отметить, что на трансформацию черт личности оказывает воздействие изменение в социальном статусе, изменение социальных ролей, перемены в структуре отношений между группами и внутри своей группы [Ананьев Б.Г., 2016].

И.С. Кон отмечает разноплановый характер эталонов для установления возраста личностного развития. Могут быть состояния, когда возраст биологический, возраст психический и возраст социальный различаются [Кон И.С., 2014]. Их установление производится посредством сравнения объективных параметров с параметрами среднестатистической выборки, принадлежащей к группе определенного хронологического диапазона. Кроме этого следует учитывать возраст субъективно переживаемый, мнение о котором формируется каждым человеком в зависимости от того, считает ли он свою жизнь полноценной, есть ли в ней значимые события, имеется ли у него осознание степени реализации потенциала своей личности на определенном этапе пройденной жизненной траектории [Кон И.С., 2014].

Важной особенностью современного мира является необходимость личностного развития для выработки человеком адекватных стратегий поведения в развивающемся и усложняющемся мире. В свою очередь, усложнение представлений о мире приводит к увеличению неопределенности. Высокая динамика приращения знания об окружающей реальности приводит к необходимости развития механизмов познания и усложнения парадигмальных взглядов в исследуемых областях [Назаретян А.П., 2018]. Гносеологический план развития личности содержит в себе познаваемый объект и познающий субъект, которому присущи сознательные атрибуты и волевые атрибуты.

Приращение знания в концепции кантовской трансцендентальности представляется частично возможным, так как восприятия реальности имеет некоторые границы, за которые человеку не дано полностью перейти. С позиции субъект-объектного понимания границ гносеологической деятельности представляется некоторое рубежное состояние, через которое человек-субъект не может полностью перенести себя для исследования себя, как человека-объекта [Кант И., 2017]. Это полностью невозможно, так как будет означать полное выделение своего познающего сознания за предел самого себя, и из такой полностью внешней позиции постижение своего же познаваемого опыта. Сознание человека не может стать трансцендентальным, то есть находиться

одновременно по обе грани предела собственного процесса познания [Гаспарян Д.Э., 2017].

При изучении особенностей усложнения и приращения знания В.С. Степин указывает на необходимость учета изменения типа научной рациональности. Под этим он подразумевает в общем понимании стиль мышления познающего субъекта (ученого), а в строгом понимании подразумевает актуально действующую научную парадигму, отражающую совокупность концептуально-логических взглядов на познаваемый объект и применяемые средства его познания. Таким образом в гносеологическую систему входят: познаваемый объект, познающий субъект и средство познания [Степин В.С., 2018]. Для классификации уровней развития типов научной рациональности обосновано привлечение трех критериев. Во-первых, это эволюция научных картин мира, показывающих системную типологию объектов познания. Во-вторых, это состояние научных норм и образцов научного познания, как его идеалов, свидетельствующих о степени обобщения схем познавательной деятельности в виде применяемых средств и воздействий на познаваемый объект. В-третьих, это содержание мировоззренческих взглядов субъекта познания, показывающих ценностно-мотивационные установки ученого и степень их осознания, что в целом выражает принимаемые к действию на данном историческом отрезке мировоззренческие взгляды в научном сообществе [Степин В.С., 2013].

Такой классификационный аппарат позволил В.С. Степину выделить следующие типы научной рациональности, отражающие качественное нарастание сложности и неопределенности познаваемой человеком реальности окружающего мира:

а) доклассическая научная рациональность – имела распространение до 17 века и включала философское знание, осуществляемое под девизом «знание ради знания». Характер получаемых знаний – интегративный и умозрительный, свидетельствующий о существующем в то время единстве познания человека о себе и о природе. Дальнейшие трансформации основ науки проходили из-за

научных революций, провоцируемых обнаружением парадоксальных познавательных ситуаций в определенных научных сферах. Со временем это привело к оформлению классического типа, неклассического типа и постнеклассического типа научной рациональности, исходящих из разного уровня рефлексии учеными своих действий [Степин В.С., 2018];

б) классическая научная рациональность отражает возможности изучения простых объектов или их небольших совокупностей, как простых систем. При этом специфика применяемых для этого средств не учитывается. Научным девизом является «знание – это сила», а познаваемая предметная область видится простой системой, которую можно изучать с позиции единой картины исследуемого мира [Степин В.С., 2018];

в) неклассическая научная рациональность позволяет изучать классы сложных систем, обладающих свойствами самоорганизации. Признание этого обеспечивает возможность исследования взаимосвязей между частями таких саморегулируемых сообществ. Благодаря этому стилевой характер научных взглядов приобретает диалектическое содержание, исходящее из необходимости учёта взаимообусловленности исследуемых процессов окружающего мира. Однако и на этом уровне не происходит рефлексии влияния научной целей и социальных ценностей на специфику процесса приращения знания, хотя это влияние присутствует в неявной форме. Происходит необходимое расширение монокаузальности (однофакторной причинности) до уровня вероятностной каузальности (множественной причинности). Это позволяет учитывать появление неопределенности из-за нехватки полученного знания, формировать специализированные (частные) представления о мире и разделить научное познание на научные дисциплины, и такая дисциплинарность научного познания становится идеалом научного познания на данном этапе [Степин В.С., 2018];

г) постнеклассическая научная рациональность допускает изучение классов саморазвивающихся сложных систем исходя из соответствия полученных знаний со спецификой используемых для этого средств, а также с ценностно-мотивационными установками исследователя в ходе

осуществляемых им познавательных операций. На этом этапе появляется возможность изучать связанность внутринаучных целей и внеучной общественной значимости деятельности ученых, а также целями познавательных процедур. С такого уровня саморефлексии открываются возможности исследования неповторимости саморазвивающихся систем познаваемых объектов, в которые на основе прямых и обратных связей включен сам исследователь, как познающий субъект. Новый уровень такой целостности обеспечивает возможность приспособления к неопределенности окружающей действительности, так как потребностно-мотивационный план дополняет развиваемые представления о приращении познания об окружающем мире. Такой учёт ценностного и объективного взгляда обеспечивает неразрывность гуманистических представлений от траектории познавательной деятельности, что выступает идеалом научных представлений для данного типа научной рациональности [Степин В.С., 2018].

Представленные изменения типов научной рациональности свидетельствуют, с одной стороны, о расширении и усложнении объективно-истинных познаний о мире, а, с другой стороны, об увеличении вероятностного и неопределенного характера познаваемых процессов. Действие неопределенности, принимаемой в виде новой методологической предпосылки, стало учитываться в современной психологической науке сравнительно недавно [Корнилова Т.В., 2018]. Системное понимание и исследование специфики действия неопределенности на смысловую регуляцию жизнедеятельности нужно проводить с широких позиций, которые охватывали не только объективную сторону воздействия неопределенности, но и субъективную сторону влияния на личностное развитие [Марцинковская Т.Д., 2018].

Объективное действие неопределенности, по мнению С.Д. Смирнова, следует рассматривать в виде некоей данности, которую человек не в состоянии изменить и которая будет только увеличиваться по мере познания мира, картина которого будет постоянно усложняться. При этом субъективное влияние воздействия эффектов неопределенности представляется образованием

психосоциокультурного порядка, в котором выражается расплывчатая и аморфная самоидентичность представителей современного общества, потеря ими гуманитарных и моральных принципов поведения, обесценивание уникального богатства и неповторимости межличностных взаимоотношений [Смирнов С.Д., 2016].

Действие неопределенности на личностное развитие в современных условиях следует в многостороннем плане рассматривать как с объективных, так и с субъективных позиций [Годунов М.В., Абакумова И.В., Голубова В.М., 2019]:

1) объективное действие неопределенности:

а) в гносеологическом плане воздействие неопределенности оказывает влияние на выбор способов получения знания на стадии постнеклассического типа научной рациональности и свидетельствует о нехватке получаемой информации;

б) в онтологическом плане действие неопределенности свидетельствует о таком состоянии личной и общественной жизни, которая с течением времени усложняется независимо от активности и направленности деятельности познающего субъекта в окружающем мире;

2) субъективное действие неопределенности:

в) в экзистенциальном плане наличие неопределенности указывает на частичное или полное отсутствие смысловых образований, с помощью которых человек может формировать содержание и задавать направленность своего бытия в мире;

г) в феноменологическом плане присутствие неопределенности показывает пределы и ограничения сформированных во внутреннем мире разноплановых процессов развития психики. Благодаря такой разноплановости возможен выход личности за пределы очевидных феноменов, то есть трансценденция личности для смыслового соединения сознания личности и её бытия с целью постижения значимости её жизни.

Важным условием для снижения и преодоления действия разнообразных

эффектов неопределенности считается категория толерантности (терпимости, устойчивости) к неопределенности, предложенная И. Френкель-Брунsvик. Толерантность к неопределенности имеет интеллектуально-личностную природу и означает принятие человеком действия неопределенности, наличия новизны, либо противоречивого характера условий собственных действий и принимаемых решений [Корнилова Т.В., 2016]. По мнению И.Н. Леонова, имеется много в целом близких трактовок категории толерантности к неопределенности, что помогает лучше понимать, каким образом люди могут справляться с появлением неопределенности в каких-либо ситуациях, воспринимаемых не только как неопределенные, но, так же и, в некоторой степени, как кризисные ситуации [Леонов И.Н., 2018].

В современной версии деятельностно-смыслового подхода личностное развитие рассматривается с позиции способности человека преодолевать жизненные ситуации не только неопределенного характера, но также и кризисного. В неопределенных и кризисных ситуациях человек сталкивается с переменами, идущими в его жизнь из внешнего изменчивого мира, к которому недостаточно простого приспособления.

Для выхода из постулата такого ситуативного приспособления В.А. Петровский обосновывает необходимость перехода человека к надситуативной активности. Именно благодаря такой форме активности личность может справиться не только с неопределенностью и нестабильностью условий изменчивой жизни в транзитивном обществе, но и преодолевать кризисные явления не только внешнего, но также внутреннего порядка [Петровский В.А., 2009]. Благодаря механизмам такой надситуативной активности человек способен к формированию новых личностных черт. Именно они в наличных ситуациях настоящего времени на первый взгляд кажутся избыточными [Петровский В.А., 2021]. Однако, как считает А.Г. Асмолов, только они помогают при переходе в новые условия жизнедеятельности для своевременных изменений под действием постоянно идущих перемен современной жизни. Это способствует развитию изменчивого человека в изменчивом мире [Асмолов А.Г., 2019].

По мнению Д.А. Леонтьева, жизнь человека в обстоятельствах недостатка определенности и предпосылочности целесообразно рассматривать не на одном уровне, а на двух. Первый уровень отражает субчеловеческое автоматическое существование в условиях детерминированности условиями внешних непреодолимых обстоятельств с минимальными затратами и, следовательно, минимальными возможностями для реализации своего личностного потенциала. Второй уровень отражает истинно человеческий план бытия, на котором возможно максимальная реализация личностного потенциала, осуществление которого является для самого человека энергозатратным мероприятием. Однако именно здесь открываются разнообразные возможности для самодетерминации собственной жизнедеятельности и осуществления автономии личности [Леонтьев Д.А., 2011].

Это означает, что процессы личностного роста являются энергозатратными, не всегда полностью окупаются, протекают посредством преодоления кризисов различного происхождения, что воспринимается человеком как неблагоприятное перенапряжение и дискомфортное состояние [Асмолов А.Г., 1986]. Рассматривая возможность приспособления человека к таким неблагоприятно воздействующим на него условиям, ему необходимо поддерживать сбалансированное состояние между чрезмерными требованиями со стороны внешней среды и выделяемыми на данное ситуативное реагирование затрачиваемыми внутренними психическими ресурсами, которые не являются безграничными [Петровский В.А., 1996].

В ходе эволюции человек научился защищать себя от раздражителей как из внешней, так и из внутренней среды. Главной задачей при действии раздражителя, воспринимаемого как патогенный, но не опасный, является поддержание гомеостаза – постоянства внутренней среды системы, например, организма. Такими двумя основными механизмами защиты от действия раздражителя могут выступать два типа реагирования. Во-первых, это синтоксическая реакция (от греч. «syn» – вместе) в виде прекращения борьбы, пассивного приспособления, терпения и сосуществования с ним [Дармограй

В.Н., Морозов В.Н., Акульшина Е.В., 2015]. Во-вторых, это кататоксическая реакция (от греч. «cata» – против) в виде активного противодействия и атаки на опасный патогенный раздражитель для его устранения. Это приводит не к поддержанию гомеостаза (от греч. «homoios» – похожий), как стремлению сохранять постоянство идеального внутреннего состояния на одном уровне, а к энантиостазу (от греч. «enantio» – противоположный, «stasis» – стоять на месте), как поддержанию функциональности не смотря на внешние колебания. Это проявляет способности открытой саморегулирующейся системы поддерживать свои обменные функции и сохранять физиологические функции в процессе жизнедеятельности в изменчивой среде [Дармограй В.Н., Морозов В.Н., Акульшина Е.В., 2015].

Если внутренних психических ресурсов не хватает и не происходит совладания с такой, воспринимаемой как опасная, ситуацией, то наступает стресс в понимании Р. Лазаруса. По его мнению, для того чтобы человек справлялся с этим на уровне эмоционального восприятия, когнитивной проработки и поведенческого реагирования, существует две укрупнённых группы совладающего со стрессом поведения, которые получили название копинг-стратегий [Lazarus R.S., 2018].

Во-первых, это группа проблемно-ориентированных копинг-стратегий, использование которых позволяет человеку осмысленно видеть появившуюся проблемную ситуацию и стрессовое состояние, возникшее по этому поводу. Такие стратегии исходят из стремления к улучшению и разрешению появившейся проблемы с помощью отыскания дополнительной информации о том, как изменить своё поведение и правильно действовать в сложившейся ситуации. Так человек обогащает свой поведенческий репертуар, что помогает ему в настоящем и будущем лучше контролировать и не допускать наступления таких сложных ситуаций.

Во-вторых, это группа эмоционально-ориентированных копинг-стратегий, использование которых помогает человеку сконцентрироваться на таких рассуждениях, которые способствуют понижению уровня психологического

давления на него. Однако такой ход мыслей на первый взгляд уменьшает психологическую напряженность, однако по своей сути не способствует разрешению возникшей проблемной ситуации, являющейся источником стрессогенного воздействия.

Однако может быть и вариант совмещения этих двух групп, означающий что человек может прикладывать большие старания для преодоления возникших при стрессе отрицательных эмоций. При этом снижение эмоционального накала в свою очередь помогает мышлению человека быть более рациональным и рефлексивным. По данным Б. Компас, степень эффективности применения той или иной копинг-стратегии зависит от соотношения между группами ориентированных на проблему или группами ориентированных на эмоции стратегий с одной стороны, и действительной контролируемостью ситуации или видимым контролем ситуации, с другой стороны. В общем, при контроле ситуации максимальный эффект достигается проблемно-ориентированными стратегиями, а при отсутствии контроля над ситуацией лучше действуют эмоционально-ориентированные копинг-стратегии [Compas B., 1998].

Р. Лазарус под копинг-стратегией понимает совокупность когнитивных актов и поведенческих реакций, предпринимаемых для контроля, управления стрессовой ситуацией, её трансформации, а также для формирования устойчивого восприятия или снижения её влияния на участников. При этом в качестве основных траекторий поведения выделяются три копинг-стратегии [Lazarus R.S., 2018]:

1) разрешение возникшей проблемы – представляется конструктивным и наиболее эффективным механизмом преодоления возникшей стрессовой ситуации;

2) избегание возникшей проблемы – представляет неконструктивным и контрпродуктивным для преодоления возникшей стрессовой ситуации;

3) поиск социальной помощи и поддержки в решении проблемы у других людей – представляется как перекалывание решения проблемы на других людей.

Инструменты, содержащиеся в стратегиях совладающего поведения, играют роль компенсаторных механизмов для малозатратного преодоления воздействия стрессогенных факторов, угрожающих витальности, сопровождающих проблемные ситуации взаимодействия [Куликов Л.В., 2004]. Однако по своей сути копинг-стратегий представляют собой целенаправленные поведенческие механизмы, опирающиеся на адекватные и доступные данному человеку способы реагирования как приспособления к действительности. Они включают осознание имеющихся у человека возможностей, понимание доступных ему ресурсов, а также условий среды, ограничивающих его действия [Крюкова Т.Л., 2019]. В этом заключается основное отличие от механизмов действия психологической защиты (отрицание, рационализация, вытеснение, проекция, идентификация, обесценивание, примитивная идеализация, интеллектуализация), представляемой с позиций психоанализа как действие неосознаваемых механизмов человеческой психики.

Действие психологической защиты не дает осознания степени важности поступающей о возникшей ситуации разнообразной информации, об уровне её угрозы. При этом поступающая информация под действием когнитивных механизмов психологической защиты будет подвергаться искажениям, подмене и даже игнорированию. В таких условиях будет формироваться специфическое иллюзорное состояние сознания, которое будет возникшую в жизни человека стрессовую ситуацию исказить или считать, что её нет. Так сознание, подверженное действию психологической защиты, борется с конфликтными мыслями и возникающими от этого негативными эмоциональными проявлениями, чтобы не допустить разбалансировки своего внутреннего мира [Крюкова Т.Л., 2019].

По мнению Ф.Е. Василюка, можно выделить пять оснований, по которым различаются действие в стрессовой ситуации копинг-стратегии от действия механизмов психологических защит.

Во-первых, наличие основных целей – у психологической защиты целью выступает недопущение влияния стрессогенного фактора на равновесие

внутреннего мира. У копинг-стратегий целями выступает наилучшая адаптация к изменившейся реальности для удовлетворения имеющихся потребностей, что инициирует целеполагание в жизнедеятельности для достижения трудно достижимых целей [Василюк Ф.Е., 1984].

Во-вторых, характер протекания – психологической защите присуще автоматическое протекание, что в большей степени не осознаётся, а также имеет атрибут ригидности, как неспособности к переменам. Копинг-стратегии присуща осознаваемость и гибкость по причине её целенаправленности [Василюк Ф.Е., 1984].

В-третьих, дифференцированное действие – психологическая защита не принимает целостный характер ситуации и воздействует на психику напрямую, что означает практически одно и тот же повторяющееся воспроизводство по отношению к разнообразным ситуациям. Копинг-стратегия учитывает реальность воздействующей стрессовой ситуации и отражает стремление к сбалансированности между ситуативно возникшей целью и глобально осуществляемыми целями в жизни человека [Василюк Ф.Е., 1984].

В-четвертых, принятие помощи – под действием психологической защиты человек закрывается в «защитную скорлупу» и не принимает возможную помощь других, либо перекладывает на них ответственность в ситуации. Копинг-стратегия использует возможности в виде обращения к помощи других людей. [Василюк Ф.Е., 1984].

В-пятых, функциональность и результативность – психологическая защита приводит к развитию невротических состояний, хотя и возможно улучшение на короткое время. При этом использование психологической защиты может предотвращать от психотравм в момент их воздействия. Копинг-стратегия инициирует контроль и упорядоченность в исполнении потребностей, в достижении целей, в приращении опыта [Василюк Ф.Е., 1984].

Таким образом, психологическая защита означает невосприимчивость к переменам, стереотипное и неосознанное реагирование. В ходе реализации копинг-стратегий происходит пластичная и осознанная работа человека со

стрессовой ситуацией, что означает перестройку его смысловой сферы под новые условия жизнедеятельности [Маклаков А.Г., 2001].

В процессе изучения воздействия смысловых образований на формирование направленности и содержания процессов взаимодействия, отношений и прохождения различных ситуаций, появляется необходимость исследования средств формирования смыслового плана личности и технологий её усложнения и изменения в новых и неопределенных обстоятельствах, либо при переключении на иные цели. В соответствие с этим характер изменения процедур формирования личностных смыслов будет отражать их содержательное наполнение, качество реализации и направленность разворачивания. Их содержание, качество и динамика будут отражать не только происходящее во внутреннем мире (человеческом мире) в виде составляющих образа мира, но и во внешнем мире (мире человека), как смысловой окрашенности взаимодействий. Это важно для более адекватного описания и предсказания поведения людей как в обычных ситуациях, так в неопределенных и кризисных ситуациях современного быстроменяющегося мира.

В современных версиях деятельностно-смысловой парадигмы формирование личностных смыслов представляется в виде многоплановых процессов перетекания (распространения) из центральных зон смысловой сферы, как ведущих структурных областей иерархически значимых смысловых образований. Такое перетекание смыслов происходит в направлении периферических зон, в которых содержатся смысловые конструкты, реализуемые в конкретных обстоятельствах жизненных взаимодействий [Леонтьев Д.А., 2019]. Это проявляется посредством личностных черт (свойств), которые обладают гибкостью или устойчивостью при проявлении в соответствующих ситуациях [Леонтьев Д.А., Иванова Т.Ю., Осин Е.Н. и др., 2018].

С учетом такого обстоятельства открываются возможности выявления источников актуализации источников формирования ситуативных смысловых образований, выступающих в качестве каузальных прообразов совершаемых

поведенческих актов. При этом также возможно выявление механизмов регулирования в целом жизнедеятельности личности, опирающийся на свой образ мира, развиваемый и усложняемый в ходе личностного развития в условиях постоянных перемен, обладающих разнонаправленным влиянием на данные эволюционные процессы [Леонтьев Д.А., Овчинникова Е.Ю., Рассказова Е.И., Фам А.Х., 2019].

В стратегии формирования личностных смыслов содержится взгляд из настоящего состояния человека в предвосхищаемое им будущее, что выражает целевое (телеологическое) моделирование будущих жизненных обстоятельств. Это необходимо для их запрограммированного наступления и осуществления, а также для преодоления возникающего в таких переходах противодействия со стороны внешнего окружения, как ригидной и инертной к изменениям среды [Фридман Л.Д., 2018]. В стратегии концентрируется качественная направленность системы на переход из одного своего состояния, контекста или контекстного окружения в другое, новое состояние благодаря применению механизма целеполагания по отношению к надсистеме. В таком целенаправленном поведении содержится специально сформированные барьеры, отфильтровывающие случайно возможные реакции системы на внешние воздействия. Благодаря этому возможно формирование из хаотических представлений личности о мире более четкой последовательности действий и реакций для сохранения заданной цели, как предполагаемого образа мира, в фокусе совершаемых ею поступков [Почепцов Г.Г., 2015].

В стратегии формирования смыслов личности представляется не только направление кристаллизуемого смыслового образования, но также и его знак, показывающий качество содержательного наполнения. В ходе эволюции личности осуществляется постоянное видоизменение имеющихся в арсенале личности смыслообразующих стратегий. Из такого доступного личности арсенала происходит выбор и актуализация наиболее подходящей в данных условиях смыслообразующей стратегии, которая выступает уже в качестве стратегии смысложизненного уровня [Абакумова И.В., Круталева Л.Ю., 2014].

Это происходит по причине того, что итогом формирования иерархии личностных смыслов становится необходимое человеку для осмысления целостности своего бытия в мире оформление области смыслов его жизни, что представляется наивысшим планом смысловой организации его личности. Именно он обладает интегральной регулятивной функцией управления жизнедеятельности человека и самоосуществления уникальности его личности в мире. В организуемой таким образом генеральной траектории жизненного пути проявляется целостность, цельность и неповторимость личности в ходе её эволюционных трансформаций [Abakumova I.V., Vakaeva I.A., Grishina A.V., Dyakova E.V., 2019].

Личностные смыслы входят в основу мотивационно-смыслового и ценностного плана личности, определяющих ее поведение на возможных уровнях жизни, на что было указано ранее. Исходя из этого, стратегия образования личностных смыслов обладает следующими тремя началами [Годунов М.В., 2019]:

1) иницирующий план – свидетельствует о специфических особенностях трансформаций личностных смыслов в значимые смысловые образования, становящиеся зонами приращения смыслов и усложнения в целом смысловой сферы, что сопровождает развитие личности переживающего и взаимодействующего субъекта;

2) содержательный план – свидетельствует о том, какой семантической субстанцией и каким её качество в виде положительной или отрицательной коннотации обладают смысловые образования в ходе развития смысловой сферы личности;

3) динамический план – свидетельствует о направлении и настроенности на осуществление определенным образом актуальных смыслообразующих процессов в смысловой сфере личности, оформившихся под воздействием комплекса её мотивационно-потребностных и целевых установок в ходе развития.

Соединение иницирующего плана, содержательного плана и

динамического плана образования личностных смыслов обеспечивает формирование соответствующей актуально действующей смыслообразующей стратегии. Такое образование можно рассматривать как динамическую векторную категорию, у которой есть место приложения, величина, как мера содержательного смыслового наполнения, и направленность воздействия при развитии сферы личностных смыслов. Поэтому в рамках данного диссертационного исследования нами уточняется следующая дефиниция: **смыслообразующая стратегия** – это оформившийся под действием субъективно сформированных и актуально действующих отношений, оценок, опыта, установок, потребностей, ценностей и мотивов способ становления и трансформации сферы смыслов личности для их качественного и субстанционального наполнения, а также показывающий особенности направленности их актуализации в конкретных обстоятельствах жизненных ситуаций взаимодействий.

Предлагаемое определение стратегии формирования личностных смыслов позволяет проводить изучение не только плана вероятных смысловых образований, но и актуально реализуемых способов формирования, развития и изменения системы смыслов личности в условиях неопределенности. Они могут отражать не только качественный выбор наполнения смысловой сферы на разных уровнях, но и направленность осуществления смысловых образований в конкретных процессах как во внутреннем мире, то есть в образе мира, так и во внешних взаимодействиях. С таких методологических позиций открываются новые исследовательские перспективы при изучении специфики генезиса, трансформации и поведенческого осуществления личностных смыслов. Данные процессы сопровождаются оценивающим выбором и актуализацией в соответствии с различными смыслообразующими стратегиями, направленными на разрешение проблемных ситуаций, поиска поддержки в решении проблемы у других людей или избегание их решения под действием множества разнообразных факторов.

1.3. Тенденции исследований стратегии избегания как способа взаимодействий личности

При столкновении со стрессовой, критической, неопределенной или новой ситуацией человеком может выбираться такая стратегия реагирования и поведения, которая может быть направлена на решение возникшей проблемы, на поиск социальной поддержки у других людей или на избегание появившейся проблемы. Последняя стратегия представляется наименее эффективной и результативной, как было отмечено выше, поэтому необходимо исследовать особенности проявления избегания в русле специфики смыслообразующих процессов, регулирующих характер взаимодействий переживающего субъекта [Нартова-Бочавер С.К., 2005]. При этом по качеству неэффективности или эффективности копинг-стратегии, которых по данным Е. Фрайденберга, в целом насчитывается 18 стратегий, можно классифицировать на непродуктивные, включающие избегание как неспособность преодолеть стрессовую ситуацию, и продуктивные как работа над ситуацией, оптимистичный взгляд и тонус и т.п. А копинг-стратегия в виде поиска социальной поддержки не может оцениваться в координатах «эффективно – неэффективно», так как относится к координате социальной «активности – пассивности» [Frydenberg E., Lewis R., 2000].

Такая неэффективность смыслообразующей стратегии избегания, как непродуктивной, обуславливает её наибольшую вредность и опасность применения человеком в ходе своего личностного развития. Это послужило причиной рассмотрения стратегии избегания в качестве предмета данного исследования.

Необходимо заметить, что стратегия избегания в плане расходования доступных человеку психологических ресурсов является наименее затратной в плане расходования эмоциональных и ментальных ресурсов. Однако возникающая в ситуации проблема фактически не решается, а лишь отодвигается во времени, возникший проблемный «узел» не развязывается, а только затягивается еще сильнее. Согласно китайской классической Книге Перемен, отсутствие действия – это тоже действие, также как и нежелание делать выбор – это тоже выбор

[Щуцкий Ю.К., 1993].

По мнению Т.Ю. Базарова и Е.В. Битюцкой, в стратегии избегания трудности следует выделять три вида ориентации человеческого сознания, как три вида избегания: уход от проблемы, состояние бездействия и состояние беспечного отношения.

Во-первых, при уходе от проблемы сознание считает, что для преодоления и разрешения возникшей трудной ситуации будет затрачено избыточное количество времени и много сил. Потраченные на это ресурсы в конечном счете не смогут окупаться полученным результатом, либо на восстановление затраченных ресурсов уйдет неоправданно много времени и человек будет «не в ресурсе». Поэтому уход от решения сложной ситуации становится приспособительным механизмом ответной реакции на её приход в жизнь человека. Важной особенностью ухода от решения проблемной ситуации становится потеря контроля над ней, а в неподвластной позиции человек может уходить от проблемы в пассивной или в активной форме. В пассивной форме избегания человек может предаваться разнообразным фантазиям и строительству «замков на песке», а в активной форме избегания может заняться путешествиями или даже переехать на другое место жительства [Базаров Т.Ю., Битюцкая Е.В., 2019].

Во-вторых, состояние бездействия означает пассивное поведение или лень. Это означает, что человек пребывает в такой зоне психологического комфорта, где ему так приятно находиться и настолько хорошо, что он не хочет затрачивать много сил на решение возникшей сложной проблемы, если это решение не находится «на расстоянии вытянутой руки». Состояние бездействия означает, что наше сознание стремится экономить ресурсы, что иногда оправдано, если сам человек уже испытывает состояние истощения своих ресурсов, необходимых для осуществления необходимой цели. В основном же состояние бездействия все-таки указывает на стремление человека не выходить из зоны наработанного комфорта и исключать перенапряжение [Базаров Т.Ю., Битюцкая Е.В., 2019].

В-третьих, беспечное отношение означает состояние сознания, в котором человек «взращивает» имеющуюся у него проблему, откладывая её решение и игнорируя необходимость выбрать требуемое решение. Это может представляться ему наличием иных, более важных проблем, когда другие его проблемы могут подождать своего решения. Человек считает, что мотивация пока недостаточна для решения данной «не подростковой» ситуации и соответствующих действий и поэтому может подождать [Базаров Т.Ю., Битюцкая Е.В., 2019].

Мотивационные механизмы смысловой регуляции поведения содержат два источника возникновения мотивов, как осознанных побуждений к конкретизированному удовлетворению потребностей, которые, как считает Х. Хекхаузен, можно разделить на внешнюю мотивацию и внутреннюю мотивацию. Исследователь указывает на необходимость дифференцированного подхода к определению смысловых образований, участвующих в мотивационной деятельности субъекта. Внутренняя мотивация развивается у человека под действием имеющихся у него внутренних причин, формирующихся под действием потребностно-эмоциональной сферы. Внешняя мотивация развивается под действием внешних причин, воздействующих на человека [Хекхаузен Х., 1986].

Однако, по мнению Д.А. Леонтьева, внешние причины не могут быть только строго внешними, правильнее считать, что когда речь идет о внешней мотивации, то это свидетельствует о некоторых внутренних мотивационных факторах, актуализирующих психическую деятельность внешнеположными силами. Такое соединение внешнего и внутреннего продолжает традиционно называться внешней мотивацией на уровне широкого быденного понимания [Леонтьев Д. А., 1997]. Внутренняя мотивация обусловлена целями индивидуального, эгоистического порядка, а внешняя мотивация принуждает человека к приспособлению в отношении своего окружения, то есть отражает обусловленность целями социального происхождения, выступающими по отношению к человеку внешними ориентирами. Д. А. Леонтьев считает, что

обусловленность эффективности деятельности только внутренней мотивацией не может длиться долго, а детерминированность лишь внешней мотивацией неэффективна. Наиболее оптимальным сочетанием, приводящим к максимальной эффективности, является такая мотивация, когда её большая часть остается внутренней, но при этом есть небольшая часть внешней мотивации [Леонтьев Д. А., 2019].

В своих экспериментальных работах Э. Деси и Р. Райан показали, что внутренние мотивы формируются под влиянием той процессуальности, в которую включен человек, а внешние мотивы обусловлены тем, что человек стремится сделать, чтобы получить что-то хорошее и нравящееся ему, либо чтобы исключить что-либо неприятное, избежать плохое в своей жизни [Deci E., Ryan R., 1985]. Поэтому в современных исследованиях психологии мотивации стали выделять два типа направленности мотивации, преобразуемой из разнообразных потребностей человека и оказывающих разнонаправленное влияние на его поведение, что можно рассматривать как результирующий исход эмоционального противостояния между мотивации к удаче и мотивации избегания неудачи.

Как считает Дж. Аткинсон, это, во-первых, мотивация достижения успеха в чем-либо как «мотивация к» чему-либо, и, во-вторых, это мотивация избегания чего-либо как «мотивация от» чего-либо. Мотивированность на получение успеха опирается на желание достигнуть успеха, на принятии человеком возможности достигнуть успеха и на понимании ценности обретаемого результата. Мотивированность на избегание неудачи опирается на понимание необходимости избежать неуспешного результата, на принятии человеком возможности неудачного исхода и на понимании важного влияние на его жизнь данного неуспешного результата [Atkinson J.W., 2018].

При поведении человека в соответствие с мотивацией избегания неудачи это может свидетельствовать о стремлении человека оказаться в ситуации неуспеха и ошибки, особенно тогда, когда суждение об успехе или неуспехе делают окружающие [Давлетчина С.Б., 2005]. При этом человек с такой

мотивацией будет стремиться не к достижению успеха как к победе, а чтобы не оказаться в неудачном положении, то есть чтобы не проиграть. У человека, мотивированного на избегание неуспеха, может проявляться неверие в себя, неуверенность в том, что у него получится, нежелание выслушивать критику в свой адрес. Также часто могут иметь место эмоционально-отрицательное настроение и отсутствие удовольствия от проделываемых действий в такой ситуации как отсутствие жизнестойкости [Maddi S.R., 1998].

При ориентации на неуспех человек может неадекватно выбирать сферу профессиональной деятельности в виде слишком простой, либо слишком трудной области приложения своего потенциала. Это может сопровождаться игнорированием информации о своих реальных возможностях, слишком низким или необъективно высоким самомнении и уровнем ожиданий, воспринимаемым как нереальный [Рожков Е.М., 2014]. К тому же человек в своей жизнедеятельности впадает в крайности и предпочитает либо слишком простые, либо слишком трудные задачи, при этом он относится к ним с недостаточной заинтересованностью, которая может вообще исчезать в процессе их решения. При этом большой результативности от них можно ожидать только после удачи в более ранних делах. Чем более удалена во времени поставленная цель, тем менее она активизирует деятельность людей, настроенных на избегание неуспеха [Рожков Е.М., 2014].

При объяснении своих действий лица, склонные избегать неуспеха, часто могут прибегать к разной трактовке качественной результативности своих действий. По мнению Б. Вайнера, происходит приписывание человеком разных причин собственным удачам или неудачам. Высокомотивированная личность часто свои удачи приписывает собственным стараниям и способностям, а наступившую неудачу интерпретирует недостаточно сделанными действиями. При этом слабо мотивированная личность свои удачи объясняет легкостью решенной задачи, а наступившую неудачу объясняет нехваткой собственных способностей [Weiner B., 2018]. Толкование, из-за чего наступил успех или неуспех, как каузальная (причинная) атрибуция, может опираться на отношение

к трем показателям:

1) причина успеха или неудачи может восприниматься как внешняя причина, то есть не сам человек, а другие люди или внешние обстоятельства, либо как внутренняя причина, например степень сделанного или уровень имеющихся способностей;

2) длительность проявления в виде устойчивого влияния причинного фактора, например постоянное присутствие мешающего воздействия или переменчивого влияния в виде случайного стечения обстоятельств, складывающихся по-разному или переменчивости прилагаемых усилий человека;

3) степень контроля над ситуацией в виде подвластности или не подвластности возникающего воздействия причинных факторов в ходе взаимодействий.

М. Селигман исследовал влияние отрицательного опыта, полученного от продолжительных неудач или их отсутствия, на уровень ожиданий людьми собственных успехов как положение выученной (приобретенной) беспомощности. Такое состояние появляется в силу того, что в прошлом человек не смог взять полностью или частично под контроль ситуацию, случившуюся с ним. Поэтому человек считает, что, по аналогии с прошлым, он и в будущем также не сможет взять под контроль предстоящие ситуации, в отличие от другого человека, не обладающего багажом подобной бессильности ситуативного контроля [Seligman M.E.P., 2018].

Наилучшее контролирование ситуаций и минимальный уровень тревожности, когда человеку все знакомо и он испытывает состояние благополучного спокойствия и предсказуемой стабильности, принято называть термином психологической зоны комфорта, предложенным Дж. Бардвик [Bardwick J.M., 1991]. По мнению В.А. Палий, при излишнем пребывании в зоне комфорта человек избегает стремления что-то менять, а главное, стремиться к новым достижениям. При этом в группу факторов, отражающих нахождение в зоне психологического комфорта, входит степень и направление мотивации,

увеличивающей активизацию внутренних ресурсов для совладания со стрессовыми и тревожными ситуациями в ходе осуществления намеченных целей [Палий В.А., 2018].

Индикатором, показывающим, что человек застревает в комфортном состоянии, выступает появляющийся страх, когда он думает над тем, что ему придется из нее выходить в дискомфортное состояние, отражающее какую-либо жизненную неопределенность [Ехлаков Р.С., 2017]. При этом для каждого человека индивидуальным является то, что он включает в свою зону комфорта и как далеко она распространяется.

В исследовании Б.В. Кайгородова и И.А. Еремицкой особенностей зоны комфорта выявлена двоякая психологическая природа нахождения в хоне психологического комфорта. С одной стороны, там ощущается состояние привычности, спокойствия и безопасности, а с другой стороны, избыточность пребывания в таком психологическом комфорте приводит к безынтересности, скуке и лени [Кайгородов Б.В., Еремицкая И.А., 2018]. По мнению И.И. Антюшева, зона комфорта накладывает на человека состояние неизменности, приводящей к стереотипности и избеганию творческих взглядов на осуществление своей личности в современном изменяющемся мире [Антюшев И.И., 2017].

В.П. Гришин считает, что человек-представитель общества потребления, излишне привязан к обладанию материальными благами в зоне своего комфорта. А такое излишне эгоистическое наслаждение подавляет и растворяет гуманистическое отношение к социальным отношениям и общению. С одной стороны, обладание человеком материальными благами, которые трудно у него отбирать, снижает тревожность от неопределенности окружающего мира. С другой стороны, не всегда материальное удовольствие приносит истинное удовлетворение, из-за чего человек вынужден увеличивать объёмы материального потребления [Гришин В.П., 2018]. Этому способствует избегание окружающей реальности путем обращения людей, особенно молодежи, к виртуальной реальности в играх и социальных сетях [Либина А.В. 2008]. Также

подчинение тенденциям массовой культуры отражает потребительскую направленность эволюции общества [Куренной В.А., 2019; Veblen T.V., 2009].

Также стратегия избегания проявляется в прокрастинации, дословно понимаемой как «откладывание на завтра», что не совпадает с категорией лени, как нежелания делать что-то вообще. При прокрастинации происходит расходование внимания и времени на мелкие дела или развлечения, хотя человек должен выполнить какую-то более важную и срочную работу. Такое запаздывание с осуществлением запланированного приводит к деятельности «рывками», потере качества работы или к срыву сроков ее выполнения. Вызываемая этим неритмичность и разбалансированность деятельности означает перерасходование ресурсов и может приводить к стрессовым состояниям, ощущению вины и снижению эффективности деятельности. При этом лень не вызывает у человека состояния стресса, в отличие от прокрастинации [Людвиг П., 2014].

По мнению П. Стил, прокрастинацию отличают следующие её особенности: сознательность как осозанный перенос запланированного; иррациональность как действие человека вопреки собственным интересам; стрессовое состояние, обнаруживающееся из-за появляющейся после откладывания дела спешки в его исполнении, что может приводить к появлению и усилению депрессивных состояний, а также к понижению своей самооценки; иллюзия того, что задача легкая и времени на её исполнение у человека предостаточно [Steel P., 2010].

При этом, как считает Я. И. Варваричева, в качестве причин прокрастинации, как избегающего откладывания действий, следует рассматривать: неумение сделать выбор и принять необходимое решение; состояния страха перед наступлением ответственного события, которое может иметь и положительный эффект; нет внутренних мотивов к действиям; нет навыков планирования действий; нет предвидения объема отрицательных последствий от невыполнения человеком намеченной цели; перфекционизм, из-за которого человек может сдвинуть сроки реализации поставленной цели, если

её не получается выполнить на достаточно качественном уровне [Варваричева Я.И., 2010].

В плане избегания интересно проанализировать особенности поведения инфантильной личности, основу которого могут составлять ранее освоенные (детские) сценарии поведенческого реагирования из-за отставания эволюционного развития личности как темпорального запаздывания [Кулагина И.Ю., Колюцкий В.Н., 2001], а также переживания беспомощного состояния [Kernberg O.F., 1993]. По мнению Е.В. Сабельникова и Н.Л. Хмелевой, личностный инфантилизм представляется таким этапом личностной эволюции зрелого человека, который остановился в подростковом возрасте, что в основном индицируется недостаточной личностной зрелостью и автономностью эмоционально-волевой регуляции жизнедеятельности [Сабельникова Е.В., Хмелева Н.Л., 2016].

В исследовании Н. МакВильямса показано, что инфантильный характер мышления человека опирается на искажённое представление о своем могуществе, произрастающем из периода детства в взрослую жизнь, при этом в качестве механизма разрешения появляющихся жизненных трудностей используется регрессия как инструмент психологической защиты [McWilliams N., 2020].

По мнению Т.Д. Марцинковской, признаки личностного инфантилизма включают в себя достаточно широкую палитру, ядром которой представляется незрелость эмоционально-волевых механизмов регуляции жизнедеятельности [Марцинковская Т.Д., 2018]:

- 1) несамостоятельный характер производимого выбора и принимаемых человеком решений;
- 2) состояние беспомощности и незащищенности;
- 3) слабый уровень критичного отношения человека к самому себе и при этом высокие требования по отношению к окружающим, чтобы они заботились о нем;
- 4) разнообразная интенсивность и направленность компенсаторного

реагирования на события;

5) эгоцентрическая направленность действий, отношений и поведенческих актов;

6) отсутствие самостоятельности и автономности поведения в различных ситуациях взаимодействий;

7) слабая требовательность по отношению к себе с одновременной высокой требовательностью и критичность к другим;

8) несамостоятельность и зависимость собственного мнения от оценок и мнения других.

Инфантильность личности находит отражение в регрессии своих взаимодействий, отношений и поведения в различных областях своей жизнедеятельности [Андреев К.А., 2017], основными из которых являются следующие искажения предметных плоскостей:

1) инфантильность в ценностно-мотивационной и смысловой плоскости – отсутствие или слабая сформированность ценностных предпочтений [Леонтьев А.Н., 1983] и смыслов жизни [Леонтьев Д.А., 2018], а также экстернальная природа локуса контроля собственной жизнедеятельности с внешних позиций [Rotter J.B., 2017];

2) инфантильность в юридически-правовой плоскости – это зачатки правовых знаний или отсутствие правового сознания, а также проявление негативизма в области права [Исмаилов А.М., Даничев Н.В., 2019];

3) инфантильность в плоскости политики, когда у человека нет активности в проявлении своей гражданских взглядов, он не стремится повышать свою политическую образованность и ему присуще не критический уровень доверия к государственным институтам и к власти [Романюк С.Н., 2019];

4) инфантильность в плоскости социальных взаимодействий – проявляется как осмысленное избегание возникающих проблемных ситуаций в жизни или отгораживание от отрицательных её проявлений, в силу чего появляется склонность к самообману; избегание необходимости справляться с возникающими проблемами; дистанцирование от окружающей

действительности и ослабление коммуникаций, приводящее к прекращению общения; избегание общественно важных поручений и обязательств [Русакова А.В., 2019];

5) инфантильность в экономической плоскости выражается в скатывании на уровень иждивенчески-потребительских взглядов на жизнь; следование гедонистическим ценностям, направленность на пользование способами быстрого извлечения прибыли и выгоды; приверженность к жизни не по средствам в виде преимущественного обращения к кредитованию [Ардельянова Я.А., Саидов Б.Ш., 2018];

6) инфантильность в семейной плоскости – проявляется как избегание от необходимости брать ответственность за свою семью, несогласие с системой семейных ценностей норм поведения и отношения в сфере семьи; нежелание рожать детей и заниматься их воспитанием и образованием; повышения удельной доли разводов [Микляева А.В., 2019];

7) инфантильность в плоскости профессиональной реализации – отсутствие или снижение мотивации к профессиональному развитию; выражение пренебрежения и безответственности в ходе исполнения профессиональных обязательств; безразличное отношение к выбору сферы своей профессиональной специализации деятельности и места её осуществления; желание выполнять легкие и необременительные обязанности [Андреев К.А., 2017];

8) инфантильность в учебно-познавательной плоскости – принижение важности приобретаемого багажа знаний, отсутствие последовательной позиции и активности при выборе профессиональной сферы и образовательной организации для получения профессии; непринятие помощи от наставников [Драгомир В.И., Сушков А.В., 2016].

Современные исследователи представляют следующий совокупность причин, обуславливающих возникновение и развитие личностного инфантилизма:

а) постоянно повышающиеся требования в области профессиональных

компетенций, а также в плане физиологических возможностей трудоспособности означают повышение социально-профессиональной конкуренции и выражают агрессивную и недружелюбную атмосферу общества [Кашина О.П., 2017];

б) изменчивый характер культурно-исторического контекста современного общества усиливает скорость процессов жизнедеятельности, сдвигает нормативные границы дозволенности человеческого существования и приемлемые моральные границы, тем самым трансформируя доступные арсеналы средств и способов осуществления жизненных приоритетов [Марцинковская Т.Д., 2018];

в) слабая ясность перспективной картины будущего способствует все большему воздействию неопределенности на преследуемые человеком жизненные цели, что присуще не только среднему поколению, но и молодому [Сабельникова Е.В., Хмелева Н.Л., 2016];

г) непрерывно усиливающийся технологический прогресс цивилизации значительно видоизменяет рамки доступного человеческого бытия, для осуществления которого человек видоизменяет свою телеологичность – внутреннее целеполагание в состоянии внутреннего счастья заменяется на внешние смысловые ориентиры, чтобы достичь успеха во внешнем мире [Абульханова К.А., 2017].

Н. Талев отмечает, что в условиях постоянных перемен и возрастающей неопределенности современной жизни человек в силу недостатка или развитости собственного личностного потенциала может, соответственно, уступать или противодействовать негативному влиянию внешней среды. В таких турбулентных условиях развития людям приходится с необходимостью избегать стремления одновременно быть внешне успешными в современном обществе (в человеческом мире) и быть при этом внутренне счастливыми (в мире человека). Недостаток личностных ресурсов для такого развития, как движения «против ветра», означает «хрупкое» личностное состояние, которому присущи: зависимости и созависимости различной природы; разная степень

предрасположенности к виктимному поведению, приспособленчество как конформность и потеря индивидуальности; неспособность принимать перемены как разные ригидные комплексы; слабая защищенность; малопродуктивность и лень [Талеб Н.Н., 2016]. Регуляция собственной жизнедеятельности даже в случае недостатка ресурсов физиологического плана, но при «хрупком» состоянии личностных ресурсов, все равно проявляет недостаток приспособления, свидетельствующего, что все, что делает человек, не может нормализовать и, тем более улучшить, ситуацию, а производимые затраты расходуются безрезультатно.

При наличии большого потенциала личностных ресурсов возможно обретение состояния «антихрупкости», при котором развивающейся личности присущи: целеустремленность, субъектная автономность, пластичность личности, динамичность, толерантность к неопределенности, резилентность, самодетерминированность и внутренний локус контроля, умение справляться со стрессовыми ситуациями. Тогда человек с «хрупким» (недостаточным) личностным потенциалом имеет мало шансов стать успешным, так для этого нужно заплатить чрезмерную «цену» собственных ресурсов, которых для этого нет. То есть он не сможет обрести одновременно и внутреннее счастье и внешний успех, а лишь что-то одно. Такой человек имеет недостаток или избегает развития своего личностного потенциала для преодоления всех невзгод. Значит «хрупкая» личность может либо ценой пренебрежения к гармонии внутреннего мира добиваться внешних успехов с истощением на это своих недостаточных ресурсов, либо перестать преследовать цели внешнего социального успеха и заниматься нахождением простых радостных и счастливых состояний [Талеб Н.Н., 2016].

Одним из дезадаптивных способов ухода от взаимодействия с трудностями реализации в социуме является дауншифтинг, дословно переводимый с английского языка как «движение вниз, переход на пониженную передачу». Сторонники дауншифтинга считают более полезным для личностного развития уход от достижения общественно навязанных целей и стратегии консьюмеризма

как нефункционального демонстративного потребления, означающего стремление работать, чтобы тратить [Graaf, J., Wann, D., Naylor, T., 2005]. Поэтому дауншифтеры переходят к стратегии жизни ради себя, для достижения собственных целей и большего самопознания, переходят от стратегии «работать надо для того, чтобы жить» к стратегии «жить надо для того, чтобы работать». Последователи дауншифтинга представляют свои взгляды как несогласие следовать идее потребительского общества [Долгин А.Б., 2010], которое ослабляет усилия по развитию собственной личности человека через его отчуждение от собственной человеческой природы [Honore C., 2005].

По мнению В.И. Ильина, человек может выбирать дауншифтинг под влиянием следующих факторов: нелюбимая профессия, повышение перегрузок в профессиональной сфере, недостаточный карьерный рост или его отсутствие, расширение социальной ответственности, нежелание испытывать стрессовые состояния, плохая экологическая обстановка в местах проживания. Делая выбор в пользу дауншифтинга, человек сталкивается с непривычными для него явлениями: при уходе с традиционной для него работы он отказывается от карьерного роста, возможно понижение уровня материального достатка, что может сказаться на семейных отношениях и отношениях с родителями и детьми, человек должен найти новые источники дохода, при переезде в другую страну сокращаются возможности обеспечения для детей приемлемого образования и здравоохранения, необходимо овладевать новыми языками и традициями в новой стране и понимать её культурно-исторические особенности, необходима адаптация к климату новой местности [Ильин В.И., 2015].

В психологическом плане такой кардинальный слом жизненного уклада может указывать на то, что человек «бежит» от сложностей и проблем современной жизни, так как не может организовать её так, чтобы хорошо отдыхать и качественно восстанавливаться, без чего накапливается стресс. Иногда человек не хочет усердно трудиться, ссылается на завышенные требования в своей профессии, а это означает, что дауншифтинг выражает сознательное избегание реализации в социуме [Бутонова Н.В., 2009]. При

отсутствии карьерного роста и профессиональной самореализации наступает потеря смыслов работы и жизни, появляется лень, безответственность и отторжение работы, приводящее к снижению мотивации для её качественного выполнения, человек может быть не доволен уровнем получаемого за работу вознаграждения, его не устраивают условия труда или условия доступного ему проживания. При этом, люди, не стоящие на позициях дауншифтинга, считают, что карьерное развитие, социальные успехи и достижение финансовой независимости относятся к естественным общественными потребностям современного человека [Бутонова Н.В., 2009].

Понимая дауншифтинг как осмысленный уход от общественной реализации путем снижения напряженности жизнедеятельности на новом месте, это явление базируется в том числе и на эскапизме (от англ. «escape» – сбежать). Под эскапизмом понимается уход от реального мира, воспринимаемого как человеческое бытие, преисполненное скукой, неприятностями и сложными проблемами [Башарова Е.А., 2014].

С.П. Квинт отмечает, что состояние эскапизма означает дезадаптивный переход в поверхностное и отстраненное состояние человека по отношению к имеющимся в его жизни проблемам и его нежелание погружаться в их разрешение и преодоление. Переход в такое поверхностное восприятие действительности отражает уход от имеющейся в жизни человека реальной реальности в выдуманную реальность в собственном воображении [Квинт С.П., 2018]. По мнению исследователя, пребывание в зоне комфорта может способствовать переходу в такое состояние, когда человек испытывает психологическую зависимость от нахождения в зоне комфорта, привыкает к ней и не желает наступления неудачных ситуаций в своей жизни. Опираясь на это, человек может создавать новый инструмент своего сохранения в зоне наработанного комфорта или около неё, которым и является эскапизм. Его можно рассматривать как способ отстранения от необходимости справляться с неприятностями в своей жизни и наступающей скукой [Квинт С.П., 2018]. Данное дистанцирование личности на менее критичную и не проблематичную

дистанцию восприятия, по своей психологической сути демонстрирует освоение сугубо ситуационного характера процессов социализации личности при эскапизме. В этом случае наблюдается пассивность, инертность и поверхностность мировосприятия без желания человека критично влиять на свою жизнь.

То есть эскапизм представляется реакцией, возникающей в ходе снижения уровня целевых ожиданий, так как человек не хочет выходить из зоны своего психологически комфортного состояния, а также не умеет разрешать происходящие в его жизни сложные ситуации [Квинт С.П., 2018]. Эскапизм означает, что человек формирует в своем внутреннем мире иллюзорные и поверхностные представления о внешнем мире, являющиеся преимущественно малообоснованными мечтами, опирающимися на пассивно-ведомую переработку информации о происходящем. В дальнейшем это может приводить к разочарованности в жизни, в возможности её улучшить, что приводит к снижению активности в плане эмоционального реагирования и когнитивной вовлеченности, человек не хочет трудиться, общаться и взаимодействовать [Скирдачева Е.А., 2013].

Как считает Н.В. Нятина, эскапизм можно рассматривать в качестве дезадаптивного способа существования человека в плане социокультурного развития. Такая специфичность выражает ущербность реагирования молодежи, которая не может принять, освоить и совладать с действующими в обществе социальными правилами и нормативами, что может усиливать социальную депривацию различной степени проявления и разнообразной направленности. При возникновении социальной депривации человек сохраняет взаимодействие только с теми людьми, которые не создают ему проблем и не причиняют ему вред, что может приводить к понижению его положения в межличностной иерархии группы, а это в конечном итоге может способствовать деградации и упадку личности [Нятина Н.В., 2013].

А.Ц. Батуева обращает внимание, что в качестве одной из траекторий усиления и развития эскапизма является смещение на позиции гедонизма.

Мировоззрение гедонизма означает не только принятие удовольствия наивысшим благом и человеческой ценностью, но и вершину развития цивилизации потребительства. В такой смысловой деформации оснований нравственности последователи гедонистического мировоззрения могут обосновать только поверхностные смыслы жизни. Они заключаются в стремлении людей к максимизации получаемых удовольствий и переживаемых наслаждений, в нарциссическом поведении, демонстрируя чувственное перефокусирование современной культуры постмодерна, отрицающей всякие авторитеты и ориентиры. Линия такой перефокусировки тянется от необходимости выживать и социализироваться в мире к желанию людей предаваться наслаждениям как пафосной возвышенности переживаемых впечатлений [Батуева А.Ц., 2018].

По мнению Т.Ф. Гусаковой, гедонистическое восприятие жизни в виде главной отправной мотивационной точки принимает желание людей сформировать и сохранить неизменным для себя субъективное ощущение удовольствия. Однако в такой позиции генеральной онтологической ошибкой является то, что в философии гедонизма постулируется тождественность между объективным человеческим благом и субъективно получаемым удовольствием [Гусакова Т.Ф., 2014].

Ж. Липовецки отмечает, что в основе стратегии гедонистического восприятия мира лежит следование человеческим соблазнам. Исходя из этого, потворство им и получение в результате этого наслаждения предъясняется в виде генерального нравственного постулата в сообществах, причисляющих себя к постмодерну. Следование такому предписанию низводит процессы социализации личности до уровня персонализации, опирающейся на преобладание эгоцентрического мировоззрения, фрагментирует и ослабляет систему культурных ценностей и социальных рамок поведения, а также окрашивает безразличием понимание ценности общественно создаваемых благ [Lipovetsky G., 1983].

Поэтому в рамках данного диссертационного исследования нами

предлагается такое определение: **смыслообразующая стратегия избегания** – это способ трансформации смыслов личности, обращенный на однообразное приспособление к области уже имеющихся в образе мира смыслов и выражающий нежелание или неспособность к выбору, действию или адекватному отношению к настоящим и будущим ситуациям жизненных взаимодействий [Годунов М.В., Портнов Е.А., 2023, С. 83]. Данная стратегия относится к категории гиподаaptивных смыслообразующих стратегий в классификации различной направленности адаптивного поведения, исследуемого в работах М.В. Годунова, так как указывает на недостаточность приложения сил, либо на нежелание разрешить проблему. Это указывает на нежелание адекватно приспособиться и совладать с проблемой, понадеявшись, что она все-таки не окажет негативного влияния [Годунов М.В., 2016, 2019]. Исходя из этого, в качестве противоположной по отношению к смыслообразующей стратегии избегания примем стратегию, направленную на преодоление возникающих проблем, а именно, *смыслообразующую стратегию разрешения* – направленный на осознание мотивов и формирование актуальных целей способ изменения смысловой сферы, позволяющий генерировать перспективные смыслы и своевременно трансформировать их содержание для осуществления возможностей личностного роста в обстоятельствах, воспринимаемых как преодолимые условия при самодетерминации индивидом своей жизнедеятельности [Годунов М.В., Портнов Е.А., 2023].

Выводы по Главе 1

В представленном анализе состояния психологических работ, посвященных изучению избегания в системе смысловых образований развития личности в условиях неопределенности, показано, что рассматриваемая проблема представляется актуальной областью исследований сознания. На это указывает рассмотренная эволюция представлений о природе личностных смыслов переживающего и взаимодействующего субъекта. На основе актов

перцептивного восприятия происходит сначала формирование объективных значений, из которых благодаря культурно-обусловленному структурированию оформляется иерархическая система личностно присвоенных смыслов в образе мира, как результате работы сознания. Смысл в силу субъективности и воздействия уникального для каждого человека опыта и отношений приобретает атрибут личностного. Несовпадение психологических категории значения и смысла, который шире значения, которое может восприниматься на уровне группы, означает, что смысл всегда выступает индивидуальным и личностным и, как трансдисциплинарный продукт, имеет психолого-лингвистически-философскую природу.

Главной особенностью развития современного общества выступает необходимость в процессе личностного развития формировать человеком адекватные поведенческие стратегии реагирования на постоянное усложнение и рост неопределенности окружающей действительности. В стратегии образования смыслов содержится не только направленность инициируемых смысловых образований личностного развития, но и его качество, а также точка приложения. Единство инициирующего, содержательного и динамического начала обеспечивает формирование актуально реализуемой смыслообразующей стратегии. Поэтому в рамках данной работы нами уточняется следующее определение: *смыслообразующая стратегия* – это оформившийся под действием субъективно сформированных и актуально действующих отношений, оценок, опыта, установок, потребностей, ценностей и мотивов способ становления и трансформации сферы смыслов личности для их качественного и субстанционального наполнения, а также показывающий особенности направленности их актуализации в конкретных обстоятельствах жизненных ситуаций взаимодействий.

Данная дефиниция смыслообразующей стратегии позволяет осуществлять исследование не только области вероятных смысловых образований, но и актуально реализуемых способов формирования, развития и изменения системы смыслов личности. Они могут отражать не только качественный выбор

наполнения смысловой сферы на разных уровнях жизненных взаимодействий, но и направленность осуществления смысловых образований в конкретных процессах как во внутреннем мире, то есть в образе мира, так и во внешних взаимодействиях. Благодаря этому открываются новые исследовательские возможности при изучении в условиях неопределенности специфики происхождения, развития и поведенческого осуществления системы личностных смыслов. Данные процессы смыслогенеза сопровождаются оценивающим выбором и актуализацией в соответствии с различными смыслообразующими стратегиями, направленными на разрешение проблемных ситуаций, поиска поддержки в решении проблемы у других людей или избегание их решения под действием множества разнообразных факторов.

Последняя стратегия представляется самой деструктивной для личностного развития и в общем видится в плане смысловой регуляции как наименее эффективная и нерезультативная. Поэтому необходимо исследовать особенности проявления стратегии избегания в русле специфики смыслообразующих процессов, опосредующих характер взаимодействий переживающего субъекта. Следует отметить, что с позиции расходования доступных человеку психологических ресурсов стратегия избегания является наименее затратной в плане расходования эмоциональных и ментальных ресурсов. Однако возникшая в ситуации проблема фактически не решается, а лишь отодвигается во времени, возникший проблемный «узел» не развязывается, а только затягивается еще сильнее и человек не извлекает из этого никаких жизненных уроков. Разные исследователи в общем в стратегии избегания видят три вида ориентации сознания на избегающее поведение: уход от проблемы, состояние бездействия при выборе и состояние беспечного отношения.

Таким образом, стратегия избегания отражает недостаток приложенных сил или уход от желания решать проблему, что в конечном итоге означает нежелание человека приспособливаться к наступившим в его жизни условиям и отказ от совладания с появившейся проблемой, надеясь, что она не окажет соответствующего негативного воздействия. В основе стратегии избегания

лежит отстранение от возникающей проблемы, бездействие в её решении, беспечность поведения, инфантильность личности, стремление не выходить из зоны комфорта, прокрастинация и лень, эскапизм, гедонизм, уход в виртуальную реальность.

Поэтому в рамках данной работы нами предлагается следующее определение: *смыслообразующая стратегия избегания* – это способ трансформации смыслов личности, обращенный на однообразное приспособление к области уже имеющихся в образе мира смыслов и выражающий нежелание или неспособность к выбору, действию или адекватному отношению к настоящим и будущим ситуациям жизненных взаимодействий. Исходя из этого, в качестве противоположной по отношению к смыслообразующей стратегии избегания примем стратегию, направленную на преодоления возникающих проблем, а именно, *смыслообразующую стратегию разрешения* – это направленный на осознание мотивов и формирование актуальных целей способ изменения смысловой сферы, позволяющий генерировать перспективные смыслы и своевременно трансформировать их содержание для осуществления возможностей личностного роста в обстоятельствах, воспринимаемых как преодолимые условия при самодетерминации индивидом своей жизнедеятельности.

ГЛАВА 2. ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ АКТУАЛИЗАЦИИ ИЗБЕГАНИЯ В УСЛОВИЯХ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ У ЛИЦ С РАЗЛИЧНЫМИ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИМИ СТРАТЕГИЯМИ

2.1. Разработка семантических шкал свойств личности для изучения актуализации смыслообразующей стратегии избегания

Процессы смыслогенеза взаимодействующего и переживающего субъекта формируют и трансформируют в его сознании образ мира. Этот индивидуальный и неповторимый образ мира, как результат деятельности сознания, представляется целостной структурой. В процедурах его образования невозможно установить наличие отдельных каналов восприятия перцептивной природы или ведущие акты мыслительной деятельности. Это указывает на полимодальный характер сферы смысловых образований личностного развития [Абакумова, Ермаков, Фоменко, 2013]. При этом полимодальность указывает на то, что смыслы не являются хорошими или плохими, их следует просто рассматривать как другие, альтернативные. То есть они могут притягиваться либо отталкиваться какими-либо смысловыми аттракторам, как полюсами более актуальных смысловых образований. Тогда в смысловом континууме происходят процессы согласованного или несогласованного функционирования вновь образуемых смыслов [Годунов М.В., Абакумова И.В., Гурцкой Д.А., 2019].

Обозначенная двоякость состояния смыслов в смысловой сфере означает либо наличие смыслового консонанса как совпадения смысла и принятие его человеком в свой образ мира, либо наличие смыслового диссонанса как рассогласование смыслов и конфликтование из-за неадекватности и возникших нерелевантных смысловых связей [Годунов М.В., Абакумова И.В., 2019]. С данной позиции «совпадение – отторжение» в континууме личностных смыслов формируются диадные структуры в виде биполярных смысловых образований.

Для изучения специфики генезиса системы личностных смыслов необходимо учитывать, что они находятся в отношениях взаимной обусловленности с системой свойств личности взаимодействующего субъекта. Рассмотрим это исходя из трехслойной модели структуры личности по Д.А.

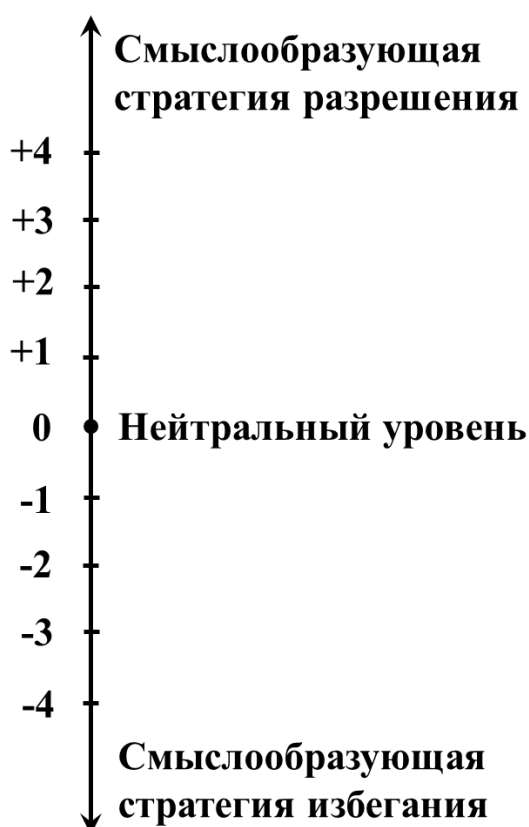
Леонтьеву, где на мировоззренческое ядро влияет система личностных смыслов из промежуточного ценностно-смыслового слоя «внутреннего мира», который в свою очередь соприкасается с внешним экспрессивно-инструментальным уровнем, содержащим совокупность свойств личности в виде характера, а также роли и способности индивида. Интересующая нас взаимная обусловленность отражает то, что, с одной стороны, проявляемая человеком совокупность свойств его личности транслирует лишь качественное содержание и направленность системы присущих только ему личностных смысловых образований [Леонтьев Д.А., 1997]. Их актуализация, как наполнение образа мира, происходит в ценностно-смысловом слое и мировоззренческом ядре. С другой стороны, данное качественное содержание и направленность актуализированных личностных смыслов опосредуют проявление соответствующих личностных свойств, воплощаемых в специфике индивидуальных отношений, оценок и критериев выбора направленности взаимодействий. Таким образом появляется возможность исследовать актуально действующие личностные смыслы по производным от них свойствам личности, которые являются более доступными для внешнего обнаружения.

В структуре биполярной семантической шкалы возможна реализация диалектической природы отношений противоположных начал и их диссонанса-консонанса при синтезирующем взаимодействии полярных смыслов [Годунов М.В., 2016]. Разная степень возникновения такого диссонанса-консонанса приводит с необходимостью к возникновению цепи промежуточных состояний как переходных свойств в шкале семантической природы. Наличие переходных групп свойств детерминировано изменением меры качественно-количественных пропорций наличного состояния диссонанса-консонанса. Поэтому биполярная семантическая шкала личностных свойств представляет собой двунаправленную ось с расположенными на ней относительно нейтрального уровня двумя группами, образованными ключевыми полярными свойствами и промежуточными уровнями между ними [Годунов М.В., 2016].

При проработке личностных свойств крайние дуальные полюса не всегда

содержатся в структуре личности конкретного реального человека. Поэтому для возможности психокоррекционной работы без резких скачков нужно иметь переходные уровни. Так возможен посылный для человека постепенный выход из области проявления негативных свойств своей личности в область позитивных свойств [Петренко В.Ф., 2013].

Такая структура шкалы с переходными уровнями позволяет корректно отражать направления развития или деградации личностных свойств [Годунов М.В., 2014]. Покажем на Рисунке 1 структуру биполярной шкалы, в которой, в соответствие с темой нашего исследования, стратегия избегания будут соответствовать отрицательному направлению, а противоположная ей стратегия разрешения будет соответствовать положительному направлению шкалы.

Рисунок 1. Строение семантической шкалы личностных свойств, отражающих реализацию смыслообразующей стратегии избегания и разрешения

В шкале на Рисунке 1 содержится девять свойств личности, образующих положительную группу с четырьмя уровнями +1, +2, +3, +4 и четырьмя отрицательными уровнями -1, -2, -3, -4, а также уровень нуля как нейтральный.

Благодаря семантическим шкалам личностных свойств возможно выявление специфики их актуализации в разных областях жизнедеятельности человека. При этом ценностно-смысловое содержание личностного потенциала реализуется человеком в основном в трех основополагающих планах его жизнедеятельности [Дьяков С.И., 2015; Котляков В.Ю., 2013]:

- 1) мировоззренческий план;
- 2) поведенческий план;
- 3) когнитивный план.

В плане исследования когнитивного плана представляется интересным изучение интеллектуальных особенностей личностного развития с позиции теории множественного интеллекта Г. Гарднера. Им предложено рассматривать интеллектуальное развитие в семи видах развития интеллекта [Gardner H., 1983]:

- 1) вербально-лингвистический;
- 2) логико-математический;
- 3) визуально-пространственный;
- 4) моторно-двигательный;
- 5) музыкально-ритмический;
- 6) внутриличностный;
- 7) межличностный.

Такая логика рассуждений позволяют нам обосновать применение девяти шкал (мировоззренческой, поведенческой и семи когнитивных шкал) для изучения специфики исследуемой стратегии избегания и противоположной ей стратегии разрешения. В этих шкалах свойства личности, как было показано выше, выступают особыми метками – предикторами актуально действующих личностных смыслов респондентов. Нами выбраны диполи ключевых полярных свойств личности, а потом подобраны промежуточные уровни между ними и сформированы девять шкал частного семантического дифференциала личностных свойств для изучения стратегии избегания [Годунов М.В., Портнов Е.А., 2023, С. 83-84]:

- 1) мировоззренческая шкала («самодостаточность – фантазирование»):

- + 4 самодостаточность;
- +3 осмысленность;
- +2 ответственность;
- +1 конструктивность;
- 0 незаинтересованность;
- 1 легкомысленность;
- 2 приукрашивание;
- 3 преувеличение;
- 4 фантазирование.

2) поведенческая шкала («стабильность – бесполезность»):

- + 4 стабильность;
- +3 уравновешенность;
- +2 корректность;
- +1 адекватность;
- 0 невмешательство;
- 1 безынициативность;
- 2 ограниченность;
- 3 пассивность;
- 4 бесполезность.

Направления когнитивной сферы:

3) вербально-лингвистическая шкала («эрудированность – бестолковость»):

- + 4 эрудированность;
- +3 грамотность;
- +2 оригинальность;
- +1 аргументированность;
- 0 традиционность;
- 1 однообразие;
- 2 шаблонность;
- 3 бессодержательность;
- 4 бестолковость.

4) логико-математическая шкала («системность – бессистемность»):

- + 4 системность;
- +3 логичность;
- +2 организованность;
- +1 последовательность;
- 0 обыкновенность;
- 1 неточность;
- 2 непоследовательность;
- 3 нелогичность;
- 4 бессистемность.

5) визуально-пространственная шкала («образность – хаотичность»):

- + 4 образность;
- +3 выразительность;
- +2 согласованность;
- +1 упорядоченность;
- 0 посредственность;
- 1 фрагментарность;
- 2 неясность;
- 3 расплывчатость;
- 4 хаотичность.

6) моторно-двигательная шкала («энергичность – бездействие»):

- + 4 энергичность;
- +3 пластичность;
- +2 точность;
- +1 пропорциональность;
- 0 равномерность;
- 1 медлительность;
- 2 отставание;
- 3 несогласованность;
- 4 бездействие.

7) музыкально-ритмическая шкала («выразительность – невосприимчивость»):

- + 4 выразительность;
- +3 гармоничность;
- +2 ритмичность;
- +1 соразмерность;
- 0 заурядность;
- 1 нерегулярность;
- 2 зацикленность;
- 3 монотонность;
- 4 невосприимчивость.

8) межличностная шкала («дружелюбность – одиночество»):

- + 4 дружелюбность;
- +3 коммуникабельность;
- +2 доверчивость;
- +1 доброжелательность;
- 0 безынтересность;
- 1 обособленность;
- 2 отчужденность;
- 3 изолированность;
- 4 одиночество.

9) внутриличностная шкала («уверенность – неполноценность»):

- + 4 уверенность;
- +3 спокойствие;
- +2 самоконтроль;
- +1 сосредоточенность;
- 0 непритязательность;
- 1 сомнение;
- 2 неуверенность;
- 3 беспомощность;
- 4 неполноценность.

2.2. Обоснование батареи психодиагностических тестов для установления индикаторов смыслообразующей стратегии избегания

На основании представленных выше семантических шкал разработан авторский частный семантический дифференциал личностных свойств для выявления стратегии избегания, бланк которого представленный в Таблице 1.

Таблица 1

Бланк опросника [Годунов М.В., Портнов Е.А., 2023, С. 83-84]

В каждом столбце Вам необходимо отметить только одно слово, которое наиболее полно соответствует Вашим представлениям о себе.

(1) самодостаточность осмысленность ответственность конструктивность незаинтересованность легкомысленность приукрашивание преувеличение фантазирование	(2) стабильность уравновешенность корректность адекватность невмешательство безынициативность ограниченность пассивность бесполезность	(3) эрудированность грамотность оригинальность аргументированность традиционность однообразие шаблонность бессодержательность бестолковость
(4) системность логичность организованность последовательность обыкновенность неточность непоследовательность нелогичность бессистемность	(5) образность выразительность согласованность упорядоченность посредственность фрагментарность неясность расплывчатость хаотичность	(6) энергичность пластичность точность пропорциональность равномерность медлительность отставание несогласованность бездействие
(7) выразительность гармоничность ритмичность соразмерность заурядность нерегулярность зацикленность монотонность невосприимчивость	(8) дружелюбность коммуникабельность доверчивость доброжелательность безынтересность обособленность отчужденность изолированность одиночество	(9) уверенность спокойствие самоконтроль сосредоточенность непритязательность сомнение неуверенность беспомощность неполноценность

В каждой шкале четыре верхних слова отражают смыслообразующую стратегию разрешения (+), средний уровень показывает нейтральное состояние

(0), а четыре нижних слова отражают избегающую стратегию (-).

Дополнительно к разработанному авторскому опроснику в виде частного полярного семантического дифференциала личностных свойств в батарею тестов для изучения стратегии избегания необходимо подобрать известные апробированные методики для изучения данного предмета в сопряженных психодиагностических сферах. В качестве таких методик выделим следующие.

Тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву представляет собой переработку для русскоязычных пользователей теста «Purpose-in-Life» («Цель в жизни») Дж. Крамбо и Л. Махолика [Crumhaugh J.S., Maholick L.T., 1964]. Переработку провел Д.А. Леонтьев [Леонтьев Д.А., 2000]. С помощью данной методики исследуется степень осмысленности процессов жизнедеятельности по шести шкалам: общий показатель «осмысленность жизни» (ОЖ2), цели в жизни «цели» (Ц2), результативность жизни «результаты» (Р2), процессы в жизни «процессы» (П2), локус-контроля «Я» (Я2) и «локус-контроля жизнь» (Ж2). Описание и процедура обработки данного теста представлена в Приложении 1.

Методика Дж. Амирхана для установления доминирующих копинг-стратегий действия личности в стрессовых ситуациях позволяет исследовать базовые стратегии совладания со стрессом [Amirkhan J.H., 1990]. В русскоязычной адаптации В.М. Ялтонского и Н.А. Сирота данная тестовая методика содержит три шкалы [Ялтонский В.М., Сирота Н.А., 2008]. Это шкалы: «разрешение» (Р3), отражающая стремление к поиску путей и разрешению появившейся стрессовой ситуации; «поиск социальной поддержки» (П3), отражающая обращение человека к другим людям за помощью в ситуации, переживаемой как стрессовая; «избегание» (И3), отражающая стремление уйти от появившейся стрессовой ситуации, то есть проявление дезадаптивного поведения. Описание и процедура обработки этого теста представлена в Приложении 2.

Тест К. Томаса предрасположенности личности к конфликтному поведению показывает смыслы такого поведения как стили реагирования

опасные ситуации [Thomas K.W., Kilmann R.H., 2007]. В адаптации Н.В. Гришиной данный тест содержит пять стратегических направлений разрешения конфликтов [Гришина Н.В., 2008]. Это: «борьба» (Б4) как соревнование и конкуренция; «сотрудничество» (С4) как желание найти взаимовыгодное решение возникшего конфликта; «компромисс» (К4) как экономная стратегия обоюдных уступок всех участвующих в конфликте сторон; «избегание» (И4) как отстранение от сотрудничества и нежелание решать данный конфликт; «приспособление» (П4) как принесение своих интересов в жертву для других и в ущерб себе. Описание и процедура обработки этого теста представлена в Приложении 3.

«Мельбурнский опросник принятия решений» позволяет выявлять паттерны поведения в ходе выбора в условиях стрессовых обстоятельств из-за противоборства разных мотивов и желаний [Mann L., Burnett P, 1997]. Данный опросник адаптированный Т.В. Корниловой для использования на русском языке [Корнилова Т.В., 2013]. В данном тесте выявляются четыре паттерна поведения при выборе: «бдительность» (Б5) как исследовательская и оценочно-уточняющая деятельность с отбрасыванием предрассудков для осуществления выбора; «избегание» (И5) как сохранение движения по инерции и игнорирующее отбрасывание приходящей информации о рисках; «прокрастинация» (П5) как откладывание появившегося перед выбором бремени ответственности и включение механизма рационализации для оправдания неоднозначных вариантов выбора; «сверхбдительность» (С5) как выключение сознательного настроя на поиск выхода из сложившейся стрессовой ситуации, когда человек полагается на эмоциональный импульс при выборе, а при наступлении экстренных обстоятельств приводит к паническим действиям. Описание и процедура обработки этого теста представлена в Приложении 4.

На основе теста толерантности к неопределенности А. Фернхема как способности к принятию новых обстоятельств как неопределенных [Furnham A., 1997] для использования на русском языке Т.В. Корниловой был переработан данный тест, адаптированная версия которого стала называться «Новый

опросник толерантности-интолерантности к неопределенности». В этой методике содержится три шкалы [Корнилова Т.В., 2010]: «толерантность к неопределенности» (ТН6) как важнейшая характеристика личности, позволяющая быть готовым к самостоятельным действиям в непонятных условиях, выходить за них, видоизменять свои способы восприятия мира; «интолерантность к неопределенности» (ИТН6) как предрасположенность к неизменности происходящих процессов, несогласию с неопределенными условиями, предпочтение строгих правил, четкое разделение на верное и неверное; «межличностная интолерантность к неопределенности» (МИТН6) как нежелание принимать и фактор неопределенности в отношениях с людьми, стремление к их полному контролю, ригидность и отсутствие динамики в сфере межличностного общения. Описание и процедура обработки этого теста представлена в Приложении 5.

Таким образом, в батарею тестов для изучения избегания входят [Годунов М.В., Портнов Е.А., 2023]:

- 1) авторский опросник на избегание – частный полярный семантический дифференциал свойств личности;
- 2) тест «смысложизненных ориентаций» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву;
- 3) методика Дж. Амирхана для выявления доминирующих копинг-стратегий поведения в стрессовых ситуациях (в адаптации В.М. Ялтонского и Н.А. Сирота);
- 4) методика выявления предрасположенности личности к конфликтному поведению К. Томаса (в адаптации Н.В. Гришиной);
- 5) «Мельбурнский опросник принятия решений», адаптированный Т.В. Корниловой;
«Мельбурнского опросника принятия решений»
- 6) «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой.

2.3. Характеристика объекта и этапов эмпирического исследования смыслообразующей стратегии избегания

Представленная ранее батарея тестов обладает комплексными психодиагностическими возможностями. Тематические аналитические обзоры состояния исследований, теоретические обоснования, методические разработки, психодиагностические мероприятия и интерпретация эмпирических данных, направленных на корректное изучение особенностей актуализации смыслообразующей стратегии избегания проводилась поэтапно. В целом диссертационное исследование проводилось в течение 4 лет и состояло из четырех этапов:

1) обзорно-теоретический этап проводился в 2018-2020 году и включал в себя изучение и обзор отечественных и зарубежных концепций исследования стратегии избегания в русле смысловой регуляции жизнедеятельности переживающего и взаимодействующего субъекта, по результатам чего были сформулирована цель и круг задач, а также выдвинуты гипотезы данного исследования;

2) методически-организационный этап проводился в 2021 году и в ходе этого этапа на основе проведенных ранее обзорно-теоретических мероприятий нами разработана авторская методика для определения специфики стратегии избегания в виде девяти шкал авторского частного семантического дифференциала свойств личности, а также в батарею тестов были специально подобраны известные и апробированные методики для изучения смежных областей смысловой регуляции;

3) психодиагностический этап проводился в 2022 году и включал в себя проведение тестирования респондентов и сбор первичных эмпирических данных об особенностях избегания с помощью специально подобранной батареи психологических тестов;

4) интерпретационно-констатирующий этап проводился в 2023-2024 годах и заключался в статистической обработке полученных эмпирических данных и интерпретации выявленных тенденций смысловой регуляции, в ходе анализа

которых были подтверждены гипотезы настоящего диссертационного исследования.

Программа мероприятий по статистической обработке эмпирических данных включала следующую последовательность действий:

1) после сбора первичных эмпирических данных в группах выборки при градации по признакам вычислены описательные статистики – определены средние величины и среднеквадратические отклонения показателей шкал, входящих в примененную батарею тестов;

2) установлены предикторы смыслообразующей стратегии избегания, для чего использовался корреляционный анализ для выявления статистически значимой силы и направленности связей между показателями девяти шкал разработанного частного семантического дифференциала свойств личности и показателями всех остальных шкал используемой тестовой психодиагностической батареи;

3) с помощью выявленных предикторов смыслообразующей стратегии избегания проведена стратификация гендерных, возрастных и профессиональных подгрупп выборки с выделением в них страты респондентов, реализующих стратегию избегания;

4) в полученных стратах при градации по гендеру, возрасту и профессии установлены многофакторные личностные профили респондентов, реализующих смыслообразующую стратегию избегания в виде как качественных параметров, так и количественных показателей;

5) в полученных личностных профилях смыслообразующей стратегии избегания выявлены различия и сходства, указывающие на актуально действующие тенденции смыслообразования респондентов, реализующих стратегию избегания.

Принадлежность к профессии целесообразно рассматривать через отношение человека к ведущему объекту его труда [Климов Е.А., 1995], что позволяет корректно изучать эмпирическую выборку в плане разнообразного содержания смысловых связей респондентов с ведущим объектом своей

трудовой деятельности.

Описание состава выборки по основным акмеологическим признакам и характеристика объекта эмпирического исследования стратегии избегания представлено в Таблице 2.

Таблица 2

Характеристика объекта эмпирического исследования

Общий объём выборки 283 чел.	Признак выборки	Градация признака	Кол-во чел.	Средний возраст, лет
	Градация по гендеру		Мужчины	110
Женщины			173	26,3
Градация по возрасту		18 лет, студенты 1-2 курса	83	18,2
		22 лет, студенты 4-5 курса	131	22,1
		37 лет, средний возраст	69	37,3
Градация по профессии		Студенты-юристы	168	19,9
		Студенты-психологи	56	22,4
		Учителя средних школ	59	38,4

Психодиагностическое тестирование осуществлялось добровольно среди студентов-психологов, проходящих обучение в Донском государственном техническом университете, студентов-юристов, проходящих обучение в Ставропольском филиале Краснодарского университета Министерства внутренних дел РФ, а также среди педагогов – учителей средних школ Ростовской области.

Согласно Таблице 2, градация в данной эмпирической совокупности произведена исходя из профессиональной, гендерной и возрастной принадлежности респондентов. Именно градации по этой принадлежности представляются нам наиболее важными акмеологическими признаками для характеристики опрашиваемых респондентов, посредством чего появляется возможность выявления эмпирических особенностей проявления исследуемой стратегии избегания как важной составляющей процессов смысловой актуализации.

Выводы по Главе 2

Для исследования особенностей образования сферы личностных смыслов следует учитывать, что они находятся в отношениях двухсторонней обусловленности с областью личностных свойств. Эта двухсторонняя обусловленность, с одной стороны, показывает, что, проявляемая личностью совокупность её свойств выражает лишь качественную наполненность и направление актуализации системы присущих только данному человеку личностных смысловых образований. Такая актуализация осуществляется в ценностно-смысловом плане и мировоззренческом ядре структуры личности, согласно Д.А. Леонтьеву. При этом, с другой стороны, качественное содержание, а также направленность проявленных личностных смыслов опосредуют проявление соответствующих личностных свойств, воплощаемых в специфике индивидуальных отношений, оценок и критериев выбора направленности взаимодействий. Таким образом появляется возможность исследовать актуально действующие личностные смыслы по производным от них свойствам личности, которые являются более доступными для внешнего обнаружения.

В качестве такого инструментария выявления предлагается семантическая биполярная шкала личностных свойств. В структуре такой шкалы реализуется диалектическая природа отношений противоположных начал и их консонанса, как совпадения, и диссонанса, как рассогласования при синтезирующем взаимодействии полярных смыслов. Разная степень возникновения такого рассогласования приводит к применению цепи промежуточных состояний, как переходных свойств в шкале семантической природы. Дуальная семантическая шкала свойств личности является двунаправленной осью с содержащимися на ней на ней относительно нейтрального плана двумя группами, образованными вокруг ключевых полярных свойства и переходных уровней между ними.

Ценностно-смысловое содержание личностного потенциала реализуется человеком в основном в трех основополагающих планах его жизнедеятельности: мировоззренческом, поведенческом и когнитивном. В свою очередь, когнитивный план на основе теории множественного интеллекта Г. Гарднера,

рассматривается как состоящий из семи видов развития интеллекта. Таким образом в разработанный авторский частный семантический дифференциал для изучения смыслообразующей стратегии избегания входят девять шкал:

- 1) шкала мировоззренческого плана;
- 2) шкала поведенческого плана;
- 3) шкала вербально-лингвистического плана;
- 4) шкала логико-математического плана;
- 5) шкала визуально-пространственного плана;
- 6) шкала моторно-двигательного плана;
- 7) шкала музыкально-ритмического плана;
- 8) шкала межличностного плана;
- 9) шкала внутриличностного плана.

В этих шкалах свойства личности выступают особыми метками – предикторами актуально действующих личностных смыслов субъекта.

Дополнительно подобраны известные апробированные методики для изучения данной области смыслогенеза в сопряженных психодиагностических сферах. Таким образом, в батарею тестов входят:

- 1) авторский опросник на избегание – частный полярный семантический дифференциал свойств личности;
- 2) тест «Смысложизненные ориентации» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву;
- 3) тест Дж. Амирхана для установления доминирующих копинг-стратегий в стрессовых ситуациях (в адаптации В.М. Ялтонского и Н.А. Сирота);
- 4) тест К. Томаса диагностики предрасположенности личности к конфликтному поведению (в адаптации Н.В. Гришиной);
- 5) «Мельбурнский опросник принятия решений» по Т.В. Корниловой;
- 6) «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой.

Представлено описание эмпирического объекта в виде выборки общим объемом 283 чел. и этапов исследования стратегии избегания.

ГЛАВА 3. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

3.1. Описание первичных показателей батареи тестов для изучения актуализации смыслообразующей стратегии избегания

Для описания смыслообразующей стратегии избегания и выявления личностных профилей различных групп респондентов, реализующий её в своём поведении и взаимодействиях, необходимо представление эмпирических показателей тестовых методик, входящих в психодиагностическую батарею, которая обоснована в предыдущей главе данного диссертационного исследования.

В ходе эмпирического исследования проводился опрос респондентов с применением психодиагностического инструментария следующего набора методик [Годунов М.В., Портнов Е.А., 2023]:

1) частный семантический дифференциал в виде девяти шкал свойств личности как авторский опросник на выявление смыслообразующей стратегии избегания;

2) методика «смысложизненные ориентации» Д.А. Леонтьева;

3) тест Дж. Амирхана обнаружения преобладающих копинг-стратегий реагирования личности на стрессовые ситуации, адаптированный В.М. Ялтонским и Н.А. Сиротой;

4) методика выявления предрасположенности к конфликтному поведению К. Томаса, адаптированная Н.В. Гришиной;

5) «Мельбурнский опросник принятия решений» в адаптации Т.В. Корниловой;

6) «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности», разработанный Т.В. Корниловой.

При градации выборки по гендерному признаку полученные описательные статистики [Наследов А.Д., 2012] в виде средних показателей в баллах по шкалам батареи тестов представлены в Таблице 3.

Величины средних показателей тестовых методик для изучения стратегии избегания при градации выборки по гендерному признаку

Наименование теста	Показатель теста, название шкалы	Мужчины	Женщины
1. Частный семантический дифференциал для изучения стратегии избегания (шкалы свойств личности)	Мировоззренческий показатель (1Ф)	1,96	1,61
	Поведенческий показатель (2П)	2,49	1,8
	Вербально-лингвистический показатель (3Я)	2,18	1,94
	Логико-математический показатель (4М)	2,12	1,42
	Визуально-пространственный показатель (5В)	1,75	1,61
	Моторно-двигательный показатель (6Д)	2,23	1,67
	Музыкально-ритмический показатель (7Р)	2,25	2,17
	Межличностный показатель (8К)	2,66	2,29
2. Тест «Смысло-жизненные ориентации» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву	Внутриличностный показатель (9Л)	3,07	1,87
	Осмысленность жизни (ОЖ2)	121,4	111
	Цели (Ц2)	37,9	34,9
	Процессы (П2)	34,9	32
	Результат (Р2)	30,6	27,6
3. Доминирующие копинг-стратегии по Дж. Амирхану	Локус контроля Я (Я2)	24,9	22,5
	Локус контроля Жизни (Ж2)	36,7	33,5
	Шкала - Разрешение проблем (Р3)	30,8	28,4
4. Предрасположенность к конфликт-ному поведению по К. Томасу	Шкала - Поиски социальной поддержки (П3)	24	23,9
	Шкала - Избегания (И3)	19	18,9
	Шкала - Борьба, соперничество (Б4)	5,1	4
	Шкала - Сотрудничество (С4)	6	6,3
	Шкала - Компромисс (К4)	7,5	7,9
5. Мельбурнский опросник принятия решений	Шкала - Избегание (И4)	5	6,4
	Шкала - Приспособление (П4)	6	5,2
	Шкала - Бдительность (Б5)	15,5	15,1
	Шкала - Избегание (И5)	9,1	10,9
	Среднеквадратическое отклонение (СКО)	3	3,2
6. Новый опросник толерантности к неопределенности по Т.В. Корниловой	Прокрастинация (П5)	7,2	8,5
	Сверхбдительность (С5)	7,7	8,9
	Шкала Толерантности к неопределенности (ТН6)	55,1	56,6
	Шкала Интолерантности к неопределенности (ИТН6)	67,9	64,5
	Шкала Межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН6)	32,5	34,6

Показанные в Таблице 3 средние величины при градации выборки по гендеру показывают следующее. Для разработанного семантического дифференциала свойств личности по всем девяти шкалам более показатели имеют мужчины по сравнению с женщинами. Это может отражать несколько больший уровень актуализации у мужчин стратегии развития по сравнению со

стратегией избегания у женщин. По всем шести показателям теста «СЖО» по Д.А. Леонтьеву более высокие величины показатели обнаружены у мужчин в сравнении с женщинами. Это указывает на более высокий уровень осмысленности жизни и её целей у мужчин по сравнению с женщинами.

По методике выявления доминирующих копинг-стратегий Дж. Амирхана для всех трех стратегий более высокие показатели установлены у мужчин, чем у женщин. Это свидетельствует о более эффективном использовании всех трех поведенческих копинг-стратегий мужчинами в отличие от женщин. Для теста на выявление конфликтного поведения по К. Томасу установлено, что мужчины имеют более высокие показатели по шкалам «борьба, соперничество» (Б4) и «приспособление» (П4), а женщины по шкалам «сотрудничество» (С4), «компромисс» (К4) и «избегание» (И4). Это отражает предрасположенность мужчин отстаивать свою позицию в конфликтах и разрешать их более категорично, впадая в крайности по сравнению с женщинами, стремящимися к смягчению конфликтных ситуаций. По «Мельбурнскому опроснику принятия решений» более высокие показатели зафиксированы у мужчин для «бдительности» (Б5), у женщин более высокие показатели по «избеганию» (И5), «сверхбдительности» (С5) и «прокрастинации» (П5). Это может указывать на большую осведомленность при выборе ответственных решений мужчинами в сравнении с женщинами. По «Новому опроснику толерантность-интолерантность к неопределенности» Т.В. Корниловой большие величины показателей установлены для респондентов-мужчин для «интолерантности к неопределенности», а для респондентов-женщин для «толерантности к неопределенности», а также для «межличностной интолерантности к неопределенности». Это может говорить о большем стремлении мужчин к ясному пониманию отношений в мире и более сильному непринятию расплывчатости чужих рассуждений и мнений, чем у женщин.

При общей градации по возрасту средние величины показателей в баллах по шкалам тестов для студентов 1-2 курсов (средний возраст 18 лет), студентов 4-5 курсов (средний возраст 22 лет) и респондентов среднего возраста (37 лет)

представлены в Таблице 4.

Таблица 4

Величины средних показателей тестовых методик для изучения стратегии избегания при градации выборки по возрастному признаку

Наименование теста	Показатель теста, название шкалы	Группы и их средний возраст		
		18 лет студенты 1-2 курс	22 лет студенты 4-5 курс	37 лет среднего возраста
1. Частный семантический дифференциал для изучения стратегии избегания (шкалы свойств личности)	Мировоззренческий показатель (1Ф)	1,77	1,63	1,94
	Поведенческий показатель (2П)	2,22	2,21	1,61
	Вербально-лингвистический показатель (3Я)	2,16	1,97	2,01
	Логико-математический показатель (4М)	1,86	1,56	1,74
	Визуально-пространственный показатель (5В)	1,82	1,59	1,62
	Моторно-двигательный показатель (6Д)	2,16	1,75	1,83
	Музыкально-ритмический показатель (7Р)	2,33	2,31	1,83
	Межличностный показатель (8К)	2,89	2,34	2,09
	Внутриличностный показатель (9Л)	2,89	2,26	1,81
2. Тест «Смысло-жизненные ориентации» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву	Осмысленность жизни (ОЖ2)	117	114,2	114,3
	Цели (Ц2)	36,6	35,7	36,2
	Процессы (П2)	33,5	32,9	32,9
	Результат (Р2)	29,4	28,5	28,4
	Локус контроля Я (Я2)	24,0	23,3	23,1
	Локус контроля Жизни (Ж2)	35,7	34,7	33,7
3. Доминирующие копинг-стратегии по Дж. Амирхану	Шкала - Разрешение проблем (Р3)	29,8	29,9	28,7
	Шкала - Поиск соц. поддержки (П3)	23,5	24,5	23,3
	Шкала - Избегания (И3)	18,7	19,6	18,2
4. Предрасположенность к конфликтному поведению по К. Томасу	Шкала - Борьба, соперничество (Б4)	4,4	4,7	3,8
	Шкала - Сотрудничество (С4)	6,2	5,8	6,8
	Шкала - Компромисс (К4)	7,8	7,8	7,5
	Шкала - Избегание (И4)	5,6	5,6	6,6
	Шкала - Приспособление (П4)	5,6	5,7	5
5. Мельбурнский опросник принятия решений	Шкала - Бдительность (Б5)	15,4	15,3	15
	Шкала - Избегание (И5)	10,8	10	10,4
	Среднеквадратич. отклонение (СКО)	3,1	3	3
	Прокрастинация (П5)	7,9	7,9	8,3
	Сверхбдительность (С5)	8,5	8,4	8,7
6. Новый опросник толерантности к неопределенности по Т.В. Корниловой	Шкала Толерантности к неопределенности (ТН6)	53,7	56,2	58,6
	Шкала Интолерантности к неопределенности (ИТН6)	66	67,6	62,6
	Шкала Межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН6)	33,9	33,7	33,8

Представленные в Таблице 4 средние величины показателей тестов при варьировании выборки по возрасту показывают следующее. Для разработанного семантического дифференциала свойств личности наиболее высокие показатели обнаружены по большинству шкал у 18-летних студентов (1-2 курс), кроме шкалы «мировоззренческой» (1Ф) для представителей среднего возраста (37 лет). При этом 22-летние студенты (4-5 курс) занимают промежуточное положение по шкалам «поведенческая» (2П), «музыкально-ритмическая» (7Р), «межличностная» (8К) и «внутриличностная» (9Л), а по остальным шкалам имеют самые низкие показатели. Представители среднего возраста (37 лет) занимают промежуточное положение по шкалам «вербально-лингвистическая» (3Я), «логико-математическая» (4М), «визуально-пространственная» (5В) и «моторно-двигательная» (6Д), а по другим шкалам у них самые низкие данные. Это может отражать более выраженные тенденции мировоззренческой сферы в стратегии разрешения у представителей среднего возраста (37 лет) по причине их большего жизненного опыта, усложняющего мировосприятие, в сравнении с 18-летними студентами, которые только начинают получать жизненный опыт, при этом они по остальным шкалам имеют наиболее высокие показатели в силу большего стремления к развитию, а также начала овладения профессией.

Предполагается, что по этой же причине по всем шести показателям методики «СЖО» по Д.А. Леонтьеву именно 18-летние студенты имеют самые высокие средние показатели. При этом находятся практически на одном уровне средние величины для всех шкал данного тестовой методики у 22-летних опрошенных студентов и у представителей средней возрастной группы (37 лет).

При сравнении данных методики выявления доминирующих копинг-стратегий по Дж. Амирхану установлено, что для всех трех стратегий более высокие величин средних показателей имеют 22-летние студенты, промежуточные показатели имеют 18-летние студенты, а представители средней возрастной группы (37 лет) имеют самые низкие показатели. Это может говорить о том, что самые молодые респонденты менее эффективно используют все три

поведенческих копинг-стратегии в сравнении с 22-летними студентами. В свою очередь, 22-летние студенты находятся на заключительном этапе обучения (4-5 курс) и обладают несколько большими, наработанными в процессе учебы, ресурсами социальных контактов, поэтому считают их использование самым эффективным для решения возникающих трудных ситуаций, а также понимают, что некоторых из таких ситуаций лучше избегать. При этом самый низкий уровень среднего показателя по «избеганию» (ИЗ) имеют представители средней возрастной группы (37 лет), считающие избегание недостаточно эффективной стратегией для преодоления возникающих в их жизни трудных ситуаций.

По методике выявления предрасположенности личности к конфликтному поведению по К. Томасу 18-летние студенты имеют наибольшую среднюю величину показателя по шкале «компромисс» (К4), одинаковую с 22-летними студентами. При этом 22-летние студенты имеют наибольшие средние величины показателей по шкалам «борьба, соперничество» (Б4) и «приспособление» (П4). У представителей средней возрастной группы (37 лет) выявлены наибольшие величины показателей по шкалам «сотрудничество» (С4) и «избегание» (И4).

По шкалам «Мельбурнского опросника принятия решений» у 18-летних студентов выявлены наибольшие показатели по шкалам «бдительность» (Б5), «избегание» (И6) и «прокрастинация» (П5), при чем по последней шкале одинаковые показатели с 22-летними студентами. У средней возрастной группы (37 лет) по шкале «сверхбдительность» (С5) наибольшие показатели.

Для «Нового опросника толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой более высокие средние значения всех трех шкал выявлены у представителей средней возрастной группы (37 лет). При этом по показателю «межличностная интолерантность к неопределенности» все три сравниваемые возрастные группы находятся практически на одном уровне.

При общей градации выборки по профессии полученные средние показатели в баллах по шкалам тестов для студентов, получающих юридическое образование, для студентов, получающих психологическое образование и для учителей средних школ представлены в Таблице 5.

Величины средних показателей тестовых методик для изучения стратегии избегания при градации выборки по профессиональному признаку

Наименование теста	Показатель теста, название шкалы	Группы и их тип профессий		
		студенты-юристы	студенты-психологи	учителя школ
1. Частный семантический дифференциал для изучения стратегии избегания (шкалы свойств личности)	Мировоззренческий показатель (1Ф)	1,75	1,47	1,95
	Поведенческий показатель (2П)	2,32	1,84	1,56
	Вербально-лингвист. показатель (3Я)	2,1	1,8	2
	Логико-математ. показатель (4М)	2,04	0,49	1,69
	Визуально-простран. показатель (5В)	1,64	1,88	1,51
	Моторно-двигательн. показатель (6Д)	2,05	1,35	1,71
	Музыкально-ритм. показатель (7Р)	2,29	2,45	1,9
	Межличностный показатель (8К)	2,66	2,18	2,03
	Внутриличностный показатель (9Л)	2,81	1,49	1,63
2. Тест «Смысловые ориентации» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву	Осмысленность жизни (ОЖ2)	118,3	105,1	113,3
	Цели (Ц2)	36,9	33,2	36
	Процессы (П2)	34	30,4	32,7
	Результат (Р2)	29,9	25,4	28,2
	Локус контроля Я (Я2)	24,2	21,3	22,8
	Локус контроля Жизни (Ж2)	36	32,2	33,2
3. Доминирующие копинг-стратегии по Дж. Амирхану	Шкала - Разрешение проблемы (Р3)	30,1	29,1	28,4
	Шкала - Поиск соц. поддержки (П3)	23,9	24,6	23,7
	Шкала - Избегание (И3)	18,8	20,7	18,4
4. Предрасположенность к конфликтному поведению по К. Томасу	Шкала - Борьба, соперничество (Б4)	4,7	4,1	3,5
	Шкала - Сотрудничество (С4)	5,8	6,6	6,8
	Шкала - Компромисс (К4)	7,8	7,7	7,6
	Шкала - Избегание (И4)	5,4	6,4	6,8
	Шкала - Приспособление (П4)	5,9	4,9	5,1
5. Мельбурнский опросник принятия решений	Шкала - Бдительность (Б5)	15,2	15,8	14,8
	Шкала - Избегание (И5)	9,3	11,8	10,5
	Среднеквадратич. отклонение (СКО)	3,1	3,3	3,2
	Прокрастинация (П5)	7,5	9,1	8,6
	Сверхбдительность (С5)	7,9	9,8	9
6. Новый опросник толерантности к неопределенности по Т.В. Корниловой	Шкала Толерантности к неопределенности (ТН6)	54,6	57,9	58,5
	Шкала Интолерантности к неопределенности (ИТН6)	67,9	63,1	62,1
	Шкала Межличностной интолерантности к неопределенности (МИТН6)	33,1	35,7	33,9

Показанные в Таблице 5 средние величины эмпирических показателей по шкалам психодиагностической батареи тестов при градации выборки респондентов по профессиональному признаку показывают следующие особенности. Для разработанного семантического дифференциала личностный

свойств у студентов-юристов наиболее высокие показатели обнаружены по большинству шкал, кроме шкалы «мировоззренческой» (1Ф) для учителей школ, а также кроме шкал «визуально-пространственная» (5В) и «музыкально-ритмическая» (7Р) для студентов-психологов. Последняя категория респондентов занимает промежуточное положение по показателям шкал «поведенческая» (2П) и «межличностная» (8К), а также имеет самые низкие показатели по шкалам «вербально-лингвистическая» (3Я), «логико-математическая» (4М), «моторно-двигательная» (6Д), а также по «внутриличностной» (9Л) шкале.

Учителя средних школ занимают промежуточное положение по шкалам «вербально-лингвистическая» (3Я), «логико-математическая» (4М), «моторно-двигательная» (6Д), «внутриличностная» (9Л), а также имеют самые низкие показатели по шкалам «поведенческая» (2П), «визуально-пространственная» (5В), «музыкально-ритмическая» (7Р), и «межличностная» (8К). Данные выявленные особенности смыслообразования могут указывать на более выраженные тенденции мировоззренческой сферы в стратегии разрешения у педагогов средних школ по причине наличия у них большего профессионального опыта, расширяющего и усложняющего мировосприятие, в сравнении со студентами, которые только начинают постигают выбранную ими профессиональную сферу деятельности. При этом студенты-респонденты обеих рассмотренных категорий по остальным шкалам разработанного семантического дифференциала свойств личности имеют более высокие показатели в силу большего стремления к развитию своих профессиональных компетенций в начале овладения выбранной для себя профессии.

По всем шести показателям теста «Смысложизненные ориентации» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву наиболее высокие показатели выявлены у студентов-юристов, наиболее низкие показатели у студентов-психологов, а показатели учителей средних школ занимают промежуточное положение. Это возможно из-за того, что студенты-юристы больше осознают последствия неэффективной смысловой регуляции своей деятельности в силу большей профессиональной

ориентированности в негативных последствиях поведения по сравнению со студентами-психологами. При этом промежуточное положение всех показателей данного теста у учителей средних школ указывает на то, что они, в сравнении со студентами-психологами, обладают более высоким уровнем осмысления жизни и осознанности её целей.

При сравнении показателей теста доминирующих копинг-стратегий совладания со стрессовыми ситуациями по Дж. Амирхану выявлено, что студенты-юристы имеют наиболее высокие показатели по шкале «разрешение проблемы» (Р3), а также промежуточное значение по шкалам «поиск социальной поддержки» (П3) и «избегание» (И3). При этом студенты-психологи по двум последним шкалам имеют наиболее высокие показатели, а по шкале «разрешение проблемы» (Р3) занимают промежуточное положение. Учителя средних школ по всем трем шкалам данного теста имеют самые низкие показатели. Это может указывать, что именно студенты обеих категорий, находясь в процессе освоения своих профессий, могут более эффективно использовать данные копинг-стратегии в своем поведении по сравнению с педагогами, имеющими наработанные и более ригидные (непластичные) поведенческие стратегии ситуативного реагирования личности в стрессовых ситуациях.

По методике выявления предрасположенности личности к конфликтному поведению по К. Томасу установлено, что студенты-юристы имеют наиболее высокие величины по шкале «борьба, соперничество» (Б4), «приспособление» (П4) и «компромисс» (К4), причём по последней шкале показатели практически одинаковы с другими группами респондентов. Студенты-юристы имеют наиболее низкие показатели по шкалам «сотрудничество» (С4) и «избегание» (И4). Студенты-психологи имеют по всем пяти шкалам данной методики промежуточное положение. Педагоги средних школ имеют наиболее высокие величины по шкале «сотрудничество» (С4) и «избегание» (И4), при этом наиболее низкие величины шкал «борьба, соперничество» (Б4), «приспособление» (П4). Такое соотношение показателей по шкале «избегание»

может свидетельствовать о том, что студенты, в силу своей недостаточно сформированной профессиональной компетентности, больше стремятся к смягчению конфликтных ситуаций, чем профессионально состоявшиеся педагоги средних школ.

По данным «Мельбурнского опросника принятия решений» наивысшие показатели по всем шкалам обнаружены у студентов-психологов. Это может указывать на большую степень осведомленности при принятии ответственных решений у данной категории респондентов. При этом студенты-юристы имеют промежуточные значения по шкале «бдительность» (Б5), а также наиболее низкие показатели по шкалам «избегание» (И6), «прокрастинация» (П5) и «сверхбдительность» (С5). Педагоги средних школ занимают промежуточное положение по шкалам «избегание» (И6), «прокрастинация» (П5) и «сверхбдительность» (С5), а также имеет самые низкие показатели по шкале «бдительность» (Б5).

Для «Нового опросника толерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой наиболее высокий показатель по шкале «толерантность к неопределенности» (ТН6) выявлен у учителей средних школ, которое по показателю «интолерантность к неопределенности» имеют самый низкий показатель. При этом студенты-психологи занимают промежуточное положение по обоим этим показателям данного теста. Для группы студентов-юристов низкий показатель шкалы «толерантность к неопределенности» и высокий показатель по шкале «интолерантность к неопределенности» может указывать на стремление к профессиональной деятельности в максимально ясных условиях и по неизменным правилам, чем у учителей средних школ и будущих психологов.

Необходимо отметить, что для представителей среднего возраста (37 лет), согласно Таблице 4, а также соответствующих данному возрасту профессиональных групп в виде учителей средних школ, согласно Таблице 6, характерно наименьшее значение показателя избегания, как копинг-стратегии совладающего поведения в трудных ситуациях, однако при этом проявляется

наибольшие показатели избегания в конфликтных ситуациях. Это может объясняться наличием разнообразного жизненного опыта, когда избегание трудностей в конечном счете неэффективно, а избегание конфликтов более эффективно, чем участие в них.

Особенности показателей девяти шкал разработанного семантического дифференциала свойств личности при всех общих и частных градациях выборки по гендерным, возрастным и профессиональным признакам будут более подробно исследованы далее в ходе стратификации и построения многопрофильных психологических портретов респондентов, реализующих смыслообразующие стратегии избегания и разрешения. В целом, полученные первичные данные эмпирических показателей свидетельствуют о том, что в группах выборки при градации её показателей по основным акмеологическим признакам наблюдается различие в средних величинах протестированных показателей.

После вычисления представленных описательных статистик проведена проверка общей выборки на нормальность распределения по критериям согласия хи-квадрат и критерию Шапиро-Уилка [Кричевец А.Н., Корнеев А.А., 2019; Royston P, 1992], которая показала удовлетворительное соответствие частот эмпирического и теоретического (нормального) распределения показателей в шкалах примененной психодиагностической батареи тестовых методик. Это указывает на репрезентативность опрошенной выборки респондентов. Далее необходимо выявить степень статистической значимости выявленных различий показателей, а также уровень и направленность взаимосвязей между протестированными показателями девяти семантических шкал разработанного авторского частного дифференциала личностных свойств для изучения смыслообразующей стратегии избегания и остальными апробированными психодиагностическими методиками, входящими в подобранную батарею тестов.

3.2. Выявление предикторов смыслообразующей стратегии избегания

Программа исследования смыслообразующей стратегии избегания предполагает, что для её эффективного изучения необходимо выявление предикторов, как особых маркирующих меток-указателей, с помощью которых возможно установление предрасположенности к данной стратегии. После вычисления описательных статистик исследуемых показателей, представленных в предыдущем разделе, определены коэффициенты линейной корреляции Пирсона [Сидоренко Е. В., 2013] на общей выборке респондентов между девятью шкалами разработанного семантического дифференциала для исследования специфики избегания и другими шкалами применяемой батареи диагностических тестов.

Данные коэффициентов линейной корреляции Пирсона представлены в Таблице 3 Приложения 6. На основе представленных данных выявлено, что имеются шкалы тестов, показатели которых имеют статистически значимые на уровне $p \leq 0,05$ коэффициенты линейной корреляции Пирсона. Исходя из полученных данных следует, что статистически значимыми на уровне $p \leq 0,05$ являются следующие показатели шкал тестов:

«Осмысленность жизни» (ОЖ2), «Цели» (Ц2), «Процессы» (П2), «Результат» (Р2), «Локус контроля «Я» (Я2), «Локус контроля «Жизнь» (Ж2) теста «СЖО»;

«Разрешение» (Р3) по методике Дж. Амирхана; «Бдительность» (Б5), «Избегание» (И5), «Прокрастинация» (П5), «Сверхбдительность» (С5) по методике «Мельбурнского опросника принятия решения»;

«Интолерантности к неопределенности» методики «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой.

Данные коэффициенты линейной корреляции, которые статистически значимы частично или полностью по отношению ко всем девяти шкалам разработанного семантического дифференциала свойств личности для изучения избегания, представлены на Рисунках 2, 3, 4, 5.

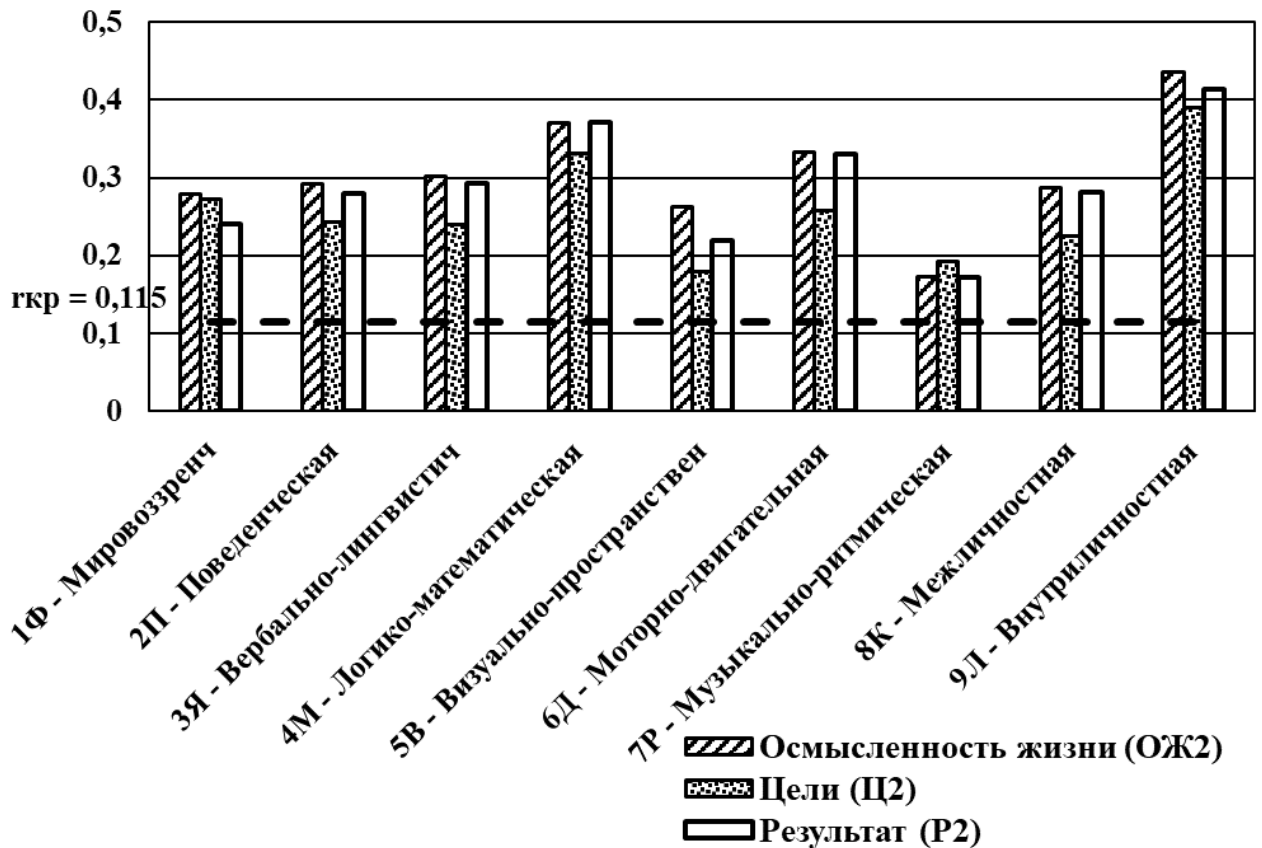

Рисунок 2. Эмпирические коэффициенты линейной корреляции Пирсона девяти показателей шкал разработанного семантического дифференциала изучения избегания и шкал «Осмысленность жизни» (ОЖ2), «Цели» (Ц2) и «Результат» (P2) теста «СЖО» для общей выборки $n=283$ (статистически значимы при $гкр \geq 0,115$ для $p \leq 0,05$)

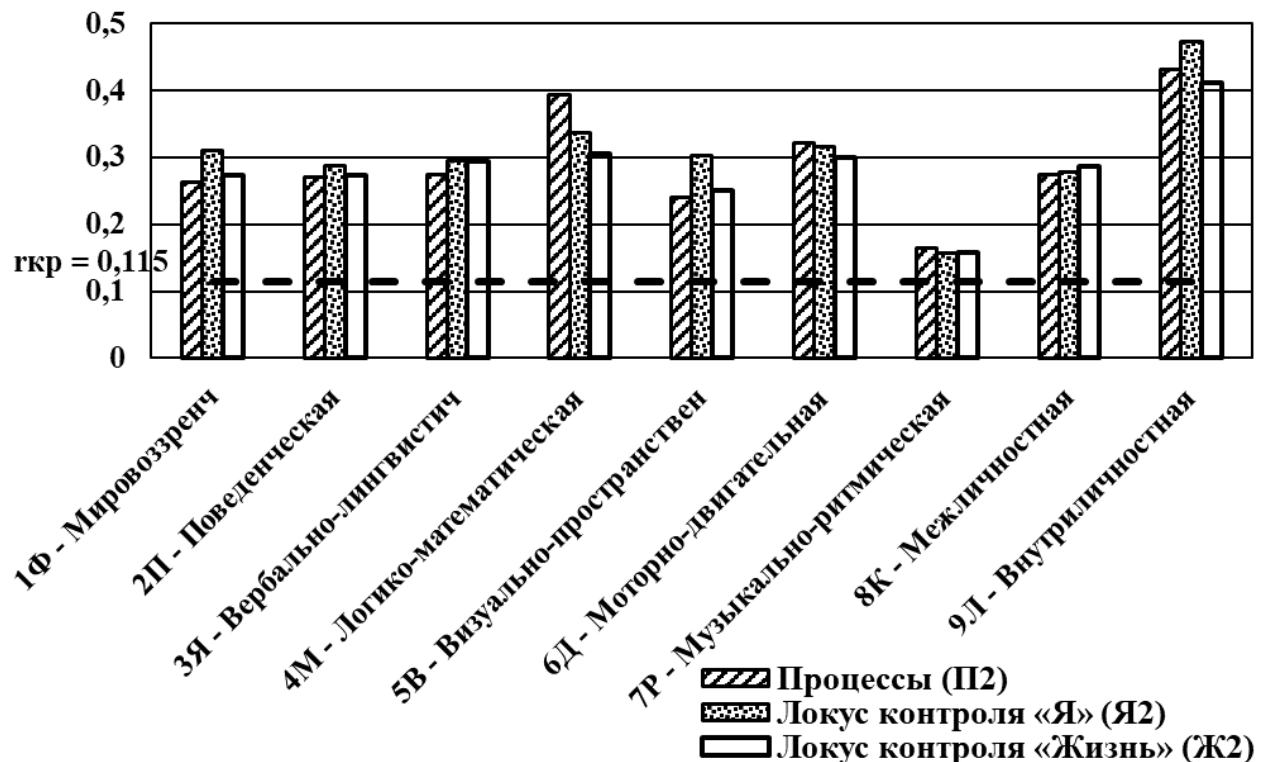

Рисунок 3. Коэффициенты линейной корреляции Пирсона девяти показателей шкал разработанного семантического дифференциала изучения избегания и шкал «Процессы» (П2), «Локус контроля «Я» и «Локус контроля «Жизнь» теста «СЖО» для общей выборки $n=283$ (статистически значимы при $гкр \geq 0,115$ для $p \leq 0,05$)

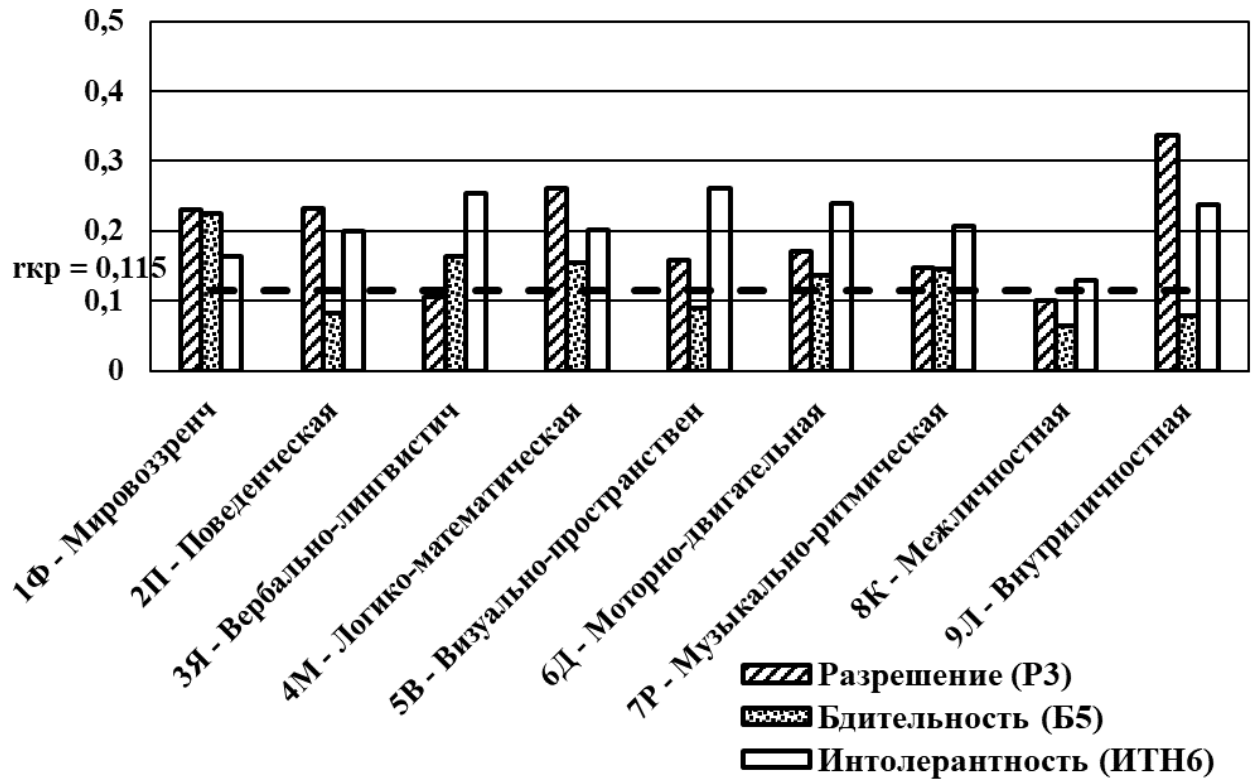

Рисунок 4. Эмпирические коэффициенты линейной корреляции Пирсона девяти показателей шкал разработанного семантического дифференциала изучения избегания и шкал «Разрешение» (P3) теста Дж. Амирхана, «Бдительность» (B5) Мельбурнского опросника принятия решений, «Интолерантность к неопределенности» (ITN6) «Нового опросника толерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой для общей выборки n=283 (статистически значимы при $r_{кр} \geq 0,115$ для $p \leq 0,05$)

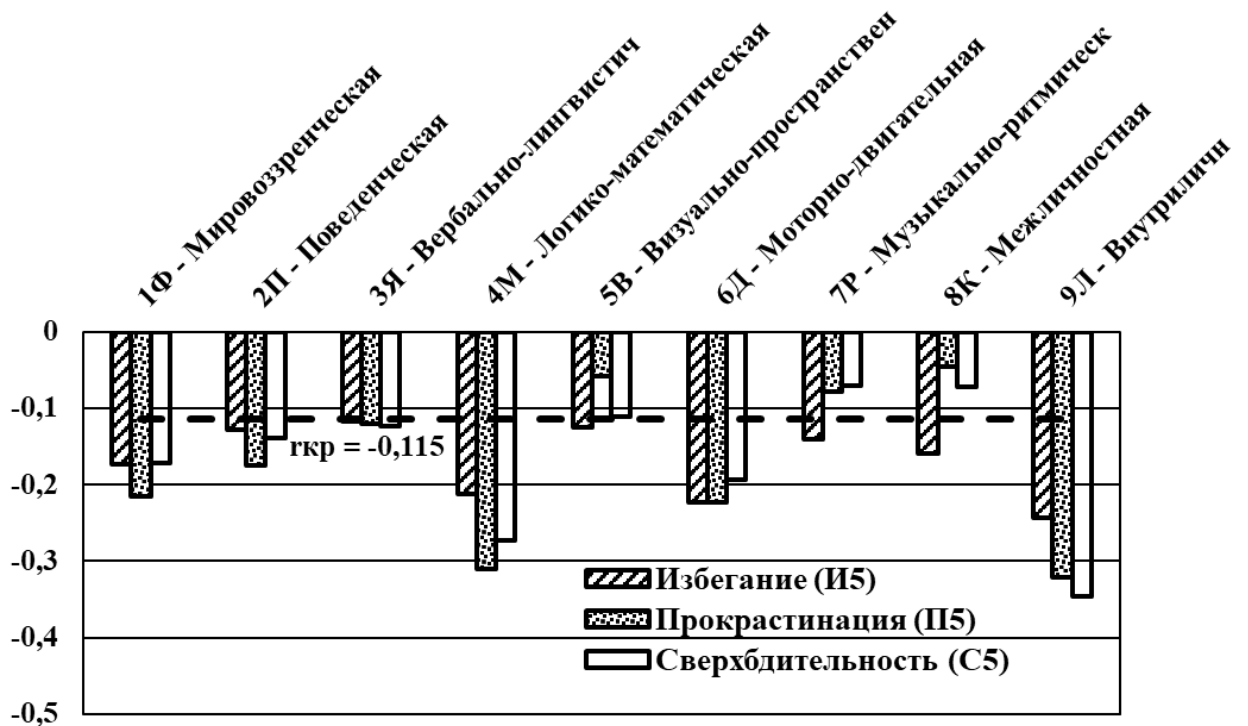

Рисунок 5. Эмпирические коэффициенты корреляции Пирсона девяти шкал семанти-ческого дифференциала изучения избегания и шкал «Прокрастинация» (P5), «Избе-гание» (I5) и «Сверхбдительность» (C5) Мельбурнского опросника принятия решений для общей выборки n=283 (статистически значимы при $r_{кр} \geq 0,115$ для $p \leq 0,05$)

Полученные данные, представленные на Рисунках 2, 3, 4, 5 показывают следующее. В общей выборке со шкалами частного авторского семантического дифференциала для изучения смыслообразующей стратегии избегания имеются корреляционные связи различной силы и направленности со следующими шкалами батареи тестов, как предварительными предикторами стратегии избегания:

со *всеми* девятью шкалами разработанного семантического дифференциала по изучению стратегии избегания выявлена статистически значимая *положительная* корреляционная связь на уровне значимости $p \leq 0,05$ для показателей шкал: «Осмысленность жизни» (ОЖ2), «Цели» (Ц2) и «Результат» (Р2), «Процессы» (П2), «Локус контроля «Я» (Я2) и «Локус контроля «Жизнь» (Ж2) теста «Смыслоразнообразные ориентации» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву, а также «Интолерантность к неопределенности» (ИТН6) «Нового опросника толерантности-интолерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой;

со *всеми* девятью шкалами разработанного семантического дифференциала по изучению стратегии избегания выявлена статистически значимая *отрицательная* корреляционная связь на уровне значимости $p \leq 0,05$ для показателя шкалы «Избегание» (И5) методики «Мельбурнский опросник принятия решений»;

с *некоторыми* девятью шкалами разработанного семантического дифференциала по изучению стратегии избегания выявлена статистически значимая *положительная* корреляционная связь на уровне значимости $p \leq 0,05$ для показателей шкал: «Разрешение» (Р3) теста Дж. Амирхана выявления доминирующих копинг-стратегий, «Бдительность» (Б5) методики «Мельбурнский опросник принятия решений»;

с *некоторыми* шкалами разработанного семантического дифференциала по изучению стратегии избегания выявлена статистически значимая *отрицательная* корреляционная связь на уровне значимости $p \leq 0,05$ для показателей шкал: «Прокрастинация» (П5) и «Сверхбдительность» (С5)

методики «Мельбурнский опросник принятия решений».

Необходимо пояснить, что именно в данном случае при положительной корреляции получается, чем выше показатель такого предварительного предиктора, тем избегания проявляется меньше. Это обусловлено тем, что в семантической шкале авторского частного семантического дифференциала область стратегии избегания соответствует отрицательному направлению оси семантической шкалы, а стратегия разрешения соответствует положительному направлению оси, согласно Рисунка 1. Соответственно, при отрицательной корреляции получается, чем меньше показатель такого предварительного предиктора, тем избегания проявляется больше.

Таким образом определена предварительная совокупность, из которой необходимо корректно выявить основные и вспомогательные предикторы исследуемой смыслообразующей стратегии избегания. Для этого достаточно установить значимость сдвигов между показателями шкал между самыми большими группами в выборке, то есть в нашем случае – при общей градации выборки по гендерному признаку. Поэтому определим уровень статистической значимости сдвигов их показателей между мужчинами ($n = 110$) и женщинами ($n = 173$) с применением критерия ϕ углового преобразования Фишера [Титкова Л.С., 2013].

Произведены статистические расчёты по этому критерию значимости сдвигов предварительно определенных показателей-предикторов, которые имеют статистически значимые показатели корреляционных связей по уровню значимости $p \leq 0,05$ для всех девяти шкал разработанного семантического дифференциала личностных свойств по изучению смыслообразующей стратегии избегания: «Осмысленность жизни» (ОЖ2), «Цели» (Ц2) и «Результат» (Р2), «Процессы» (П2), «Локус контроля «Я» (Я2) и «Локус контроля «Жизнь» (Ж2) теста «Смыслоразнонаправленности» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву, а также «Избегание» (И5) методики «Мельбурнский опросник принятия решений», «Интолерантность к неопределенности» (ИТН6) по «Новому опроснику толерантности-интолерантности к неопределенности» Т.В. Корниловой.

Эмпирические значения коэффициентов критерия Фишера, рассчитанные для сдвигов предварительных показателей-предикторов при градации выборки на мужчин и женщин, представлены в графическом виде на Рисунке 6.

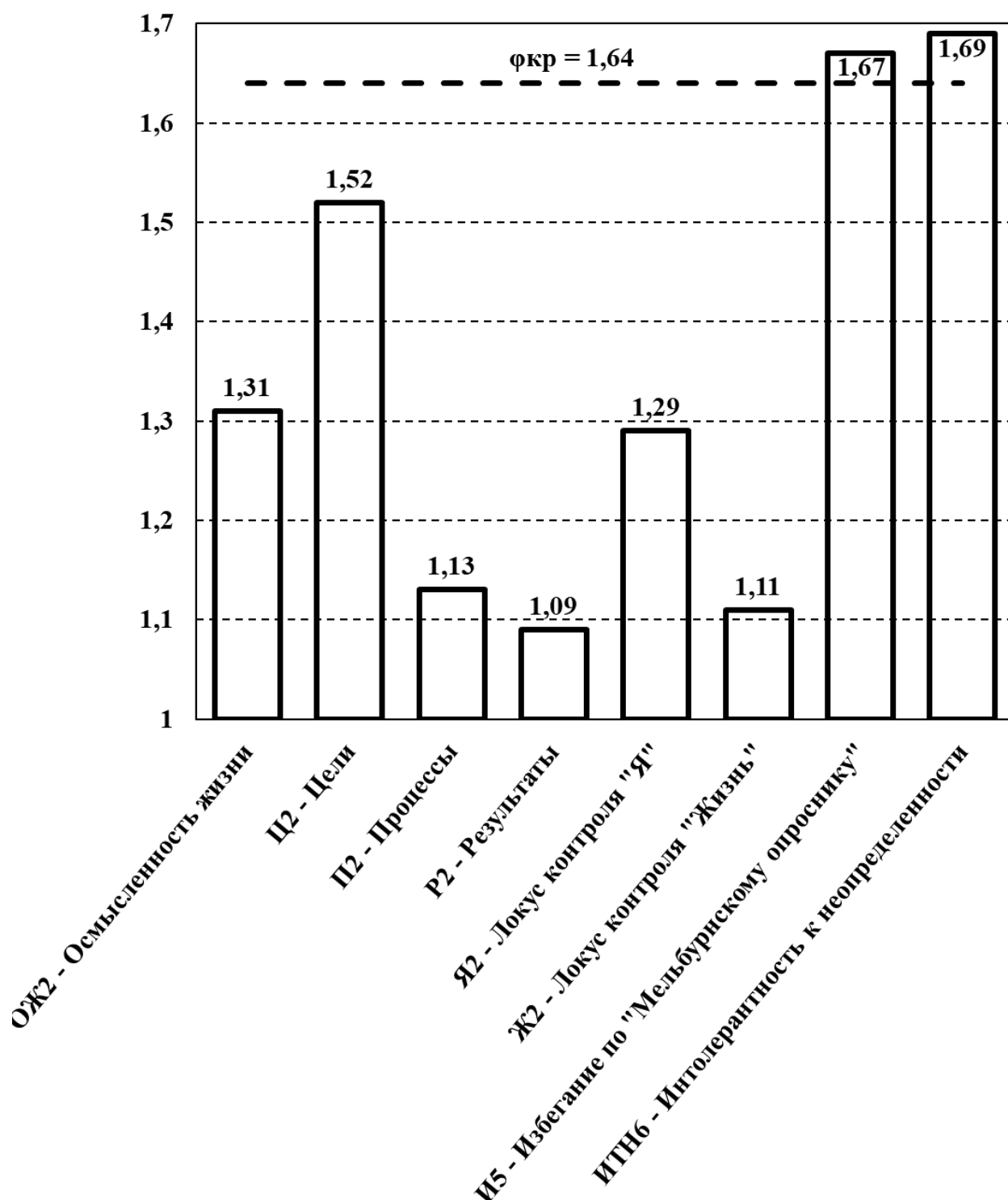

Рисунок 6. Эмпирические значения коэффициентов критерия Фишера при градации выборки на мужчин и женщин для сдвигов показателей-предикторов «Осмысленность жизни» (ОЖ2), «Цели» (Ц2), «Результат» (Р2), «Процессы» (П2), «Локус контроля «Я» (Я2), «Локус контроля «Жизнь» (Ж2), «Избегание» (И5), «Интолерантность к неопределенности» (ИТН6) (коэффициенты статистически значимы при $\Phi_{\text{эмп}} \leq \Phi_{\text{кр}} = 1,64$ для $p \leq 0,05$)

Анализ данных, представленных на Рисунке 6, показывает следующее. Среди вычисленных эмпирических значений коэффициентов критерия углового преобразования Фишера, полученных для сдвигов показателей-предикторов при общей градации выборки на мужчин и женщин, статистической значимостью ($F_{ЭМП} \leq F_{КР} = 1,64$) на уровне не менее 0,05 обладают два предиктора: показатель шкалы «Избегание» (И5) и показатель шкалы «Интолерантность к неопределенности» (ИТН6). Поэтому именно два данных показателя принимаем за основные предикторы смыслообразующей стратегии избегания. То есть *первый основной предиктор стратегии избегания* – это показатель шкалы «Избегание» (И5) по «Мельбурнскому опроснику принятия решений», имеющий отрицательные статистически значимые корреляционные связи для всех девяти шкал разработанного семантического дифференциала, а *второй основной предиктор стратегии избегания* – это показатель шкалы «Интолерантность к неопределенности» (ИТН6) по тесту «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой, имеющий отрицательные статистически значимые корреляционные связи для всех девяти шкал разработанного семантического дифференциала для выявления особенностей изучаемой стратегии смыслообразования.

В качестве *вспомогательных предикторов стратегии избегания* принимаем тогда показатели остальных шкал, имеющий положительные статистически значимые корреляционные связи для всех девяти шкал разработанного семантического дифференциала – это показатели тестовых шкал: «Локус контроля Я» (Я2) и «Процессы» (П2) методики «СЖО» по Д.А. Леонтьеву. Это представляется на наш взгляд методологически корректным, так как именно шкала «процессы жизни» отражают процесс наполненности настоящего, сегодняшнего дня полноценным смысловым содержанием, а шкала локуса контроля «Я» показывают у респондентов обладание достаточным уровнем свободы личностного выбора для осуществления собственного бытия в соответствии с собственными жизненными ценностями, целями и осознанием собственного смысла своей жизни [Леонтьев Д.А., 2000].

Остальные показатели, представленные на Рисунке 6, в меньшей степени соответствуют методологически роли вспомогательных предикторов: «Осмысленность жизни» отражает просто сумму ответов по всем вопросам теста «СЖО», «цели в жизни» характеризуют осмысленность будущего, «результаты в жизни» отражают осознание респондентами продуктивности и осмысленности собственной прожитой жизни, а локус контроля «Жизнь» показывают степень осознания управляемости своей жизни [Леонтьев Д.А., 2000]. Тогда эти показатели будем считать *условно вспомогательными предикторами стратегии избегания*.

Необходимо отметить, что с разработанным автором семантическим дифференциалом свойств личности для исследования избегающей стратегии не установлено значимых корреляционных связей с показателями шкал теста К. Томаса, направленного на выявление предрасположенности личности к конфликтному поведению. Это обусловлено тем, что данный психодиагностический инструмент был разработан исходя из предположения его авторов о том, что люди должны стараться не уклоняться от появившегося конфликта, а грамотно стараться управлять течением конфликтной ситуации [Thomas K.W., Kilmann R.H., 1978]. В нашем исследовании изучается именно смыслообразующая стратегия избегания.

3.3. Установление личностных профилей, отражающей особенности актуализации смыслообразующей стратегии избегания

В плане изучения особенностей смыслообразования личностный профиль отражает особенности реализации направленности, содержания и качества процессов формирования, изменения и трансформации смысловых образований личностного развития, которые составляют основу стратегии образования личностных смыслов переживающего и взаимодействующего субъекта. С помощью личностного профиля возможно получение разноплановой психологической картины, содержащей информацию не только об актуальных особенностях собственно процессов смыслогенеза в виде интенциональности,

семантики и коннотации личностных смыслов, реализуемых в различных ситуационных взаимодействиях, но и показателей из смежных областей смысловой регуляции жизнедеятельности.

С помощью такого набора показателей сформированный личностный профиль смыслообразующей стратегии выступает своеобразным персонологическим портретом субъекта в виде многофакторного среза его психологического состояния. Такой психологический портрет должен включать не только план наличной, необходимо действующей иерархической системы личностных смыслов и ориентаций, но и план потенциально привлекательной и выбираемой траектории развертывания в сознании, а точнее в образе мира, индивидуально сформированного и неповторимого смыслового поля осуществления жизненных целей.

Исходя из представленных данных эмпирического исследования особенностей смыслообразующей стратегии избегания, в её личностный профиль целесообразно включить следующие показатели из примененной батареи тестов, как обладающие требуемой статистической надежностью инструменты многопланового исследования ценностно-смысловой, когнитивно-поведенческой и мотивационной области регуляции жизнедеятельности личности:

- показатели девяти шкал разработанного семантического дифференциала личностных свойств для изучения смыслообразующей стратегии избегания;
- два основных предиктора смыслообразующей стратегии избегания: показатель шкалы «Избегание» (И5) по «Мельбурнскому опроснику принятия решений» и показатель шкалы «Интолерантность к неопределенности» (ИТН6) по тесту «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой;
- два вспомогательных предиктора смыслообразующей стратегии избегания: показатели шкал «Процессы» (П2) и «Локус контроля «Я» (Я2) теста «Смыслжизненные ориентации» (СЖО) по Д.А. Леонтьеву.

Для выявления показателей личностных профилей осуществлена

процедура стратификации выборки на те группы респондентов, которые реализуют стратегии избегания и стратегии разрешения. Для осуществления такой процедуры стратификации использовался первый основной предиктор – показатель «Избегание» (И5) по «Мельбурнскому опроснику принятия решений». Данная процедура стратификации выборки проводилась в группах при градации эмпирической выборки по акмеологическим признакам по отношению к средней величине показателя первого главного предиктора («Избегание» И5_{СР}) в коридоре его же СКО, то есть среднеквадратичного отклонения, как доли рассеивания в следующем виде:

- в страту избегающей смыслообразующей стратегии определены респонденты, для которых их собственная величина И5 больше или равна (И5_{СР}) плюс $\frac{1}{2}$ (СКО), то есть не менее, чем величина среднего по выборке плюс 0,5 СКО;

- в страту смыслообразующей стратегии разрешения выделены те респонденты, для которых их собственная величина И5 меньше или равна (И5_{СР}) минус $\frac{1}{2}$ (СКО), то есть не менее, чем величина среднего по выборке минус 0,5 СКО;

Таким образом, две эти страты исследуемых смыслообразующих стратегий избегания и разрешения отделены по отношению к среднему уровню величины основного показателя-предиктора коридором величины его СКО в данной градации эмпирической выборки по требуемому акмеологическому признаку.

В выражении для выделения страты избегания стоит «плюс», так как в шкале авторского частного семантического дифференциала область стратегии избегания соответствует отрицательному направлению оси, в соответствие с Рисунком 1, а при этом сам первый основной предиктор «Избегание» (И5) имеет отрицательные статистически значимые корреляционные связи с частным семантическим дифференциалом. То есть в страту избегания попадают респонденты с более высоким показателем по первому основному предиктору «Избегание» (И5), а в страту разрешения – с более низким показателем

«Избегания» (И5).

Использование первого основного предиктора равноценно использованию второго основного предиктора «Интолерантность к неопределенности» (ИТН6), так как оба они имеют одинаковые уровни статистической значимости корреляционных связей со всеми шкалами разработанного семантического дифференциала личностных свойств для изучения смыслообразующей стратегии избегания.

В определенных таким образом двух стратах вычислены средние величины показателей личностных профилей соответствующих исследуемых смыслообразующих стратегий при градации эмпирической выборки по признакам: гендерному, возрастному и профессиональному. Установленная после такой процедуры эмпирическая картина личностных профилей стратегии избегания и стратегии разрешения показана в численном виде в Таблицах 4-6 Приложения 7. Так получено численное представление страт для стратегии избегания и разрешения.

Однако для корректного обеспечения интерпретации полученных личностных профилей в них необходимо осуществить возвращение к изначально разработанным смысловым уровням шкал личностных свойств в разработанном семантическом дифференциале. Поэтому для такого перехода от количественного к качественному представлению данных проведён округленный перевод из численных показателей в Таблицах 4-6 Приложения 7 обратно в названия словами личностных свойств, занимающих соответствующие ступени в своих семантических осях согласно пункта 2.1 данного диссертационного исследования.

В графическом виде выявленные личностные профили смыслообразующей стратегии избегания при градации эмпирической выборки по гендерному признаку между мужчинами и женщинами представлены на Рисунке 7.

Мужчины: Избегание (И5) = 13,6; Интолерантность к неопределенности (ИТН6) = 64,3;
 Процессы в жизни (П2) = 34; Локус-контроль «Я» (Я2) = 24,3.
 Женщины: Избегание (И) = 15; Интолерантность к неопределенности (ИТН6) = 63,8;
 Процессы в жизни (П2) = 29,3; Локус-контроль «Я» (Я2) = 20.

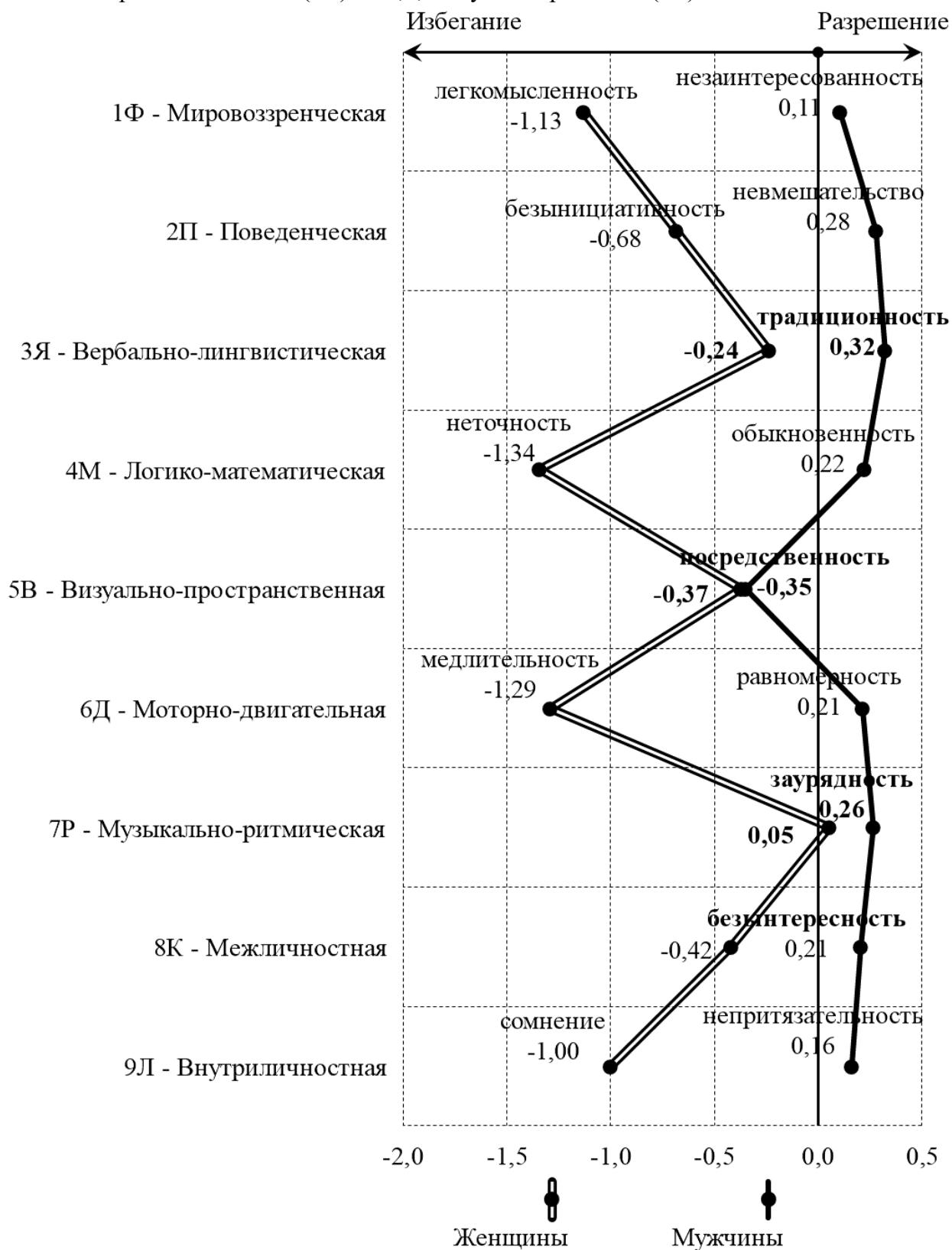

Рисунок 7. Личностные профили избегающей стратегии при градации респондентов по гендеру

Примечание: показаны жирным шрифтом совпадения в группах между градациями признака.

Анализ представленных на Рисунке 7 данных показывает следующее. При сопоставлении характера актуализации стратегии избегания для градации выборки по гендерному признаку установлены разные качественные тенденции их осуществления у мужчин и женщин, в частности по шкалам разработанного семантического дифференциала шкал личностных свойств. Мужчины по всем девяти семантическим шкалам имеют меньшую актуализацию стратегии избегания в сравнении с женщинами. В основном у мужчин выявлено нейтральное поуровневое семантическое содержание стратегии избегания по всем девяти шкалам, как смысловая коннотативная значимость соответствующих личностных свойств, проявляемых как «незаинтересованность», «невмешательство», «традиционность», «обыкновенность», «посредственность», «равномерность», «заурядность», «безынттересность», «непритязательность». При этом у женщин такое нейтральное поуровневое семантическое содержание стратегии избегания наблюдается только по четырем шкалам: «вербально-лингвистическая» (3Я), «визуально-пространственная» (5В), «музыкально-ритмическая» (7Р) и «межличностная» (8К). А по остальным пяти семантическим шкалам у женщин выявлена незначительно выраженная актуализация стратегии избегания в виде таких личностных свойств, как «легкомысленность», «безынициативность», «медлительность», «неточность» и «сомнение».

Необходимо отметить, что у мужчин и женщин, кроме различий, имеются совпадения в процессах актуализации стратегии избегания. Такие общности в направленности смыслогенеза установлены для четырех семантических шкал: «вербально-лингвистическая» (3Я), «визуально-пространственная» (5В), «музыкально-ритмическая» (7Р) и «межличностная» (8К). Причем выявленные у мужчин и женщин показатели личностных профилей совпадают в области нейтральных смысловых образований личностного развития: «традиционность», «посредственность», «заурядность» и «безынттересность».

Данные выявленные качественные особенности многофакторных личностных профилей смыслообразующей стратегии избегания могут

свидетельствовать о том, что мужчины меньше, чем женщины, склонны избегать возникающие проблемные ситуации взаимодействия. При этом женщины могут чаще прибегать к избегающей стратегии в силу того, что решение появляющихся проблем они могут переложить на мужчин.

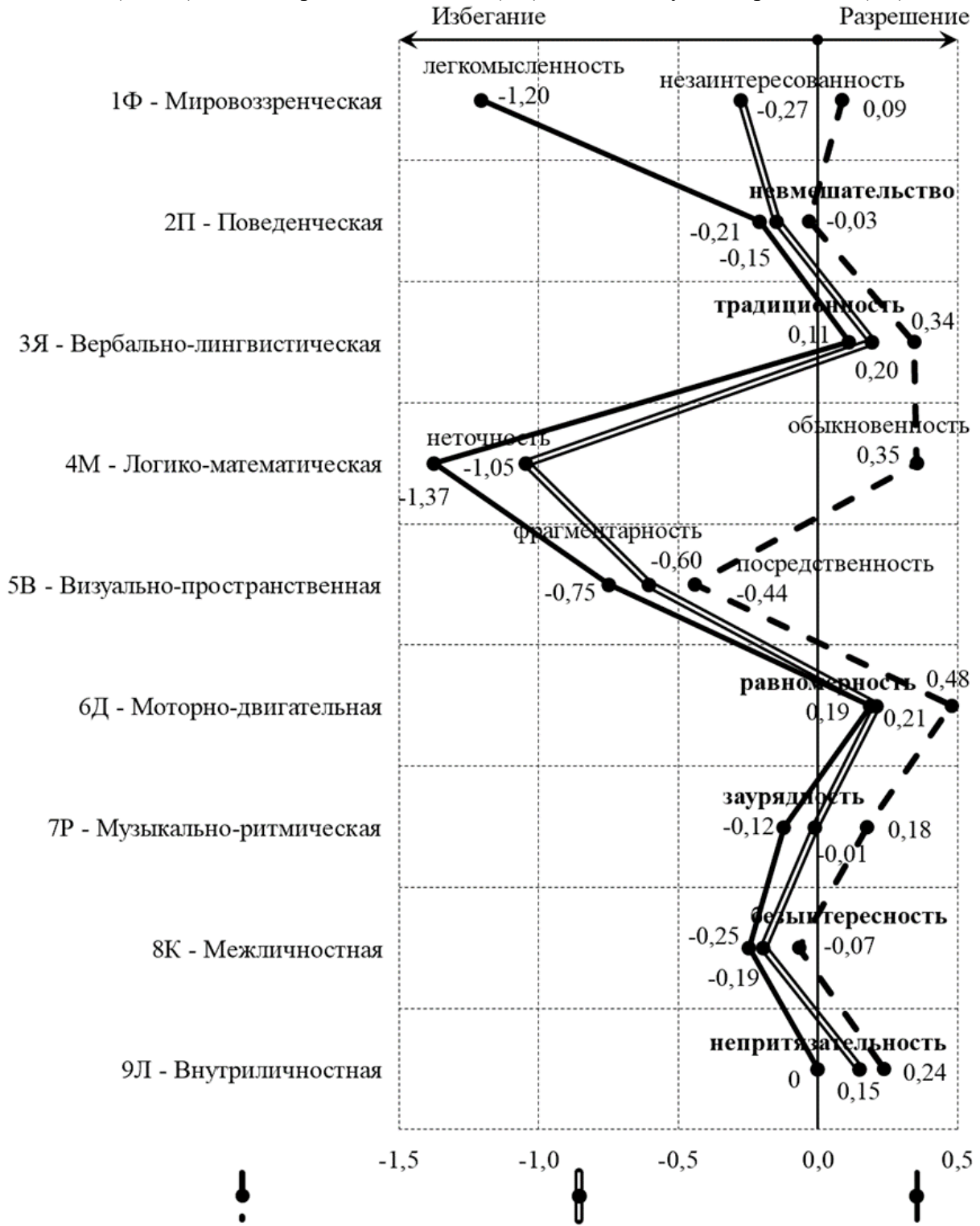
Также установлены различия количественных данных многофакторных личностных профилей стратегии избегания, отражающие тенденции актуализации её основных и вспомогательных предикторов при градации выборки по гендерному признаку у мужчин и женщин. Для первого основного предиктора «избегание» (И5) установлено, что мужчины имеют более низкий данный показатель, чем женщины. Это может свидетельствовать о том, что мужчинам меньше присуще уклонение от принятия решения при многовариантном выборе в силу их более выраженных осмысленных представлений о своей жизни, по сравнению с женщинами, что было показано ранее.

Для второго основного предиктора «интолерантность к неопределенности» (ИТН6) по «Новому опроснику толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой выявлено, что у мужчин более высокий данный показатель, чем у женщин. Это может указывать на желание мужчин-респондентов более полно представлять характер своих взаимоотношений в мире и преодолевать неопределенность мнений окружающих, чем у женщин-респондентов.

Для первого и второго вспомогательных предикторов «процессы» (П2) и «локус-контроль Я» (Я2) по тесту «СЖО» Д.А. Леонтьева установлено, что по обоим данным показателям более высокие данные имеют мужчины по сравнению с женщинами. Это свидетельствует о более высоком уровне осмысления настоящего отрезка жизненного пути и желания полнее и осознаннее контролировать его осуществление в настоящем именно у мужчин, чем у женщин.

В графическом виде личностные профили стратегии избегания при градации эмпирической выборки по возрасту представлены на Рисунке 8.

18 лет – студенты 1-2 курсов: Избегание (И5) = 9,7; Интолерантность к неопределенности (ИТН6) = 62,8; Процессы в жизни (П2) = 34,1; Локус-контроль «Я» (Я2) = 22,8.
 22 лет – студенты 4-5 курсов: Избегание (И5) = 9,1; Интолерантность к неопределенности (ИТН6) = 62,7; Процессы в жизни (П2) = 34,5; Локус-контроль «Я» (Я2) = 24,8.
 37 лет – средний возраст: Избегание (И5) = 7,5; Интолерантность к неопределенности (ИТН6) = 62,1; Процессы в жизни (П2) = 35,1; Локус-контроль «Я» (Я2) = 25,1.

18 лет - средний возраст; 22 лет - студенты 4-5 курса; 18 лет - студенты 1-2 курса.

Рисунок 8. Личностные профили избегающей стратегии при градации респондентов по возрасту

Примечание: показаны жирным шрифтом совпадения в группах между градациями признака

Анализ представленных на Рисунке 8 данных показывает следующее. При сопоставлении характера актуализации стратегии избегания для градации выборки по возрастному признаку установлены разные качественные тенденции их осуществления. Среди трех сравниваемых групп возрастов наименьший уровень актуализации смыслообразующей стратегии избегания зафиксирован у 37-летних респондентов (средний возраст) для всех девяти шкал разработанного семантического дифференциала свойств личности. При этом у респондентов данной возрастной категории отмечается промежуточное между стратегией избегания и стратегией разрешения поуровневое семантическое содержание смысловых образований личностного развития по всем девяти шкалам, как смысловая коннотативная значимость соответствующих свойств личности. Они проявляются как «незаинтересованность», «невмешательство», «традиционность», «обыкновенность», «посредственность», «равномерность», «заурядность», «безынтересность» и «непритязательность».

Среднее положение по уровню актуализации смыслообразующей стратегии избегания зафиксировано у 22-летних респондентов (студентов 4-5 курсов), по всем девяти шкалам разработанного авторского частного семантического дифференциала свойств личности. При этом у респондентов данной возрастной категории наблюдается незначительно выраженное стремление к стратегии избегания по двум шкалам: «логико-математическая» (4М) и «визуально-пространственная» (5В) в виде соответствующих личностных свойств, проявляемых соответственно, как «неточность» и «фрагментарность». По остальным семи биполярным осям разработанного семантического дифференциала свойств личности 22-летние респонденты проявляют нейтральное между стратегией избегания и стратегией разрешения поуровневое семантическое содержание смысловых образований личностного развития. Данная нейтральность, как смысловая коннотативная значимость соответствующих свойств личности, выражается как «незаинтересованность», «невмешательство», «традиционность», «равномерность», «заурядность», «безынтересность» и «непритязательность».

Наибольшая степень актуализации смыслообразующей стратегии избегания выявлена у 18-летних респондентов (студентов 1-2 курсов) по всем девяти шкалам разработанного авторского частного семантического дифференциала свойств личности. При этом у респондентов данной возрастной категории наблюдается незначительно более выраженное, по сравнению с 22-летними респондентами и тем более по сравнению с 37-летними респондентами, стремление к стратегии избегания. Это отражено в трех семантических шкалах: «мировоззренческая» (1Ф), «логико-математическая» (4М) и «визуально-пространственная» (5В) в виде соответствующих личностных свойств, проявляемых соответственно, как «легкомысленность», «неточность» и «фрагментарность». По остальным шести биполярным осям разработанного семантического дифференциала свойств личности 18-летние респонденты проявляют нейтральное между стратегией избегания и стратегией разрешения поуровневое семантическое содержание смысловых образований личностного развития. Данная нейтральность, как смысловая коннотативная значимость соответствующих свойств личности, проявляется в виде «невмешательства», «традиционности», «равномерности», «заурядности», «безынтересности» и «непритязательности».

Необходимо отметить, что для всех трех рассмотренных возрастных категорий, кроме различий, выявлены совпадения в процессах актуализации стратегии избегания. Такие общности в направленности смыслогенеза установлены для шести семантических шкал: «поведенческая» (2П), «вербально-лингвистическая» (3Я), «моторно-двигательная» (6Д), «музыкально-ритмическая» (7Р), «межличностная» (8К) и «внутриличностная» (9Л). Причем выявленные показатели совпадают в области нейтральных смысловых образований личностного развития: «невмешательство», «традиционность», «равномерность», «заурядность», «безынтересность» и «непритязательность». Дополнительно к этому выявлены парные совпадения свойств личности у 22-летних и 37-летних респондентов по одной шкале: «мировоззренческой» (1Ф) в виде «незаинтересованности», а у 18-летних и 22-летних респондентов по двум

семантическим шкалам: «логико-математической» (4М) и «визуально-пространственной» (5В) в виде соответственно показателей «неточность» и «фрагментарность».

Таким образом, качественные тенденции смыслообразования в случае изменения выборки по возрасту не совпадают и их можно выделить в два возрастных направления. Для укрупненной группы молодого возраста, куда можно отнести как 18-летних, так и 22-летних респондентов, это тенденция представляется как незначительная, слабая выраженность стратегии избегания. Для группы 37-летних респондентов среднего возраста это тенденция представляется как нейтральная выраженность стратегии избегания.

Также выявлены различия количественных данных личностных профилей стратегии избегания. По показателю первого основного предиктора «Избегание» (И5) по «Мельбурнскому опроснику принятия решений», второго основного предиктора «интолерантность к неопределенности» (ИТН6) по «Новому опроснику толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой, первого вспомогательного предиктора «процессы» (П2) по тесту «СЖО» Д.А. Леонтьева и второго вспомогательного предиктора «локус-контроль Я» (Я2) по тесту «СЖО» Д.А. Леонтьева при градации выборки по возрасту 37-летние респонденты имеют наилучшие показатели, 22-летние студенты занимают промежуточное положение, а 18-летние студенты имеют наихудшие показатели.

Выявленная качественная и количественная специфика личностных профилей смыслообразующей стратегии избегания указывает, что с возрастом нарастает усложнение образа мира переживающего субъекта. Благодаря этому происходит уменьшение избегания как дезадаптивной стратегии поведения и переход к более эффективным стратегиям в виде разрешения.

В графическом виде выявленные личностные профили смыслообразующие стратегии избегания при градации эмпирической выборки по профессиональному признаку представлены на Рисунке 9.

Учителя школ: Избегание (И5) = 14,2; Интолерантность к неопределенности (ИТН6) = 62,1;
 Процессы в жизни (П2) = 32,1; Локус-контроль «Я» (Я2) = 21,8.
 Студенты-психологи: Избегание (И5) = 15,5; Интолерантность к неопределенности (ИТН6) = 64,8;
 Процессы в жизни (П2) = 27,1; Локус-контроль «Я» (Я2) = 19.
 Студенты-юристы: Избегание (И5) = 15,1; Интолерантность к неопределенности (ИТН6) = 63,8;
 Процессы в жизни (П2) = 31,4; Локус-контроль «Я» (Я2) = 21,1.

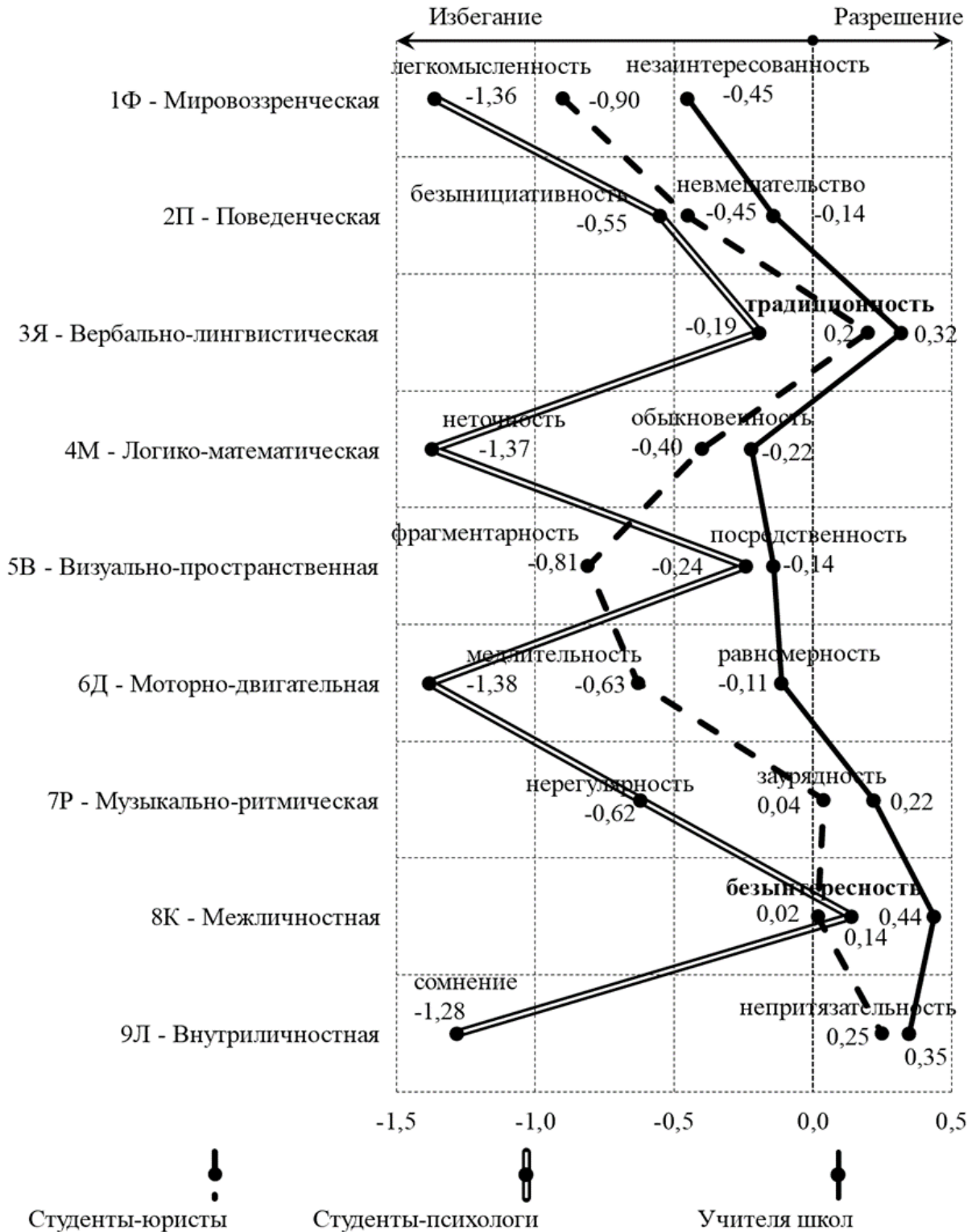

Рисунок 9. Личностные профили избегающей стратегии при градации респондентов по профессии
 Примечание: показаны жирным шрифтом совпадения в группах между градациями признака

Анализ представленных на Рисунке 9 данных показывает следующее. При сопоставлении характера актуализации стратегии избегания для градации выборки по профессиональному признаку установлены разные качественные тенденции их осуществления. Среди трех сравниваемых групп наименьший уровень актуализации смыслообразующей стратегии избегания выявлен у учителей средних школ по всем девяти шкалам разработанного семантического дифференциала свойств личности. При этом также у учителей средних школ выявлено промежуточное между стратегией избегания и стратегией разрешения поуровневое семантическое содержание смысловых образований личностного развития по всем девяти шкалам, как смысловая коннотативная значимость соответствующих личностных свойств. Они выражаются в виде нейтральных уровней соответствующих семантических шкал: «незаинтересованность», «невмешательство», «традиционность», «обыкновенность», «заурядность», «посредственность», «равномерность», «безынттересность» и «непритязательность».

Среднее положение по уровню актуализации смыслообразующей стратегии избегания зафиксировано у студентов-юристов по семи шкалам разработанного авторского частного семантического дифференциала свойств личности: «мировоззренческая» (1Ф), «поведенческая» (2П), «вербально-лингвистическая» (3Я), «логико-математическая» (4М), «моторно-двигательная» (6Д), «музыкально-ритмическая» (7Р) и «внутриличностная» (9Л). Исключение составляют две шкалы, по которым среднее положение занимают студенты-психологи: «визуально-пространственная» (5В) и «межличностная» (8К). При этом у студентов-юристов наблюдается незначительно выраженное стремление к стратегии избегания по трем шкалам: «мировоззренческая» (1Ф), «визуально-пространственная» (5В) и «моторно-двигательная» (6Д) в виде соответствующих личностных свойств: «легкомысленность», «фрагментарность» и «медлительность». По остальным шести осям разработанного семантического дифференциала свойств личности студенты данной группы проявляют нейтральное между стратегией избегания и

стратегией разрешения поуровневое семантическое содержание смысловых образований личностного развития. Данная нейтральность, как смысловая коннотативная значимость соответствующих личностных свойств, представляется в виде «невмешательства», «традиционности», «обыкновенности», «заурядности», «безынтересности» и «непритязательности».

Наибольшая степень актуализации смыслообразующей стратегии избегания выявлена у студентов-психологов по семи шкалам разработанного авторского частного семантического дифференциала свойств личности: «мировоззренческая» (1Ф), «поведенческая» (2П), «вербально-лингвистическая» (3Я), «логико-математическая» (4М), «моторно-двигательная» (6Д), «музыкально-ритмическая» (7Р) и «внутриличностная» (9Л). При этом у студентов-психологов наблюдается незначительно более выраженное, по сравнению со студентами-юристами и тем более по сравнению с учителями средних школ, стремление к стратегии избегания. Это отражено в шести семантических шкалах: «мировоззренческая» (1Ф), «поведенческая» (2П), «логико-математическая» (4М), «моторно-двигательная» (6Д), «музыкально-ритмическая» (7Р) и «внутриличностная» (9Л) в виде соответствующих личностных свойств, проявляемых соответственно, как «легкомысленность», «безынициативность», «неточность», «медлительность», «нерегулярность» и «сомнение». По остальным трем биполярным осям разработанного семантического дифференциала свойств личности студенты-психологи проявляют нейтральное между стратегией избегания и стратегией разрешения поуровневое семантическое содержание смысловых образований личностного развития, как смысловая коннотативная значимость соответствующих свойств личности. Данная нейтральность проявляется как «традиционность», «посредственность», «безынтересность».

Необходимо отметить, что для всех трех исследованных групп профессий, кроме различий, выявлены совпадения в процессах актуализации стратегии избегания. Такие общности в направленности смыслогенеза установлены для двух семантических шкал: «вербально-лингвистическая» (3Я) и

«межличностная» (8К) соответственно по показателям «традиционность» и «безынтeресность». Дополнительно к этому выявлены парные совпадения свойств личности: для шкалы «мировоззренческая» (1Ф) по показателю «легкомысленность» между студентами обеих профессий, для шкалы «поведенческая» (2П) по показателю «невмешательство» между учителями школ и студентами-юристами, для шкалы «логико-математической» (4М) по показателю «обыкновенность» между учителями школ и студентами-юристами, для шкалы «визуально-пространственной» (5В) по показателю «посредственность» между учителями школ и студентами-психологами, для шкалы «моторно-двигательной» (6Д) по показателю «медлительность» между студентами обеих профессий, для шкалы «музыкально-ритмической» (7Р) по показателю «заурядность» между учителями школ и студентами-юристами, для шкалы «внутриличностной» (9Л) по показателю «непритязательность» между учителями школ и студентами-психологами.

Незначительно более лучшие показатели личностного профиля избегания у студентов-юристов по сравнению со студентами-психологами можно объяснить тем, что будущие юристы, в силу специфики осваиваемой профессии, больше понимают последствия своего неконструктивного поведения при уходе от разрешения возникающих проблемных ситуаций в своей жизни, чем будущие психологи, считающие, что они лучше других разбираются в людях, а следовательно могут лучше преодолевать жизненные трудности.

Таким образом, качественные тенденции смыслообразования в случае изменения выборки по профессии не совпадают и их можно выделить в два направления по степени освоения профессии. Для укрупненной группы респондентов, осваивающих выбранную профессию, куда можно отнести как студентов-юристов, так и студентов-психологов, это тенденция представляется как незначительная, слабая выраженность стратегии избегания. Для группы респондентов, освоивших профессию и работающие в ней, куда можно отнести учителей средних школ, это тенденция представляется как нейтральная выраженность стратегии избегания.

Также выявлены различия количественных данных личностных профилей стратегии избегания. По показателю первого основного предиктора «Избегание» (И5) по «Мельбурнскому опроснику принятия решений», второго основного предиктора «интолерантность к неопределенности» (ИТН6) по «Новому опроснику толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой, первого вспомогательного предиктора «процессы» (П2) по тесту «СЖО» Д.А. Леонтьева и второго вспомогательного предиктора «локус-контроль Я» (Я2) по тесту «СЖО» Д.А. Леонтьева при изменении выборки по профессии наилучшие показатели имеют учителя средних школ, среднее положение занимают студенты-юристы, наихудшие показатели имеют студенты-психологи.

Выявленная качественная и количественная специфика личностных профилей смыслообразующей стратегии избегания указывает, что по мере освоения профессии происходит переход смыслообразования личности на качественно более высокий уровень. Это приводит к усложнению образа мира профессионала как взаимодействующего субъекта. Благодаря этому происходит уменьшение избегания как дезадаптивной стратегии поведения и переход к более эффективным стратегиям регуляции жизнедеятельности в виде стратегии разрешения.

Следует указать, что эмпирическим путем установлены не только частичные (парные) совпадения показателей личностных профилей стратегии избегания при градации выборки. Для всех градаций выборки по возрастному, гендерному и профессиональному признакам выявлено два полных совпадения: «традиционность» и «безынтересность». Это может указывать на то, что в процедурах формирования образа мира, кроме разнонаправленности, имеются некоторые общие семантические основы формирования смыслов развивающейся личности, указывающие на единство сферы его индивидуальных ценностно-смысловых образований.

Выявлены несовпадения качественных и количественных показателей примененной батареи тестов для групп мужчин и женщин, для молодого и

среднего возраста, для разных профессий указывают на имеющуюся акмеологическую динамику актуализации стратегии избегания в полученных многофакторных личностных профилях. Разработанные личностные профили, как срезные психологические портреты, могут применяться для прогнозов и моделирования смыслообразующей стратегии избегания с применением выявленных основных и вспомогательных предикторов, что представляется малозатратным с позиции проведения психологического тестирования.

Выводы по Главе 3

В представленной эмпирической части диссертационного исследования на общей выборке объемом 283 человек выявлены особенности смыслообразующей стратегии избегания. При градации выборки по гендерному, возрастному и профессиональному признакам определены средние величины первичных показателей батареи психодиагностических методик, выявлены основные и вспомогательные предикторы стратегии избегания на основе корреляционного анализа полученного массива данных, установлены многофакторные личностные профили стратегии избегания, как наборы ключевых свойств личности, по основным акмеологическим признакам.

По первичным показателям примененной батареи тестов в выборке по возрасту между мужчинами и женщинами, по возрасту между 18-летними, 22-летними и 37-летними респондентами, по типу профессии между студентами-психологами, студентами-юристами и учителями средних школ выявлены показатели величин в шкалах разработанного семантического дифференциала свойств личности для исследования специфики избегания, методики СЖО Д.А. Леонтьева, теста Дж. Амирхана на выявление доминирующих копинг-стратегий, тесту К. Томаса на выявление конфликтного поведения, теста «Мельбурнский опросник принятия решений», теста «Новый опросник толерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой.

В процессе изучения особенностей смыслообразующей стратегии

избегания проведен корреляционный анализ связей первичных величин девяти шкал разработанного семантического дифференциала с остальными показателями шкал примененной батареи тестов. С помощью коэффициентов линейной корреляции Пирсона установлены предикторы изучаемой стратегии избегания, которые, как особые маркирующие метки-указатели, позволяют выявлять предрасположенность к актуализации данной стратегии. Те из предикторов, которые показали статистически достоверную на уровне $p \leq 0,05$ значимость сдвигов показателей по всем девяти шкалам между мужчинами и женщинами, рассчитанную с применением ϕ -критерия углового преобразования Фишера, приняты в качестве основных и вспомогательных предикторов. Первый основной предиктор стратегии избегания – показатель шкалы «избегание» по «Мельбурнскому опроснику принятия решений», а второй основной предиктор – показатель шкалы «интолерантность к неопределенности» по тесту «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой. В качестве вспомогательных предикторов стратегии избегания приняты показатели шкалы «Процессы» и шкалы «Локус контроля «Я» методики СЖО Д.А. Леонтьева.

В ходе исследования специфики смыслообразования многофакторный личностный профиль отражает особенности реализации направленности, содержания и качества процессов формирования, изменения и трансформации смысловых образований личностного развития, которые составляют основу стратегии образования личностных смыслов переживающего и взаимодействующего субъекта. С помощью личностного профиля возможно получение разноплановой психологической картины, содержащей информацию не только об актуальных особенностях собственно процессов смыслогенеза в виде интенциональности, семантики и коннотации личностных смыслов, реализуемых в различных ситуационных взаимодействиях, но и показателей из смежных областей смысловой регуляции жизнедеятельности.

Исходя из представленных результатов эмпирического исследования особенностей смыслообразующей стратегии избегания, в её многофакторный

личностный профиль включены не только качественные, но и количественные показатели примененной батареи тестов, как обладающие требуемой статистической надежностью инструменты многопланового исследования ценностно-смысловой, когнитивно-поведенческой и мотивационной области регуляции жизнедеятельности личности: показатели величин девяти шкал разработанного семантического дифференциала личностных свойств для изучения смыслообразующей стратегии избегания, а также четыре её предиктора – два основных и два вспомогательных.

Для выявления показателей личностных профилей осуществлена процедура стратификации выборки на те группы респондентов, которые реализуют стратегию избегания и противоположную ей стратегию разрешения. Для осуществления стратификации использовался первый основной предиктор – «избегание» по «Мельбурнскому опроснику принятия решений». Процедура стратификации выборки проводилась в группах при градации выборки по признакам относительно средней величины первого основного предиктора с учетом его среднеквадратического отклонения как меры рассеивания.

Анализ эмпирической картины личностных профилей стратегии избегания при градации выборки по гендеру показывает следующее. Мужчины по всем девяти шкалам разработанного семантического дифференциала свойств личности имеют меньшую актуализацию стратегии избегания в сравнении с женщинами. У мужчин в основном выявлено нейтральное поуровневое семантическое содержание стратегии избегания по всем девяти шкалам. При этом у женщин выявлена незначительно выраженная актуализация стратегии избегания по пяти шкалам. Установлены совпадения личностных профилей среди мужчин и женщин по четырем шкалам, которые находятся в области нейтральных смысловых образований личностного развития. Мужчины имеют наилучшие показатели в сравнении с женщинами по первому и второму основному предиктору, а также по первому и второму вспомогательному предиктору стратегии избегания.

Выявленные качественные особенности многофакторных личностных

профилей смыслообразующей стратегии избегания могут свидетельствовать о том, что мужчины меньше, чем женщины, склонны избегать возникающие проблемные ситуации взаимодействия. При этом женщины могут чаще прибегать к избегающей стратегии в силу того, что решение появляющихся проблем они могут переложить на мужчин.

Анализ эмпирической картины личностных профилей стратегии избегания при градации выборки по возрасту показывает следующее. По всем девяти показателям шкал разработанного семантического дифференциала наименьший уровень актуализации стратегии избегания зафиксирован у 37-летних респондентов (средний возраст), средние показатели у 22-летних респондентов (студентов 4-5 курсов), а наибольшая степень актуализации избегания выявлена у 18-летних респондентов (студентов 1-2 курсов). При этом у 37-летних респондентов отмечается нейтральное поуровневое семантическое содержание стратегии избегания по всем девяти шкалам, как смысловая коннотативная значимость соответствующих свойств личности. При этом у 22-летних респондентов наблюдается незначительно выраженное стремление к стратегии избегания по двум шкалам, а у 18-летних по трем шкалам. Таким образом, с возрастом в силу усложнения образа мира происходит снижение стремления к актуализации стратегии избегания. По первому и второму основному предиктору, а также по первому и второму вспомогательному предиктору стратегии избегания наилучшие показатели имеют 37-летние респонденты, средние показатели зафиксированы у 22-летних респондентов, а наихудшие показатели выявлены у 18-летних респондентов.

Анализ эмпирической картины личностных профилей стратегии избегания при градации выборки по профессии показывает следующее. Среди трех сравниваемых трех групп профессий наименьший уровень актуализации смыслообразующей стратегии избегания выявлен у учителей средних школ по всем девяти шкалам разработанного семантического дифференциала. Среднее положение по уровню актуализации стратегии избегания по семи шкалам преобладает у студентов-юристов. Исключение составляют две шкалы, по

которым среднее положение занимают студенты-психологи. Для учителей средних школ выявлено нейтральное поуровневое семантическое содержание стратегии избегания по всем девяти шкалам, как смысловая коннотативная значимость соответствующих свойств личности. При этом у студентов-юристов наблюдается незначительно выраженное стремление к стратегии избегания по трем шкалам, а у студентов-психологов по шести шкалам. По первому и второму основному предиктору, а также по первому и второму вспомогательному предиктору стратегии избегания наилучшие показатели имеют учителя школ, среднее положение занимают студенты-юристы, наихудшие показатели имеют студенты-психологи.

Незначительно более лучшие показатели личностного профиля избегания у студентов-юристов по сравнению со студентами-психологами можно объяснить тем, что будущие юристы, в силу специфики осваиваемой профессии, больше понимают последствия своего неконструктивного поведения при уходе от разрешения возникающих проблемных ситуаций в своей жизни, чем будущие психологи, считающие, что они лучше других разбираются в людях, а следовательно могут лучше преодолевать жизненные трудности.

Кроме различий эмпирическим путем выявлены не только частичные (парные) совпадения, но и два полных совпадения для всех градаций выборки по возрастному, гендерному и профессиональному признакам. Это показатели «традиционность» и «безынттересность». Данное обстоятельство указывает, что в процедурах формирования образа мира, кроме разнонаправленности, имеются некоторые общие основы формирования смыслов развивающейся личности, указывающие на единство сферы его индивидуальных ценностно-смысловых образований.

Выявлены несовпадения качественных и количественных показателей примененной батареи тестов для групп мужчин и женщин, для молодого и среднего возраста, для разных профессий указывают на имеющуюся акмеологическую динамику актуализации стратегии избегания в полученных многофакторных личностных профилях.

Разработанные личностные профили, как срезовые многофакторные психологические портреты, могут применяться для прогнозов и моделирования смыслообразующей стратегии избегания с применением выявленных основных и вспомогательных предикторов, что представляется малозатратным с позиции проведения психологического тестирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам теоретического исследования смыслообразующей стратегии избегания и эмпирического изучения психологической специфики её проявления сделано **обобщение полученных результатов в виде следующих выводов:**

С позиции актуализации смысловых образований стратегиальный подход позволяет изучать не только области вероятных направлений смыслогенеза, но и реализуемые способы формирования, развития и изменения системы смыслов личности. Благодаря этому открываются новые исследовательские возможности для изучения специфики происхождения, развития и поведенческого осуществления системы личностных смыслов, которая находится в отношениях взаимной обусловленности с системой свойств личности взаимодействующего субъекта. Такая взаимная обусловленность отражает то, что, с одной стороны, проявляемая человеком совокупность свойств его личности транслирует лишь качественное содержание и направленность системы присущих ему личностных смысловых образований. Их актуализация, как наполнение образа мира, происходит в ценностно-смысловом плане и мировоззренческой области, исходя из трехуровневой концепции структуры личности, разработанной Д.А. Леонтьевым. При этом имеющееся качественное наполнение и направление актуализации личностных смысловых образований опосредуют проявление соответствующих личностных свойств, воплощаемых в специфике индивидуальных отношений, оценок и критериев выбора направленности взаимодействий. При этом в разнообразных взаимодействиях в условиях неопределенности стратегия смыслообразования может формировать поведение, направляемое как на разрешение сложных ситуаций, поиск поддержки в решении проблемы у других людей, так и на избегание их решения под действием разных факторов.

Смыслообразующая стратегия избегания является одной из самых деструктивных для личностного развития и видится в плане смысловой регуляции как в общем дезадаптивная. В основе стратегии избегания лежит отстранение от возникающей проблемы, бездействие в её решении, беспечность

поведения, инфантильность личности, стремление оставаться в зоне комфорта, эскапизм, гедонизм, прокрастинация, уход в виртуальную реальность. Поэтому предлагается определение: *смыслообразующая стратегия избегания* – это способ трансформации смыслов личности, обращенный на однообразное приспособление к области уже имеющихся в образе мира смыслов и выражающий нежелание или неспособность к выбору, действию или адекватному отношению к настоящим и будущим ситуациям жизненных взаимодействий. Актуализация содержания ценностно-смысловой сферы осуществляется во внешних и внутренних взаимодействиях, проявляемых с мировоззренческого, поведенческого и когнитивного плана развития личности. Это подтверждает первую гипотезу: *актуализация смысловых образований личности в условиях неопределенности может влиять на направленность смыслообразующей стратегии избегания в личностном, когнитивном и поведенческом плане её развития.*

Для получения возможности выявления специфики актуализации смысловых образований в данных планах личностного развития разработан авторский частный семантический дифференциал для изучения смыслообразующей стратегии избегания в условиях неопределенности. Обоснованы качественные уровни ключевых личностных свойств, включенных в соответствующие семантические биполярные шкалы. Данные шкалы включают в себя такие личностные свойства, которые рассматриваются как особые смысловые индикаторы. Таким образом можно выявлять особенности личностного профиля избегания как многофакторной модели одного из потенциальных модусов смыслового развития личности. Дополнительно к разработанному авторскому опроснику в виде частного полярного семантического дифференциала личностных свойств подобрана батарея тестовых методик для эмпирического изучения смыслообразующей стратегии избегания: тест СЖО Д.А. Леонтьева, методика Дж. Амирхана выявления доминирующих копинг-стратегий, тест К. Томаса диагностики предрасположенности к конфликтному поведению, «Мельбурнский опросник принятия решений» и

«Новый опросник толерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой.

В эмпирической части исследования, проведенной на выборке объемом 283 чел., выявлены основные предикторы изучаемой стратегии, являющиеся особыми смысловыми маркерами, указывающими на предрасположенность к избеганию. Применение коэффициентов корреляции Пирсона позволило установить шкалы, значимо коррелирующие на уровне значимости $p \leq 0,05$ с разработанными всеми девятью осями семантического дифференциала и при этом дополнительно обладающие статистически достоверными на этом же уровне значимостями сдвигов между мужчинами и женщинами, рассчитанными по ϕ -критерию углового преобразования Фишера. Первый основной предиктор стратегии избегания – показатель шкалы «избегание» по «Мельбурнскому опроснику принятия решений», а второй основной предиктор – показатель шкалы «интолерантность к неопределенности» теста «Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности» по Т.В. Корниловой. Также в качестве вспомогательных предикторов избегания приняты показатели шкалы «процессы» и шкалы «локус контроля «Я» методики СЖО Д.А. Леонтьева.

Для выявления склонности к избеганию разработана процедура стратификации выборки с использованием средней величины первого основного предиктора и его среднеквадратического отклонения как меры рассеивания. В полученных стратах эмпирически установлены личностные профили смыслообразующей стратегии избегания при градации респондентов по гендеру, возрасту и типу профессии, в которые входят величины по девяти шкалам разработанного семантического дифференциала для изучения избегания, а также два основных и два вспомогательных её предиктора. Выявленные показатели личностных профилей стратегии избегания не совпадают при градации выборки по основным акмеологическим признакам. При градации по гендеру мужчины в целом менее склонны к избеганию по отношению к женщинам. При градации по возрасту у 18-летних респондентов наблюдается самая большая предрасположенность к избеганию, у 22-летних выявлены промежуточные

показатели, а 37-летние респонденты менее всех склонны к избеганию и имеют тенденцию к нейтральному её проявлению. То есть с возрастом стремление к избеганию уменьшается. При градации по типам профессий установлено, что наименьший уровень актуализации смыслообразующей стратегии избегания выявлен у учителей школ, которые имеют тенденцию к нейтральному её проявлению. Среднее положение по большинству показателей занимают студенты-юристы, наибольший уровень актуализации избегания имеют студенты-психологи. Это эмпирически обосновывает вторую гипотезу: *смыслообразующая стратегия избегания может проявляться акмеологической динамикой, что обуславливает трансформации личностных профилей по гендерному, профессиональному и возрастному признаку.*

В ходе эмпирического исследования установлено наличие не только частичных (парных) совпадений, но и два полных совпадения для всех градаций выборки по возрастному, гендерному и профессиональному признакам. Это показатели «традиционность» и «безынтесность». Данное обстоятельство указывает на то, что имеются некоторые общие основы формирования смыслов развивающейся личности, указывающие на единство сферы его индивидуальных ценностно-смысловых образований. Это подтверждает эмпирически третью выдвинутую гипотезу: *смыслообразующая стратегия избегания может иметь не только различие, но и частичное сходство своих особенностей в содержательных и динамических проявлениях.*

Научное значение полученных результатов заключается в том, что разработанные личностные профили, как срезовые многофакторные психологические портреты, могут применяться для моделирования смыслообразующей стратегии избегания с применением выявленных предикторов, что представляется малозатратным с позиции проведения психологического тестирования.

Условия и границы применимости полученных результатов включают возможность выявления специфики стратегии избегания среди основных половозрастных категорий (мужчины и женщины от 17 до 47 лет) и групп по

различной профессиональной принадлежности.

Практические рекомендации могут быть использованы педагогами и преподавателями в сфере среднего профессионального и высшего профессионального образования, психологами и психотерапевтами в работе с группами и индивидуально, воспитателями разнообразного профиля, специалистам по работе с персоналом и управлению разной направленности.

Перспективы дальнейшего исследования предполагают увеличение арсенала и направленности разрабатываемых методик изучения избегания в условиях неопределенности для создания многовариантных моделей преодоления возрастающей изменчивости современного мира и адаптации к современной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абакумова, И. В. Обучение и смысл: смыслообразование в учебном процессе (Психолого-дидактический подход) / И. В. Абакумова. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 480 с.
2. Абакумова, И.В. Обучение как двуединый процесс и его движущие силы в смысловой интерпретации / И. В. Абакумова // Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика. Хрестоматия / сост. И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, И. А. Рудакова. – М.: КРЕДО, 2014. – С. 10-18.
3. Абакумова, И. В., Ермаков, П. Н., Фоменко, В. Т. Новодидактика. Книга 1. Методология и технологии обучения: в поисках развивающего ресурса / И. В. Абакумова, П.Н. Ермаков, В.Т. Фоменко. – М.: КРЕДО, 2013. – 162 с.
4. Абакумова, И. В. Перспективы исследования смысложизненных стратегий личности / И. В. Абакумова, Л. Ю. Крутелева // Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика. Хрестоматия / сост. И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, И. А. Рудакова. – М.: КРЕДО, 2014. С. 72-73.
5. Абульханова, К. А. Время личности и ее жизненного пути / К. А. Абульханова // Институт психологии РАН. Человек и мир. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 165-200.
6. Александрова, Н.А. Психологические противоречия становления личностного смысла / Н. А. Александрова // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2011: сб. материалов VII Международный научный конгресс, 19-29 апр. 2011г. – Новосибирск: СГГА, 2011. – Т.6. С. 8-12.
7. Ананьев, Б.Г. Человек как предмет познания. (Серия: Мастера психологии) / Б. Г. Ананьев. Изд. 3-е. – СПб.: Питер, 2016. – 288 с.
8. Андреев, К. А. Взаимосвязь инфантилизма в учебно-профессиональной деятельности с личностными особенностями студентов / К. А. Андреев // Психология и педагогика образования будущего. Материалы международной конференции студентов, магистрантов и аспирантов (Ярославль, 13 февраля - 25

апреля 2017 г.) / Под ред. Л.В. Байбородовой. – Ярославль: Ярославский гос. пед. университет, 2017. – С. 28-31.

9. Антюшев, И. И. Творчество как движущая сила развития органической системы общества / И. И. Антюшев // Национальная стихия творчества: время и трансгрессия: сборник статей / Под ред. Г. Е. Аляева, О. Д. Маслобоевой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2017. – С. 333-341.

10. Ардельянова, Я. А. Факторы и условия инфантилизации современной молодежи / Я. А. Ардельянова, Б. Ш. Саидов // Теория и практика общественного развития. – 2018. – № 4 (122). – С. 32-36.

11. Артемьева, Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева / Под ред. И. Б. Ханиной. – М.: Смысл, 1999. – 350 с.

12. Артемьева, Е. Ю. Психология субъективной семантики / Е. Ю. Артемьева / Предисл. А. Ш. Тхостова. Изд. 2-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 136 с.

13. Асмолов, А. Г. Историко-эволюционный подход к пониманию личности: проблемы и перспективы исследования / А. Г. Асмолов // Вопросы психологии. – 1986. – № 1. – С. 28-40.

14. Асмолов, А. Г. Конструирование образов образования в науке и культуре / А. Г. Асмолов // Образовательная политика. – 2016. – № 1. – С. 86-88.

15. Асмолов, А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека / А. Г. Асмолов. – 5-е изд. – М.: Смысл, 2019. – 448 с.

16. Базаров, Т. Ю. Особенности восприятия жизненных событий людьми с разными предпочитаемыми стилями реагирования на изменения / Т. Ю. Базаров, Е. В. Битюцкая // Вопросы психологии. – 2019. – № 3. – С. 94-106.

17. Батуева, А. Ц. Человек в мире гедонизма / А. Ц. Батуева // Учиться быть человеком (по итогам XXIV Всемирного философского конгресса): материалы научно-философского семинара, посвященного Всемирному Дню Философии. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГУТУ, 2018. – С. 65-76.

18. Бахтин, М. М. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 3: Теория романа

(1930-1961 гг.) / М. М. Бахтин / Под ред. С. Г. Бочарова. Ин-т мировой лит. им. М. Горького Российской акад. наук. – М.: Русское слово, 2012. – 877 с.

19. Бахтин, М. М. Эпос и роман. Сборник / М. М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – 304 с.

20. Башарова, Е. А. Эскапизм: новые подходы к исследованию / Е. А. Башарова // Вестник Ивановского государственного университета. – 2014. – № 2 (14). – С. 71-76.

21. Бинсвангер, Л. Экзистенциальный анализ / Л. Бинсвангер. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. – 272 с.

22. Блинникова, И. В. Психосемантика и процессы семантической обработки / И. В. Блинникова, О. В. Сафуанова // Психология XXI века: учебник для вузов / под ред. В.Н. Дружинина. – М.: ПЕРСЭ, 2003. – С. 268-291.

23. Братусь, Б. С. Уровни развития смысловой сферы личности / Б. С. Братусь // Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика. Хрестоматия / Сост. И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, И. А. Рудакова. – М.: КРЕДО, 2014. – С. 135-146.

24. Бутонова, Н. В. Дауншифтинг. Новое правило – отказ от всяческих правил / Н. В. Бутонова // Новые традиции. Коллективная монография / под ред. Е. Э. Суровой и С. А. Рассединой. – С.-Пб.: ИД «Петрополис», 2009. – С. 169-176.

25. Варваричева, Я. И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования / Я. И. Варваричева // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 121-131.

26. Василюк, Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций) / Ф. Е. Василюк. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 200 с.

27. Василюк, Ф. Е. Сопереживание как центральная категория понимающей психотерапии / Ф. Е. Василюк // Консультативная психология и психотерапия. 2016. – Т. 24. – № 5. – С. 205-227.

28. Величковский, Б. М. Образ мира как гетерархия система отсчета / Б. М. Величковский // А.Н. Леонтьев и современная психология / под ред. А.В.

Запорожца и др. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – С. 155-165.

29. Выготский, Л. С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т. 2. Проблемы общей психологии / Под. Ред. В.В. Давыдова. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с.

30. Выготский, Л. С. История развития высших психических функций / Л. С. Выготский. – М.: Юрайт, 2017. – 359 с.

31. Выготский, Л. С. Вопросы детской психологии (Серия: Антология мысли) / Л. С. Выготский. – М.: Юрайт, 2019. – 160 с.

32. Гальперин, П. Я. Введение в психологию / П. Я. Гальперин. – М.: Университет, 1999. – 332 с.

33. Гаспарян, Д. Э. Таинство естественной семантики: трансцендентальное измерение смысла и проблема искусственного интеллекта / Д. Э. Гаспарян // Вопросы философии. – 2017. – № 4. – С. 81-94.

34. Годунов, М. В. Формирование многоуровневой семантической шкалы «недоверие – доверие» / М. В. Годунов / Психология общения и доверия: теория и практика: Сборник материалов Международной конференции УРАО, ПИ РАО, МГУ. - 6-7 ноября 2014 г. / Под ред. Т. П. Скрипкиной. – М.: Университет РАО, 2014. – С. 11-13.

35. Годунов, М. В. Ансамбль свойств личности: интерпретация и диагностика биполярных семантических шкал. Книга 1 / М. В. Годунов. – М.: Кредо, 2016. – 365 с.

36. Годунов, М. В. Ансамбль свойств личности: триалектическое развитие преадаптивных возможностей. Книга 2 / М. В. Годунов. – М.: Кредо, 2019. – 320 с.

37. Годунов, М. В. Смысловой диссонанс как психологическая проблема / М. В. Годунов, И. В. Абакумова // Вестник психотерапии, 2019, № 72 (77). – С. 113-131.

38. Годунов, М. В. Основания троичных семантических шкал для исследования стратегий смыслообразования / М. В. Годунов, И. В. Абакумова // Национальное здоровье / National Health. – 2021. – № 1. – С. 43-45.

39. Годунов, М. В. Теоретические подходы к изучению эффектов

неопределенности в процессах смысловой регуляции развития личности / М. В. Годунов, И. В. Абакумова, В. М. Голубова // Российский психологический журнал. – 2019. – Т. 16. – № 3. – С. 59-71.

40. Годунов, М. В. О полимодальной структуре личностных смыслов / М. В. Годунов, И. В. Абакумова, Д. А. Гурцкой // Национальное здоровье/National Health. – 2019. – № 3. – С. 75-80.

41. Годунов, М. В. перспективы изучения смыслообразующей стратегии избегания / М. В. Годунов, Е. А. Портнов // Инновационная наука: Психология, Педагогика, Дефектология. – 2023. Т. 6, № 4. – С. 81-88.

42. Горина, И. В. Структурно-смысловая организация текста / И. В. Горина // Историческая и социально-образовательная мысль, 2014. № 4 (26). – С. 245-246.

43. Гришин, В. П. Дегуманизация в философии коммуникаций XXI века / В. П. Гришин / Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке Материалы X Международной научно-практической конференции (Новосибирск, 22 января-1 февраля 2018 г.) – Новосибирск: Сибирская академическая книга, 2018. С. 115-120.

44. Гришина, Н. В. Психология конфликта (Серия «Мастера психологии») / Н. В. Гришина. – 2-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 544 с.

45. Гришина, Н. В., Экзистенциальная психология: поиск смысла и самоотрансценденция / Н. В. Гришина // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. – 2011. – № 2. – С. 56-64.

46. Гусакова, Т. Ф. Феномен экспансии гедонистических ценностей / Т. Ф. Гусакова // Социология. – 2014. – № 4. – С. 96-103.

47. Давлетчина, С. Б. Словарь по конфликтологии / С. Б. Давлетчина. – Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2005. – 100 с.

48. Давыдов, В. В. Проблемы развивающего обучения / В. В. Давыдов. – М.: Педагогика, 1986. – 240 с.

49. Дармограй, В. Н. Роль синтоксических и кататоксических программ адаптации при различных заболеваниях человека / В. Н. Дармограй, В. Н.

Морозов, Е. В. Акульшина, С. В. Дармограй // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 9-2. – С. 308-311.

50. Диев, В. С. Рациональный выбор в условиях риска: методологические и ценностные основания / В. С. Диев // Философские науки. 2018. – № 5. – С. 48-58.

51. Дильтей, В. Воззрение на мир и исследование человека со времен Возрождения и Реформации / В. Дильтей. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 464 с.

52. Дильтей В. Описательная психология / В. Дильтей [пер. с нем. Е.Д. Зайцевой, под ред. Г.Г. Шпета, вступит. ст. А.В. Лызлова]. – М.: РИПОЛ Классик, 2018. – 290 с.

53. Долгин, А. Б. Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка / А. Б. Долгин. – М.: АСТ, 2010. – 256 с.

54. Драгомир, В. И. Учебный инфантилизм студентов высших образовательных учреждений / В.И. Драгомир, А.В. Сушков / Актуальные подходы и направления научных исследований XXI века. Материалы Международной (заочной) научно-практической конференции (Кишинев, 25 октября 2016 г.) / Под ред. А.И. Вострецова. – Нефтекамск: Мир Науки, 2016. – С. 107-110.

55. Дубянский, С. И. Смысл, мысли и мышление (двойственность и парадоксальность) / С. И. Дубянский, И. Г. Петров // Мир психологии. – 2014. – № 1(77). – С. 154-164.

56. Дьяков, С. И. Субъектная самоорганизация личности: психосемантический анализ / С. И. Дьяков // Вестник Омского университета. Серия Психология. – 2015. – № 1. – С. 15-33.

57. Ехлаков, Р. С. Зона комфорта: социально-философский анализ / Р. С. Ехлаков // Политехнический молодежный журнал, 2017. № 2 (7). С. 114-119.

58. Завьялова, М. П. Когнитивный «поворот» в науке и философии / М. П. Завьялова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 2 (18). – С. 5-11.

59. Зинченко, В. П. От потока к структуре сознания / В. П. Зинченко // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2009. – Т. 6, № 2. – С. 3-36.
60. Злобина, М. В. Интолерантность к неопределенности и депрессия / М. В. Злобина, О. Н. Первушина // Reflexio. – 2017. – Т. 10, № 2. – С. 126-141.
61. Зуев, Д. А. Природа субъективного смысла: от хаоса к порядку / Д. А. Зуев // Вестник Вол-ГУ. Серия 11. – 2011. – № 2 (2). – С. 108-113.
62. Ильин, В. И. Дауншифтинг как восходящая социальная мобильность / В. И. Ильин // SocioTime / Социальное время. – 2015. – № 1. – С. 78-90.
63. Исмаилов, А. М. Правовой инфантилизм / А. М. Исмаилов, Н. В. Даничев / Инновационное развитие и образование. Материалы V Международной научно-практической конференции (Пенза, 23 марта 2019 г.). – Пенза: Наука и Просвещение, 2019. – С. 117-120.
64. Кайгородов, Б. В. Зона комфорта, развитие и понимание себя / Б. В. Кайгородов, И.А. Еремицкая // Мир науки, культуры, образования. – 2018. – № 4 (71). – С. 329-331.
65. Кант, И. Критика чистого разума (Серия «Эксклюзивная классика») / И. Кант. Пер. с нем. Н. Лосского. – М.: АСТ, 2017. – 787 с.
66. Кашина, О. П. Проблема инфантилизма людей зрелого возраста в современном обществе / О. П. Кашина // Материалы I Международной научно-практической конференции: «Ключевые проблемы и передовые разработки в современной науке», Смоленск, 31 октября 2017 г. – Смоленск: НОВАЛЕНСО, 2017. С. 100-102.
67. Квинн, В. Н. Прикладная психология / В. Н. Квинн. – СПб: Питер, 2000. – 560 с.
68. Квинт, С. П. Эскапизм – как инструмент поиска зоны наибольшего комфорта в социализации у молодежи / С. П. Квинт // Профессиональные представления. – 2018. – № 1 (10). – С. 14-17.
69. Келли, Дж. Теория личности: психологи личностных конструкторов / Дж. Келли. – СПб.: Речь, 2000. – 249 с.
70. Климов, Е. А. Образ мира в разнотипных профессиях / Е. А. Климов

Е.А. – М.: Изд-во МГУ, 1995. – 224 с.

71. Климов, Е. А. Психология профессионального самоопределения: учеб. пособие для студ. высших учеб. заведений / Е. А. Климов. – 4-е изд., стер. – М.: Академия, 2010. – 304 с.

72. Ключко, В. Е. Проблема цифровых кочевников: трансдисциплинарный подход / В. Е. Ключко // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Материалы III Международной трансдисциплинарной научно-практической web-конференции «Connect-Universum – 2016» (Томск, 24-26 мая 2016 г.). – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. – С. 144-150.

73. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика: учебное пособие / И. М. Кобозева. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.

74. Кон, И. С. Социология личности / И. С. Кон. – М.: Рипол Классик, 2014. – 388 с.

75. Кондратьев, М. Ю. Социальная психология в образовании / М. Ю. Кондратьев. – М.: ПЕРСЭ, 2008. – 383 с.

76. Коржова, Е. Ю. Здоровье личности в персонологических моделях / Е. Ю. Коржова // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2012. – № 148. – С. 5-13.

77. Корнилова, Т. В. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности / Т. В. Корнилова // Психологический журнал. – 2010. – № 1 (31). – С. 74-86.

78. Корнилова, Т. В. Мельбурнский опросник принятия решений: русскоязычная адаптация [Электронный ресурс] / Т. В. Корнилова // Психологические исследования. – 2013. – Т. 6, № 31. – Режим доступа: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 11.08.2023).

79. Корнилова, Т. В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска / Т. В. Корнилова. – СПб.: Нестор-История, 2016. – 344 с.

80. Корнилова, Т. В. Представления о «каузальном инкрементализме» и психологической неопределенности как о перспективах развития объяснения в

психологии / Т. В. Корнилова // Психологическое знание: современное состояние и перспективы развития (Серия: Методология, история и теория психологии) / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. – М.: Институт психологии РАН, 2018. – С. 368-384.

81. Корнилова, Т. В. Личностные основания принятия решений о социальном дистанцировании в трех странах (Россия, Азербайджан и Китай) / Т. В. Корнилова / Новые вызовы неопределенности Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Новосибирск, 17-18 сентября 2020 г.). – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. – С. 46-49.

82. Котляков, В. Ю. Методика «Система жизненных смыслов» / В. Ю. Котляков // Вестник КемГУ. – 2013 – № 2 (54). – Т. 1. – С. 148-153.

83. Кригер, Э. И. Психологическое сопровождение становления педагога в процессе профессиональной подготовки: монография / Э. И. Кригер. – Барнаул: АлтГПА, 2013. – 158 с.

84. Кричевец, А. Н. Основы статистики для психологов / А. Н. Кричевец, А. А. Корнеев. – М.: Акрополь, 2019. – 286 с.

85. Крюкова, Т. Л. Насколько конструктивны иллюзии при совладании со стрессами жизненных перемен? / Т. Л. Крюкова // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие: Материалы V Междунар. науч. конф. Кострома, 26-28 сент. 2019 г.: В 2 т. / Отв. ред. М. В. Сапоровская, Т. Л. Крюкова, С. А. Хазова. Т. 1. – Кострома: Изд-во Костром. гос. ун-та, 2019. – С. 91-95.

86. Кулагина, И. Ю. Возрастная психология: Полный жизненный цикл развития человека: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / И. Ю. Кулагина, В. Н. Колюцкий. – М.: Сфера, 2001. – 464 с.

87. Куликов, Л. В. Психогигиена личности. Вопросы психологической устойчивости и психопрофилактики / Л. В. Куликов. – СПб.: Питер, 2004. – 464 с.

88. Куренной, В. А. Будущее потребления / В. А. Куренной // Интернет-журнал «ПостНаука» [Электронный ресурс], 3 декабря 2019 г. – Режим доступа: <https://postnauka.ru/video/154672> (дата обращения: 02.08.2023 г.)

89. Лекторский, В. А. Рациональность как культурная ценность / В. А. Лекторский // Вестник Российского философского общества. – 2013. – № 3. – С. 19-24.

90. Лекторский, В. А. Социальный конструкционизм в контексте проблем конструктивистского подхода в эпистемологии / В. А. Лекторский // The Digital Scholar: лаборатория философа. – 2018. – Т. 1. – № 2. – С. 42-46.

91. Леонов, И. Н. Гендерные особенности влияния толерантности к неопределенности на стратегии преодоления стрессовых ситуаций у студентов-первокурсников / И. Н. Леонов // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Человек и мир: мирозидание, конфликт и медиация» (Ижевск, 5-7 апреля 2018 г.). Серия «Язык социального» Под ред. Н.И. Леонова. – Ижевск: ERGO, 2018. – С. 92-97.

92. Леонтьев, А. Н. Избранные психологические произведения: в 2-х тт. / А. Н. Леонтьев. – Т. 2. – М.: Педагогика, 1983. – 320 с.

93. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы и эмоции / А. Н. Леонтьев // Психология эмоций / под. ред. В. К. Вилюнаса, Ю. Б. Гиппертейтер. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. – С. 162-171.

94. Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность / А. Н. Леонтьев. – 2-е изд. – М.: Издательство политической литературы, 1977. – 304 с.

95. Леонтьев, А. Н. Деятельность и сознание / А. Н. Леонтьев // Общая теория смысла, психологические концепции смыслообразования, смыслодидактика. Хрестоматия / сост. И. В. Абакумова, П. Н. Ермаков, И. А. Рудакова. – М.: КРЕДО, 2014. – С. 268-284.

96. Леонтьев, Д. А. Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 64 с.

97. Леонтьев, Д. А. Тест смысложизненные ориентаций (СЖО) / Д. А. Леонтьев. 2-е изд. – М.: Смысл, 2000. – 18 с.

98. Леонтьев, Д. А. Новые ориентиры в понимании психологии личности: от необходимого к возможному / Д. А. Леонтьев // Вопросы психологии. – 2011. – № 1. – С. 3-27.

99. Леонтьев, Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 2019. – 584 с.
100. Леонтьев, Д. А. Синергетика и личность: к неравновесной персонологии / Д. А. Леонтьев // Методология и история психологии. – 2018. – Вып. 3. – С. 96-104.
101. Леонтьев, Д. А. Современные проблемы изучения личностных ресурсов в профессиональной деятельности / Д. А. Леонтьев, Т. Ю. Иванова, Е. Н. Осин, Е. И. Рассказова, Н. В. Кошелева // Организационная психология. – 2018. – Т. 8, № 1. – С. 85-121.
102. Леонтьев, Д. А. Психология выбора / Д. А. Леонтьев, Е. Ю. Овчинникова, Е. И. Рассказова, А.Х. Фам. – 2-е изд. стер. – М.: Смысл, 2019. – 464 с.
103. Либина, А. В. Совладающий интеллект: человек в сложной жизненной ситуации / А. В. Либина. – М.: Эксмо, 2008. – 400 с.
104. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. – 320 с.
105. Людвиг, П. Победы прокрастинацию! Как перестать откладывать дела на завтра / П. Людвиг. – М.: Альпина Паблишер, 2014. – 263 с.
106. Маклаков, А. Г. Человек в экстремальных условиях и личностный адаптационный потенциал / А. Г. Маклаков // Психологический журнал. – 2001. – Т. 22, № 1. – С. 16-24.
107. Марцинковская, Т. Д. Транзитивное и цифровое пространство как новая психология повседневности / Т. Д. Марцинковская // Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сборник научных статей и материалов Международной конференции (Коломна, 14-17 февраля 2018) / под ред. Р.В. Ершовой. – Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2018. – С. 219-223.
108. Микляева, А. В. Социально-психологический подход к исследованию личностного инфантилизма / А. В. Микляева // Вестник

Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 2 (95). – С. 147-157.

109. Морозкина, Е. А. Герменевтика в филологии, лингвистике и переводоведении / Е. А. Морозкина // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т. 17, № 1. – С. 154-157.

110. Назаретян, А. П. Глобальное прогнозирование в свете мегаистории и синергетики: очерки истории будущего (к 200-летию Института востоковедения РАН) / А. П. Назаретян. – М.: ИВ РАН, 2018. – 255 с.

111. Нартова-Бочавер, С. К. Психологическое пространство личности: Монография / С. К. Нартова-Бочавер. – М.: Прометей, 2005. – 312 с.

112. Наследов, А. Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учеб. пособие / А. Д. Наследов. – 4-е изд., стереотип. – СПб.: Речь, 2012. – 392 с.

113. Новиков, А. И. Смысл: семь дихотомических признаков / А. И. Новиков // Теория и практика речевых исследований. – М.: МГУ, 1999. – С. 132-144.

114. Нятина, Н. В. Эскапизм – отклонение в социализации молодежи / Н. В. Нятина // Вестник КемГУ. Политические науки и социология. – 2013. – № 2-1 (54). – С. 133-136.

115. Осгуд, Ч. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам / Ч. Осгуд, Дж. Суси, П. Танненбаум / Семиотика и искусствометрия / Под ред. Ю.М. Лотмана. – М.: Мир, 1972. – С. 278-298.

116. Палий, В. А. Особенности зон комфорта в спортивной деятельности / В. А. Палий // Спортивный психолог. – 2018. – № 3(50). – С. 12-15.

117. Пелепчук, Л. О. Взаимосвязь толерантности к неопределенности и концепции кризисной ситуации / Л. О. Пелепчук // Симбирский научный вестник. – 2019. – № 4 (38). – С. 37-40.

118. Петренко, В. Ф. Основы психосемантики / В. Ф. Петренко. – СПб.: Питер, 2005. – 479 с.

119. Петренко, В. Ф. Многомерное сознание: психосемантическая парадигма / В. Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – М.: Эксмо, 2013. – 448 с.
120. Петренко, В. Ф. Смыслы существования / В. Ф. Петренко // Перспективы психологической науки и практики: сборник статей Международной научно-практической конференции (Москва, 16 июня 2017 г.). – М.: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2017. – С. 104-108.
121. Петровский, В. А. Психология неадаптивной активности / В. А. Петровский // Российский открытый университет. – М.: Горбунок, 1992. – 224 с.
122. Петровский, В. А. Теория свободной причинности / В. А. Петровский // Вестник Самарского ун-та. – 1996. – С. 57-80.
123. Петровский, В. А. Семь пространств существования личности: формальные модели состоятельности / В. А. Петровский // Мир психологии. – 2009. – № 1(57). – С. 25-43.
124. Петровский, В. А. Человек над ситуацией / В. А. Петровский. – Второе издание. – М.: Смысл, 2021. – 559 с.
125. Потенция, А. А. Мысль и знак / А. А. Потенция. – М.: Лабиринт, 1999. – 440 с.
126. Почепцов, Г. Г. Информационные войны. Новый инструмент политики / Г. Г. Почепцов. – М.: Алгоритм, 2015. – 256 с.
127. Рожков, Е. М. Мотивация достижения успеха и избегания неудач в работах отечественных и зарубежных ученых / Е. М. Рожков // Современная наука. – 2014. – № 3. – С. 44-46.
128. Романюк, С. Н. Социальный инфантилизм молодежи как педагогическая проблема / С. Н. Романюк // Фундаментальная наука и технологии – перспективные разработки. Материалы XX международной научно-практической конференции (North Charleston, USA, 24-25 сентября 2019 г.). – Morrisville, NC, USA: Lulu Press Inc., 2019. – С. 18-26.
129. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2002. – 720 с.

130. Русакова, А. В. Инфантилизм – проблема современной молодежи? / А. В. Русакова / Психолого-педагогическая подготовка будущих учителей: история, методология и технологии. Материалы межвузовской конференции (с международным участием) (Москва, 14-16 декабря 2018 г.) / Отв. ред. Л.В. Попова. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2019. – С. 307-312.

131. Сабельникова, Е. В. Инфантилизм: теоретический конструкт и операционализация / Е. В. Сабельникова, Н. Л. Хмелева // Образование и наука. – 2016. – № 3 (132). – С. 89-105.

132. Саяпин, В. О. Смысловые реалии гипертекста в виртуальной коммуникации / В. О. Саяпин // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2012. – № 3 (11). – С. 105-113.

133. Серкин, В. П. Психосемантика: учебник и практикум для вузов / В. П. Серкин. – М.: Юрайт, 2022. – 318 с.

134. Серый, А. В. Психологические механизмы функционирования системы личностных смыслов / А. В. Серый. – Кемерово: Кузбасвузиздат, 2002. – 183 с.

135. Сигнаевская, О. Р. Мир человека: смыслы и ценности эпохи постмодерна / О. Р. Сигнаевская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 4 (258). Философия. Социология. Культурология. Вып. 23. – С. 11-16.

136. Сидоренко, Е. В. Методы математической обработки в психологии / Е. В. Сидоренко. – СПб.: Речь, 2003. – 350 с.

137. Скирдачева, Е. А. Эскапизм в социологии: разработка понятия и определение социальных практик / Е. А. Скирдачева // Современная социологическая методология – от теории к практике: Сборник научных статей по итогам Зимней социологической школы в 2011 году / А.О. Бороноев, Е.С. Богомягкова. – СПб.: Скифия-Принт, 2013. С. 145-158.

138. Смирнов, С. Д. Психология образа: проблема активности психического отражения / С. Д. Смирнов. – М.: Изд-во МГУ, 1985. – 231 с.

139. Смирнов, С. Д. Прогностическая направленность образа мира как основа динамического контроля неопределенности / С. Д. Смирнов // Психологический журнал. – 2016. – Т. 37. – № 5. – С. 5-13.
140. Степин, В. С. О рациональности в современной культуре / В.С. Степин // Вестник Российского философского общества, 2013. № 3. С. 17-19.
141. Степин, В. С. Человек. Деятельность. Культура / В. С. Степин. – СПб.: СПбГУП, 2018. – 800 с.
142. Степин, В. С. Существует ли методологический изоморфизм естественнонаучного и социально-гуманитарного знания? / В. С. Степин, Н. М. Смирнова, Ю. В. Синеокая // Философский журнал. – 2018. – Т. 11, № 3. – С. 150-165.
143. Талеб, Н. Н. Антихрупкость: как извлечь выгоду из хаоса / Н. Н. Талеб. – М.: КоЛибри, 2016. – 768 с.
144. Титкова, Л. С. Математические методы, применяемые в психологии / Л. С. Титкова. – Владивосток: Изд. дом Дальневосточного федерального ун-та, 2013. – 136 с.
145. Тихомиров, О. К. О тенденциях развития современной психологии мышления / О. К. Тихомиров, А. В. Брушлинский // Национальный психологический журнал. – 2013. – № 2 (10). – С. 10-16.
146. Тульчинский, Г. Л. К проблеме смысла в социальной семиотике: глубокая семиотика как концептуальное расширение социальной семиотики / Г. Л. Тульчинский // Слово.ру: балтийский акцент. – 2018. – Т. 9, № 4. – С. 15-26.
147. Тхостов, А. Ш. Метод исследования словаря интероцептивных ощущений / А. Ш. Тхостов, С. П. Елшанский // Психология субъективной семантики: истоки и развитие. – М.: Смысл, 2011. – С. 274-283.
148. Удачина, П. Ю. Связь ведущих копинг-стратегий и смысложизненных ориентаций личности / П. Ю. Удачина, И. В. Терешкина / Личность и ее жизненный мир. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 20-летию факультета психологии ОмГУ им. Ф.М. Достоевского (Омск, 3-4 октября 2013 г.) / Под ред.

Л.И. Дементий. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2013. – С. 296-300.

149. Узнадзе, Д. Н. К вопросу об индивидуальных типах установки / Д. Н. Узнадзе / Психология личности. Хрестоматия / Под ред. Д. Я. Райгородского. – 9-е изд. – Т. 2. Отечественная психология. – Самара: Бахрах-М, 2013. – С. 277-294.

150. Фрейд, А. Введение в детский психоанализ / А. Фрейд. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2016. – 184 с.

151. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2017. – 544 с.

152. Фридман, Л. Д. Стратегия: война, революция, бизнес / Л. Д. Фридман. – М.: Кучково поле, 2018. – 768 с.

153. Хекхаузен, Х. Мотивация и деятельность / Х. Хекхаузен. В 2-х томах. Т. 1. – М.: Педагогика, 1986. – 408 с.

154. Шабалин, Д. Г. Проблемы языкового сознания и речевого смысла в теории онтологической относительности У. Куайна / Д. Г. Шабалин // Вестник Чувашского университета. Философия. – 2012. – № 4. – С. 131-134.

155. Шадриков, В. Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие, 2-е изд., перераб. / В. Д. Шадриков. – М.: Логос, 1996. – 320 с.

156. Шмелёв, А. Г. Психодиагностика личностных черт / А. Г. Шмелёв. – СПб.: Речь, 2002. – 480 с.

157. Щирова, И. А. Где прячется смысл? / И. А. Щирова // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. – № 2s (18). – С. 237-241.

158. Щуцкий, Ю. К. Китайская классическая «Книга Перемен» / Ю. К. Щуцкий. – М.: Наука, 1993. – 629 с.

159. Эльконин, Д. Б. Игра в психическое развитие / Д. Б. Эльконин // Альманах Института коррекционной педагогики РАО. – 2017. – № 28. – С. 32-66.

160. Ялтонский, В. М. Психология совладания: развитие, достижения, проблемы, перспективы / В. М. Ялтонский, Н. А. Сирота // Совладание: современное состояние и перспективы / Под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. – М.: Институт психологии РАН, 2008. – С. 21-54.

161. Abakumova, I. V. Active learning technologies in distance education of gifted students / I. V. Abakumova, I. A. Bakaeva, A. V. Grishina, E. V. Dyakova // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education (IJCRSEE). – 2019. – № 7(1). – Pp. 85-94.

162. Adler, A. Psychotherapie und Erziehung: Ausgewählte Aufsätze. Band I: 1919-1929 / Hg. von H.L. Ansbacher, R.F. Antoch. – Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag. – 1982. – 267 S.

163. Allport, G. W. Becoming: Basic Considerations for a Psychology of Personality / G. W. Allport. – New Haven: Yale University Press, 1956. – IX. – 106 p.

164. Allport, G. W. Pattern and growth in personality / G. W. Allport. – N.Y.: Holt, Rinehart & Winston. 1961. – 593 p.

165. Amirkhan, J. H. A factor analytically derived measure of coping: the coping strategy indication / J. H. Amirkhan // Journal of personality and social psychology. – 1990. – № 59 (7). – Pp. 1066-1074.

166. Atkinson, J. W. The Achievement Motive / J. W. Atkinson, D. C. McClelland. – Whitefish, MT, USA: Literary Licensing, LLC, 2018. – 410 p.

167. Bardwick, J. M. Danger in the Comfort Zone: From Boardroom to Mailroom – How to Break the Entitlement Habit That's Killing American Business / J. M. Bardwick. – N.Y.: American Management Assotiation, 1991. – 256 p.

168. Cattell, R. B. The Scientific Analysis of Personality / R. B. Cattell. – Harmondsworth, U.K.: Penguin Books, 1965. – 399 p.

169. Compas B. An agenda for coping research and theory: basic and applied developmental issues / B. Compas / International Journal of Behavioral Development. 1998. – Vol. 22. – № 2. – Pp. 231-237.

170. Crumhaugh, J. S. An experimental study in existentialism: The psychometric approach to Frankl's concept of noogenic neurosis / J. S. Crumhaugh, L. T. Maholick // Journal of Clinical Psychology. – 1964. – Vol. 20. – № 2. – Pp. 200-207.

171. Deci, E. The General Causality Orientation Scale: Self-determination in personality / E. Deci, R. Ryan // Journal of Research in Personality. – 1985. – Vol. 5.

– Pp. 109-134.

172. Frankl, V. E. *Man's Search for Meaning: Young Adult Edition (Reprint edition)* / V. E. Frankl (Author), J. Boyne (Foreword). – Boston, MA, USA: Beacon Press, 2017. – 192 p.

173. Frege, G. *Über Sinn und Bedeutung* / G. Frege. – Ditzingen, Germany: Reclam Philipp Jun., 2019. – 100 s.

174. Frydenberg, E. *Teaching Coping to adolescents: when and to whom?* / E. Frydenberg, R. Lewis // *American Educational Research Journal*. – 2000. – № 37(3). – Pp. 727-745.

175. Furnham, A. *A content, correlational and factor analytic study of four tolerance of ambiguity questionnaires* / A. Furnham // *Personality and Individual Differences*. – 1994. – № 16 (3). – Pp. 403-410.

176. Gardner, H. *Frames of Mind: The Theory of Multiple Intelligences* / H. Gardner. – N.Y.: Basic Books, 1983. – 440 p.

177. Graaf, J. *Affluenza: The All Consuming Epidemic* / J. Graaf, D. Wann, T. Naylor. 2nd edition. – Oakland, CA, USA: Berrett-Koehler Publishers, 2005. – 288 p.

178. Heidegger, M. *Sein und Zeit (Series: Klassiker Auslegen)* / M. Heidegger. – Berlin, Germany: De Gruyter, 2015. – 320 s.

179. Honore, C. *In Praise of Slowness: Challenging the Cult of Speed* / C. Honore. – San Francisco, CA, USA: Harper Collins Publishers LLC, 2005. – 321 p.

180. Husserl, E. G. *Ideas: General Introduction to Pure Phenomenology* / E. G. Husserl, revised ed. edition. – N.Y.: Routledge, 2012. – 434 p.

181. Husserl, E.G. *First Philosophy: Lectures 1923/24 and Related Texts from the Manuscripts (1920-1925) (Husserliana: Edmund Husserl – Collected Works, Book 14)* / Edmund Husserl (Author), S. Luft (Editor), Thane M. Naberhaus (Editor). – N.Y.: Springer, 2019. – 184 p.

182. Jaspers, K. *Vom Ursprung und Ziel der Geschichte* / K. Jaspers. – Basel, Switzerland: Schwabe Verlagsgruppe AG Schwabe Verlag, 2016. – 284 s.

183. Kelly, G. *The psychology of personal constructs* / G. Kelly. – N.Y.: Norton, 1955. – XVIII. – 1210 p.

184. Kernberg, O. F. *Severe Personality Disorders: Psychotherapeutic Strategies* / O. F. Kernberg. – New Haven, CT, USA: Yale University Press, 1993, – 396 p.
185. Lazarus, R. S. *Emotion and Adaptation* / R. S. Lazarus. – N. Y.: Oxford University Press. 2018. – 576 p.
186. Leontiev, D. A. The dialectics of aloneness: positive vs. negative meaning and differential assessment / D. A. Leontiev // *Counselling Psychology Quarterly*. – 2019. – Vol. 32. – № 3-4. – Pp. 548-562.
187. Lipovetsky, G. *L'ère du vide: Essais sur l'individualisme contemporain* / G. Lipovetsky. – Paris: Gallimard, 1983. – 246 p.
188. Maddi, S. R. *Creating meaning through making decisions* / S. R. Maddi // *The human search for meaning* / P.T.P. Wong. P.S. Fry (Eds.). – Mahwah, NJ, USA: Lawrence Erlbaum, 1998. – Pp. 1-25.
189. Mann, L. *The Melbourne Decision Making Questionnaire: An Instrument of Measuring Patterns for Coping with Decisional Conflict* / L. Mann, P. Burnett, M. Radford, S. Ford // *Journal of Behavioral Decision Making*. – 1997. – Vol. 10, Issue. 1. – Pp. 1-19.
190. McWilliams, N. *Psychoanalytic Diagnosis: Understanding Personality Structure in the Clinical Process. 2nd Edition* / N. McWilliams. – N.Y.: Guilford Press, 2020. – 426 p.
191. Osgood, C. E. *Language, Meaning, and Culture: The Selected Papers of C. E. Osgood* / C. E. Osgood, O. Tzeng (eds). – N.Y. (etc.): Praeger, 1990. – XIII. – 402 p.
192. Rotter, J. B. *Social learning and clinical psychology (Reprint of 1954 First)* / J. B. Rotter. – Eastford, CT, USA: Martino Fine Books, 2017. – 480 p.
193. Royston, P. *Approximating the Shapiro–Wilk W-test for non-normality* / P. Royston // *Statistics and Computing*. – 1992. – № 2 (3). – Pp. 117-119.
194. Sapir, E. *The Psychology of Culture: a Course of Lectures* / E. Sapir. Ed. from manuscript by Judith T. Irvine. 2nd ed., with a new introduction. – Berlin & N.Y.: Mouton de Gruyter, 2002. – 266 p.
195. Seligman, M. E. P. *The Hope Circuit: A Psychologist's Journey from*

- Helplessness to Optimism / M. E. P. Seligman. – N.Y.: Public Affairs, 2018. – 448 p.
196. Steel, P. Arousal, avoidant and decisional procrastinators: Do they exist? / P. Steel // *Personality and Individual Differences*. – 2010. – № 48. – Pp. 926-934.
197. Thomas, K. W., Kilmann, R. H. The Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument (TKI) / K. W. Thomas, R. H. Kilmann // *Psychological Reports*. – 1978. – Vol. 42. – Pp. 1139-1145.
198. Vasilyuk, F. E. Coexperiencing Psychotherapy as a Psychotechnical System / F. E. Vasilyuk // *Journal of Russian & East European Psychology*. – Vol. 52. – 2015. – Iss. 1. – Pp. 1-58.
199. Veblen, T. B. The Theory of the Leisure Class / T. B. Veblen. – Oxford, United Kingdom: Oxford University Press, 2009. – 304 p.
200. Weiner, B. An Attributional Theory of Motivation and Emotion (Reprint of the original 1st ed. 1986 Edition) / B. Weiner. – N.Y.: Springer, 2018. – 304 p.
201. Wierzbicka, A. What Christians Believe: The Story of God and People in Minimal English / A. Wierzbicka. – Oxford, England, U.K.: Oxford University Press, 2019. – 248 p.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ ПРИЛОЖЕНИЙ

	стр.
Приложение 1. Описание и процедура обработки теста смысловых ориентаций (СЖО) по Д.А. Леонтьеву	150
Приложение 2. Приложение 3 Методика диагностики копинг-поведения в стрессовых ситуациях Дж. Амирхана в адаптации В.М. Ялтонского и Н.А. Сироты	152
Приложение 3. Методика диагностики предрасположенности к конфликтному поведению К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной	155
Приложение 4. Мельбурнский опросник принятия решений в адаптации Т.В. Корниловой	158
Приложение 5. Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности по Т.В. Корниловой	160
Приложение 6. Коэффициенты линейной корреляции Пирсона показателей девяти шкал частного семантического дифференциала со всеми показателями шкал остальных методик для изучения избегания по общей выборке	163
Приложение 7. Личностные профили смыслообразующей стратегии избегания и разрешения при градации выборки по гендерному, возрастному и профессиональному признаку	164

Описание и процедура обработки теста смысложизненных ориентаций (СЖО) по Д.А. Леонтьеву

Имеющиеся в тесте 20 вопросов входят в 5 шкал, отражающих 3 фактора смысложизненных ориентаций и 2 локуса внутреннего контроля: 1) Цели в жизни («Ц»); 2) Процессы в жизни («П»); 3) Результативность жизни («Р»); 4) «Локус контроля – Я» («ЛКЯ»); 5) «Локус контроля – жизнь» («ЛКЖ»).

1) Цели в жизни («Ц»). Баллы по этой шкале характеризуют наличие или отсутствие в жизни испытуемого целей в будущем, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу. Низкие баллы по этой шкале даже при общем высоком уровне ОЖ будут присущи человеку, живущему сегодняшним или вчерашним днем. Вместе с тем высокие баллы по этой шкале могут характеризовать не только целеустремленного человека, но и прожектёра, планы которого не имеют реальной опоры в настоящем.

2) Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни («П»). Содержание этой шкалы совпадает с известной теорией о том, что единственный смысл жизни состоит в том, чтобы жить. Этот показатель говорит о том, воспринимает ли испытуемый сам процесс своей жизни как интересный, эмоционально насыщенный и наполненный смыслом. Высокие баллы по этой шкале и низкие по остальным будут характеризовать гедониста, живущего сегодняшним. Низкие баллы по этой шкале - признак неудовлетворенности своей жизнью в настоящем, однако, ей могут придавать полноценный смысл воспоминания о прошлом или нацеленность в будущее.

3) Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией («Р»). Баллы отражают оценку пройденного отрезка жизни, ощущение того, насколько продуктивна и осмысленна была прожитая ее часть. Высокие баллы по этой шкале и низкие по остальным характеризуют человека, который доживает свою жизнь, у которого все в прошлом, но прошлое способно придать смысл остатку жизни. Низкие баллы - неудовлетворенность прожитой жизнью.

4) «Локус контроля – Я»: я - хозяин жизни («ЛКЯ»). Высокие баллы соответствуют представлению о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о её смысле. Низкие баллы - неверие в свои силы контролировать события собственной жизни.

5) «Локус контроля – жизнь» или управляемость жизни («ЛКЖ»). При высоких баллах - убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь. Низкие баллы - фатализм, убежденность в том, что жизнь человека неподвластна контролю, что свобода выбора иллюзорна, и бессмысленно что-либо загадывать на будущее.

Первые три фактора образуют смысложизненные ориентации: цели в жизни (будущее), насыщенность жизни (настоящее) и удовлетворенность самореализацией (прошлое). Два оставшихся фактора характеризуют внутренний локус контроля как общее мировоззренческое убеждение в том, что контроль возможен, и собственную способность к такому контролю.

Ключ для обработки теста СЖО

1. Обычно мне очень скучно.	<table border="1"><tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td></tr></table>	1	2	3	4	5	6	7	Обычно я полон энергии
1	2	3	4	5	6	7			
2. Жизнь кажется мне всегда волнующей и захватывающей.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Жизнь кажется мне совершенно спокойной и рутинной
7	6	5	4	3	2	1			
3. В жизни я не имею определенных целей и намерений.	<table border="1"><tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td></tr></table>	1	2	3	4	5	6	7	В жизни я имею очень ясные цели и намерения.
1	2	3	4	5	6	7			
4. Моя жизнь представляется мне крайне бессмысленной и бесцельной.	<table border="1"><tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td></tr></table>	1	2	3	4	5	6	7	Моя жизнь представляется мне вполне осмысленной и целеустремленной.
1	2	3	4	5	6	7			
5. Каждый день кажется мне всегда новым и непохожим на другие.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Каждый день кажется мне совершенно похожим на все другие.
7	6	5	4	3	2	1			
6. Когда я уйду на пенсию, я займусь интересными вещами, которыми всегда мечтал заниматься.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Когда я уйду на пенсию, я постараюсь не обременять себя никакими заботами.
7	6	5	4	3	2	1			
7. Моя жизнь сложилась именно так, как я мечтал.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Моя жизнь сложилась совсем не так, как я мечтал.
7	6	5	4	3	2	1			
8. Я не добился успехов в осуществлении своих жизненных планов.	<table border="1"><tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td></tr></table>	1	2	3	4	5	6	7	Я осуществил многое из того, что было мною запланировано в жизни.
1	2	3	4	5	6	7			
9. Моя жизнь пуста и неинтересна.	<table border="1"><tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td></tr></table>	1	2	3	4	5	6	7	Моя жизнь наполнена интересными делами.
1	2	3	4	5	6	7			
10. Если бы мне пришлось подводить сегодня итог моей жизни, то я бы сказал, что она была вполне осмысленной.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Если бы мне пришлось сегодня подводить итог моей жизни, то я бы сказал, что она не имела смысла.
7	6	5	4	3	2	1			
11. Если бы я мог выбирать, то я бы построил свою жизнь совершенно иначе.	<table border="1"><tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td></tr></table>	1	2	3	4	5	6	7	Если бы я мог выбирать, то я бы прожил жизнь еще раз так же, как живу сейчас.
1	2	3	4	5	6	7			
12. Когда я смотрю на окружающий меня мир, он часто приводит меня в растерянность и беспокойство.	<table border="1"><tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td></tr></table>	1	2	3	4	5	6	7	Когда я смотрю на окружающий меня мир, он совсем не вызывает у меня беспокойства и растерянности.
1	2	3	4	5	6	7			
13. Я человек очень обязательный.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Я человек совсем не обязательный.
7	6	5	4	3	2	1			
14. Я полагаю, что человек имеет возможность осуществить свой жизненный выбор по своему желанию.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Я полагаю, что человек лишен возможности выбирать из-за влияния природных способностей и обстоятельств.
7	6	5	4	3	2	1			
15. Я определенно могу назвать себя целеустремленным человеком.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Я не могу назвать себя целеустремленным человеком.
7	6	5	4	3	2	1			
16. В жизни а еще не нашел своего призвания и ясных целей.	<table border="1"><tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td></tr></table>	1	2	3	4	5	6	7	В жизни я нашел свое призвание и цели.
1	2	3	4	5	6	7			
17. Мои жизненные взгляды еще не определились.	<table border="1"><tr><td>1</td><td>2</td><td>3</td><td>4</td><td>5</td><td>6</td><td>7</td></tr></table>	1	2	3	4	5	6	7	Мои жизненные взгляды вполне определились.
1	2	3	4	5	6	7			
18. Я считаю, что мне удалось найти призвание и интересные цели в жизни.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Я едва ли способен найти призвание и интересные цели в жизни.
7	6	5	4	3	2	1			
19. Моя жизнь в моих руках, и я сам управляю ею.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Моя жизнь не подвластна мне и управляется внешними событиями.
7	6	5	4	3	2	1			
20. Мои повседневные дела приносят мне удовольствие и удовлетворение.	<table border="1"><tr><td>7</td><td>6</td><td>5</td><td>4</td><td>3</td><td>2</td><td>1</td></tr></table>	7	6	5	4	3	2	1	Мои повседневные дела приносят мне сплошные неприятности.
7	6	5	4	3	2	1			

Общий показатель ОЖ - все 20 пунктов; Субшкала 1 (цели)- 3, 4, 10, 16, 17, 18.
 Субшкала 2 (процесс) - 1, 2, 4, 5, 7, 9; Субшкала 3 (результат) - 8, 9, 10, 12, 20.
 Субшкала 4 (ЛКЯ) - 1, 15, 16, 19; Субшкала 5 (ЛКЖ) - 7, 10, 11, 14, 18, 19.

**Методика диагностики копинг-поведения в стрессовых ситуациях
Дж. Амирхана в адаптации В.М. Ялтонского и Н.А. Сироты**

Дж. Амирхан на основе факторного анализа разнообразных копинг-ответов на стресс разработал «Индикатор копинг-стратегий». Он выделил 3 группы копинг-стратегий:

1) Стратегия разрешения проблем — это активная поведенческая стратегия, при которой человек старается использовать все имеющиеся у него личностные ресурсы для поиска возможных способов эффективного разрешения проблемы.

2) Стратегия поиска социальной поддержки — это активная поведенческая стратегия, при которой человек для эффективного разрешения проблемы обращается за помощью и поддержкой к окружающей его среде: семье, друзьям, значимым другим.

3) Стратегия избегания — это поведенческая стратегия, при которой человек старается избежать контакта с окружающей его действительностью, уйти от решения проблем.

Наиболее эффективным является использование всех трех поведенческих стратегий, в зависимости от ситуации. В некоторых случаях человек может самостоятельно справиться с возникшими трудностями, в других ему требуется поддержка окружающих, в-третьих, он просто может избежать столкновения с проблемной ситуацией, заранее подумав о ее негативных последствиях.

Ответы испытуемого сопоставляются с ключом. Для получения общего балла по соответствующей стратегии подсчитывается сумма баллов по всем 11 пунктам, относящимся к этой стратегии. Минимальная оценка по каждой шкале - 11 баллов, максимальная - 33 балла.

Шкалы методики:

- Шкала «разрешение проблем».
- Шкала «поиск социальной поддержки».
- Шкала «избегание проблем».

Инструкция. Мы интересуемся, как люди справляются с проблемами, трудностями и неприятностями в их жизни. На бланке представлено несколько возможных вариантов преодоления неприятностей. Познакомившись с утверждениями, вы можете определить, какие из предложенных вариантов обычно вами используются. Все ваши ответы останутся неизвестным посторонним. Попробуйте вспомнить об одной из серьезных проблем, с которыми вы столкнулись за последние 6 месяцев, которые заставили вас изрядно беспокоиться, и опишите эту проблему в нескольких словах. Теперь читая нижеприведенные утверждения, выберите один из трех наиболее приемлемых ответов для каждого.

Таблица 1

Вопрос	Да	Скорее да, чем нет	Нет
1. Позволяю себе поделиться чувством с другом			
2. Стараюсь сделать все так, чтобы иметь возможность наилучшим образом решить проблему			
3. Осуществляю поиск всех возможных решений, прежде чем что-то предпринять			
4. Пытаюсь отвлечься от проблемы			
5. Принимаю сочувствие и понимание от кого-либо			
6. Делаю все возможное, чтобы не дать окружающим увидеть, что мои дела плохи			
7. Обсуждаю ситуацию с людьми, так как обсуждение помогает мне чувствовать себя лучше			
8. Ставлю для себя ряд целей, позволяющих постепенно справляться с ситуацией			
9. Очень тщательно взвешиваю возможности выбора			
10. Мечтаю, фантазирую о лучших временах			
11. Пытаюсь различными способами решить проблему, пока не найду подходящий			
12. Доверяю свои страхи родственнику или другу			
13. Больше времени, чем обычно, провожу один			
14. Рассказываю другим людям о ситуации, так как только её обсуждение помогает мне прийти к ее разрешению			
15. Думаю о том, что нужно сделать, чтобы исправить положение			
16. Сосредотачиваюсь полностью на решении проблемы			
17. Обдумываю про себя план действий			
18. Смотрю телевизор дольше, чем обычно			
19. Иду к кому-нибудь (другу или специалисту), чтобы он помог мне чувствовать себя лучше			
20. Стою твердо и борюсь за то, что мне нужно в этой ситуации			
21. Избегаю общения с людьми			
22. Переключаюсь на хобби или занимаюсь спортом, чтобы избежать проблем			
23. Иду к другу за советом – как исправить ситуацию			
24. Иду к другу, чтобы он помог мне лучше почувствовать проблему			
25. Принимаю сочувствие, взаимопонимание друзей			
26. Сплю больше обычного			
27. Фантазирую о том, что все могло бы быть иначе			
28. Представляю себя героем книги или кино			
29. Пытаюсь решить проблему			
30. Хочу, чтобы люди оставили меня одного			
31. Принимаю помощь от друзей или родственников			
32. Ищу успокоения у тех, кто знает меня лучше			
33. Пытаюсь тщательно планировать свои действия, а не действовать импульсивно под влиянием внешнего побуждения			

Баллы начисляются по следующей схеме:

- Ответ «Да» оценивается в 3 балла.
- Ответ «Скорее да, чем нет» в 2 балла.
- Ответ «Нет» в 1 балл.

Номера пунктов опросника, соответствующие копинг-стратегиям:

- 1) Разрешение проблем 2, 3, 8, 9, 11, 15, 16, 17, 20, 29, 33;
- 2) Поиск социальной поддержки 1, 5, 7, 12, 14, 19, 24, 23, 25, 31, 32;
- 3) Избегание 4, 6, 10, 13, 18, 21, 22, 26, 27, 28, 30.

Для получения общего балла по соответствующей стратегии подсчитывается сумма баллов по всем 11 пунктам, относящимся к этой стратегии. Минимальная оценка по каждой шкале - 11 баллов, максимальная - 33 балла.

Если пропущен 1 пункт из 11, можно сделать следующее: подсчитать среднюю оценку по тем 10 пунктам, на которые испытуемый ответил, затем умножить это число на 11; общий балл по шкале будет выражаться следующим за этим результатом целым числом. (Например, средний балл по шкале 2,12, умножить на 11 = 23,32, общий балл - 24.)

При пропуске двух и более пунктов обработка данных испытуемого не производится.

Методика диагностики предрасположенности к конфликтному поведению К. Томаса в адаптации Н.В. Гришиной

Для описания типов поведения людей в конфликтных ситуациях К. Томас считает применимой двухмерную модель регулирования конфликтов, основополагающими измерениями в которой являются кооперация, связанная с вниманием человека к интересам других людей, вовлеченных в конфликт, и напористость, для которой характерен акцент на защите собственных интересов. Соответственно этим двум основным измерениям К. Томас выделяет следующие способы регулирования конфликтов:

1. Соперничество (борьба, конкуренция) или административный тип, как стремление добиться удовлетворения своих интересов в ущерб другому.

2. Приспособление (приспосабливание), означающее, в противоположность соперничеству, принесение в жертву собственных интересов ради интересов другого человека.

3. Компромисс или экономический тип.

4. Избегание или традиционный тип, для которого характерно как отсутствие стремления к кооперации, так и отсутствие тенденции к достижению собственных целей.

5. Сотрудничество или корпоративный тип, когда участники ситуации приходят к альтернативе, полностью удовлетворяющей интересы обеих сторон.

К. Томас считает, что при избегании конфликта ни одна из сторон не достигает успеха; при таких формах поведения, как конкуренция, приспособление и компромисс, или один из участников оказывается в выигрыше, а другой проигрывает, или оба проигрывают, так как идут на компромиссные уступки. И только в *ситуации сотрудничества обе стороны оказываются в выигрыше.*

В своем опроснике по выявлению типичных форм поведения К. Томас описывает каждый из пяти перечисленных возможных вариантов 12 суждениями о поведении индивида в конфликтной ситуации. В различных сочетаниях они сгруппированы в 30 пар, в каждой из которых респонденту предлагается выбрать то суждение, которое является наиболее типичным для характеристики его поведения.

Инструкция:

Прочитайте, пожалуйста, внимательно каждую из пар суждений. Суждения выражают то, как человек может проявлять себя в конфликтной ситуации. Попробуйте вспомнить некоторые такие ситуации из своего личного опыта и выберите то суждение, которое, по вашему мнению, является наиболее типичным для характеристики вашего поведения.

- 1) А. Иногда я предоставляю возможность другим взять на себя ответственность за решение спорного вопроса.
Б. Чем обсуждать то, в чем мы расходимся, я стараюсь обратить внимание на то, с чем оба не согласны.
- 2) А. Я стараюсь найти компромиссное решение.
Б. Я пытаюсь уладить дело с учетом интересов другого и моих собственных.
- 3) А. Обычно я настойчиво стремлюсь добиться своего.
Б. Я стараюсь успокоить другого и главным образом сохранить наши отношения.
- 4) А. Я стараюсь найти компромиссное решение.
Б. Иногда я жертвую своими собственными интересами ради интересов другого человека.
- 5) А. Улаживая спорную ситуацию, я все время стараюсь найти поддержку у другого.
Б. Я стараюсь сделать всё, чтобы избежать бесполезной напряженности.
- 6) А. Я пытаюсь избежать возникновения неприятностей для себя.
Б. Я стараюсь добиться своего.
- 7) А. Я стараюсь отложить решение спорного вопроса с тем, чтобы со временем решить его окончательно.
Б. Я считаю возможным в чем-то уступить, чтобы добиться своего.
- 8) А. Обычно я настойчиво стремлюсь добиться своего.
Б. Я первым делом стараюсь ясно определить то, в чем состоят все затронутые интересы и вопросы.
- 9) А. Думаю, что не всегда стоит волноваться из-за каких-то возникающих разногласий.
Б. Я предпринимаю усилия, чтобы добиться своего.
- 10) А. Я твердо стремлюсь достичь своего.
Б. Я пытаюсь найти компромиссное решение.
- 11) А. Первым делом я стараюсь ясно определить то, в чем состоят все затронутые интересы и вопросы.
Б. Я стараюсь успокоить другого и главным образом сохранить наши отношения.
- 12) А. Зачастую я избегаю занимать позицию, которая может вызвать споры.
Б. Я даю возможность другому в чем-то остаться при своем мнении, если он также идет мне на встречу.
- 13) А. Я предлагаю среднюю позицию.
Б. Я настаиваю, чтобы было сделано по-моему.
- 14) А. Я сообщаю другому свою точку зрения и спрашиваю о его взглядах.
Б. Я пытаюсь показать другому логику и преимущества моих взглядов.
- 15) А. Я стараюсь успокоить другого и главным образом сохранить наши отношения.
Б. Я стараюсь сделать всё необходимое, чтобы избежать напряженности.
- 16) А. Я стараюсь не задеть чувств другого.
Б. Я пытаюсь убедить другого в преимуществах моей позиции.
- 17) А. Обычно я настойчиво стремлюсь добиться своего.
Б. Я стараюсь сделать всё, чтобы избежать бесполезной напряженности.
- 18) А. Если это сделает другого счастливым, я дам ему возможность настоять на своем.
Б. Я даю возможность другому в чем-то остаться при своем мнении, если он также идет мне на встречу.
- 19) А. Первым делом я стараюсь ясно определить то, в чем состоят все затронутые интересы и вопросы.
Б. Я стараюсь отложить решение спорного вопроса с тем, чтобы со временем решить его окончательно.
- 20) А. Я пытаюсь немедленно преодолеть наши разногласия.
Б. Я стараюсь найти наилучшее сочетание выгод и потерь для нас обоих.
- 21) А. Ведя переговоры, я стараюсь быть внимательным к желаниям другого.
Б. Я всегда склоняюсь к прямому обсуждению проблемы.

- 22) А. Я пытаюсь найти позицию, которая находится посередине между моей позицией и точкой зрения другого человека.
 Б. Я отстаиваю свои желания.
- 23) А. Как правило, я озабочен тем, чтобы удовлетворить желания каждого из нас.
 Б. Иногда я предоставляю возможность другим взять на себя ответственность за решение спорного вопроса.
- 24) А. Если позиция другого кажется ему очень важной, я постараюсь пойти навстречу его желаниям.
 Б. Я стараюсь убедить другого прийти к компромиссу.
- 25) А. Я пытаюсь показать другому логику и преимущества моих взглядов.
 Б. Ведя переговоры, я стараюсь быть внимательным к желаниям другого.
- 26) А. Я предлагаю среднюю позицию.
 Б. Я почти всегда озабочен тем, чтобы удовлетворить желания каждого из нас.
- 27) А. Зачастую я избегаю занимать позицию, которая может вызвать споры.
 Б. Если это сделает другого счастливым, я дам ему возможность настоять на своем.
- 28) А. Обычно я настойчиво стремлюсь добиться своего.
 Б. Улаживая ситуацию, я обычно стараюсь найти поддержку у другого.
- 29) А. Я предлагаю среднюю позицию.
 Б. Думаю, что не всегда стоит волноваться из-за каких-то возникающих разногласий.
- 30) А. Я стараюсь не задеть чувств другого.
 Б. Я всегда занимаю такую позицию в спорном вопросе, чтобы мы совместно с другим заинтересованным человеком могли добиться успеха.

Ключ к опроснику:

1. Соперничество (Борьба): 3А, 6Б, 8А, 9Б, 10А, 13Б, 14Б, 16Б, 17А, 22 Б, 25А, 28А.
2. Сотрудничество: 2Б, 5А, 8Б, 11А, 14А, 19А, 20А, 21Б, 23Б, 26Б, 28Б, 30Б.
3. Компромисс: 2А, 4А, 7Б, 10Б, 12Б, 13А, 18Б, 22А, 23А, 24Б, 26А, 29А.
4. Избегание: 1А, 5Б, 6А, 7А, 9А, 12А, 15Б, 17Б, 19Б, 20Б, 27А, 29Б.
5. Приспособление: 1Б, 3Б, 4Б, 11Б, 15А, 16А, 18А, 21А, 24А, 25Б, 27Б, 30А.

Обработка результатов

В ключе каждый ответ А или Б дает представление о количественном выражении: соперничества, сотрудничества, компромисса, избегания и приспособления. Если ответ совпадает с указанным в ключе, ему присваивается значение 1, если не совпадает, то присваивается значение 0. Количество баллов, набранных индивидом по каждой шкале, дает представление о выраженности у него тенденции к проявлению соответствующих форм поведения в конфликтных ситуациях.

Мельбурнский опросник принятия решений в адаптации Т.В. Корниловой

Опросник является результатом апробации более общего опросника Флиндерса. Обоснование его строится на использовании теории конфликта Джениса и Манна, в которой говорится о том, что три условия определяют опору человека на тот или иной копинг в стрессовой ситуации при принятии решения:

- 1) осведомленность о серьезных рисках, связанных с предпочитаемыми альтернативами;
- 2) надежда найти лучшую альтернативу;
- 3) вера в то, что человек располагает достаточным количеством времени для поиска и взвешивания альтернатив.

Модель принятия решений включила пять основных паттернов совладания со стрессом, связанным с принятием сложных и угрожающих решений:

- 1) игнорирование лицом, принимающим решение, информации о рисках потерь и продолжение следования выбранному курсу действий;
- 2) некритичное принятие курса действий, который является либо наиболее «выраженным», либо навязанным другими;
- 3) защитное избегание – через прокрастинацию, перекладывание ответственности и рационализацию сомнительных альтернатив;
- 4) гипербдительность (сверхбдительность) – не включающий интеллектуальную ориентировку поиск выхода из дилеммы, то есть импульсивное принятие решения, обещающее избавление от ситуации; в экстремальных формах – «паника» в выборе между альтернативами;

5) бдительность – уточнение целей и задач решения, рассмотрение альтернатив, связанное с поиском информации, ассимиляцией ее «без предрассудков» и оценки перед выбором. Согласно модели, *бдительность является единственным копингом, который позволяет принимать рациональные решения.*

Таким образом, возможны четыре стратегии принятия решений:

- 1) Бдительность;
- 2) Избегание;
- 3) Прокрастинация;
- 4) Сверхбдительность.

Опросник включает 22 утверждения, согласие с которыми оценивается испытуемым по 3-балльной шкале. Он позволяет диагностировать четыре свойства, трактуемые как продуктивный (бдительность) и непродуктивные копинги (избегание, прокрастинация и сверхбдительность) в ситуации принятия решения.

Начисление баллов:

«Неверно для меня» кодируется как «1»,

«Иногда верно» как «2»,

«Верно для меня» как «3».

Ключ:

«Бдительность»: пункт 2 + пункт 4 + пункт 6 + пункт 8 + пункт 12 + пункт 16

«Избегание»: пункт 3 + пункт 9 + пункт 11 + пункт 14 + пункт 17 + пункт 19

«Прокрастинация»: пункт 5 + пункт 7 + пункт 10 + пункт 18 + пункт 21

«Сверхбдительность»: пункт 1 + пункт 13 + пункт 15 + пункт 20 + пункт 22

Бланк опросника:

Инструкция к тесту. Люди отличаются по тому, как они принимают решения. Пожалуйста, укажите, как именно Вы принимаете решения, – для каждого вопроса выберите (обведите) ответ, наиболее соответствующий Вашему обычному стилю принятия решений.

№ п/п	Когда я принимаю решение...	Ответ		
		Неверно для меня	Иногда верно	Верно для меня
1	Когда я принимаю решение, у меня возникает ощущение, как будто мне безумно не хватает времени.			
2	Я предпочитаю рассматривать все альтернативы.			
3	Я предпочитаю оставлять принятие решений другим людям.			
4	Я пытаюсь найти недостатки у всех альтернатив.			
5	Я трачу много времени на мелкие дела, прежде чем приступаю к принятию основного решения.			
6	Я продумываю лучший способ исполнения решения.			
7	Даже после принятия решения я откладываю на потом его исполнение.			
8	При принятии решений я предпочитаю собирать большое количество информации.			
9	Я избегаю принимать решения.			
10	Когда мне нужно принять решение, я жду долгое время перед тем, как начать о нем думать.			
11	Мне не нравится брать на себя ответственность за принятие решений.			
12	Я стараюсь иметь четкое представление о своих целях, перед тем как сделать выбор.			
13	Возможность того, что какая-то мелочь пойдет «не по плану», вынуждает меня резко изменить решение.			
14	Если решение может быть принято мной или другим человеком, я дам другому человеку это сделать.			
15	Когда я сталкиваюсь с трудной проблемой, я обычно пессимистичен относительно возможности найти хорошее решение.			
16	Я тщательно все обдумываю перед тем, как сделать выбор.			
17	Я не принимаю решения, пока в этом нет острой необходимости.			
18	Я отсрочиваю принятие решений до последнего момента.			
19	Я предпочитаю, чтобы решения принимались теми, кто в большей степени информирован, чем я.			
20	После того, как я принял решение, я трачу много времени, убеждая себя, что оно было правильным.			
21	Я откладываю принятие решений.			
22	Я не могу мыслить трезво, если мне нужно принять решение в спешке.			

Новый опросник толерантности-интолерантности к неопределенности по Т.В. Корниловой

Англоязычный опросник А. Фернхема представлен в русскоязычной апробации Т.В. Корниловой и включает три шкалы:

а) ТН – толерантности к неопределенности как готовности к решениям и действиям в условиях неопределенности, к новым идеям, к изменчивым стимулам и изменениям собственных познавательных стратегий,

б) ИТН – интолерантности к неопределенности как стремления субъекта к ясности в отношении к миру, неприятие неопределенности в суждениях и мнениях,

в) МИТН – межличностной интолерантности к неопределенности; в отличие от первых двух шкал может пониматься в качестве более специфического личностного свойства с биполярными полюсами принятия-отвержения неопределенности в сфере межличностных отношений.

Фактор ТН выступает в виде генерализованного личностного свойства, означающего стремление к изменениям, новизне и оригинальности, готовность идти непроторенными путями и предпочитать более сложные задачи, иметь возможность самостоятельности и выхода за рамки принятых ограничений.

Фактор ИТН фокусирует стремление к ясности, упорядоченности во всем и неприятие неопределенности, предположение о главенствующей роли правил и принципов, дихотомическое разделение правильных и неправильных способов, мнений и ценностей.

Фактор МИТН – хорошо интерпретируется в качестве межличностной ИТН, т.е. означает стремление к ясности и контролю в межличностных отношениях, дискомфорт в случае неопределенности отношений с другими. В целом это соответствует критериям неустойчивости, монологичности, статичности в отношениях с другими. Трудно включается в понимание межличностной интолерантности только первый пункт (о то, что задача обладает малой привлекательностью, если выглядит не решаемой).

Обработка заключается в простом суммировании набранных баллов. При этом каждому ответу присваивается от 1 до 7 баллов («полностью не согласен» – 1 балл, «полностью согласен» – 7 баллов);

нужно инвертировать (обратить) баллы (то есть 7 становится 1, 6 – 2, 5 – 3, 4 – 4, 3 – 5, 2 – 6, а 1 – 7) по следующим пунктам: 14, 24, 25.

Фактор - Толерантность к неопределенности (ТН): 6, 15, 16, 17, 24, 25, 28, 29, 30, 31, 32, 33 (Разброс балов: 12-35 – низкий показатель, 36-60 – средний, 61-84 – высокий)

Фактор - Интолерантность (ИТН): 1, 2, 3, 4, 5, 10, 12, 14, 18, 21, 22, 23, 27 (Разброс балов: 13-38 – низкий показатель, 39-65 – средний, 66-91 – высокий)

Фактор - Межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН): 7, 8, 9, 11, 13, 19, 20, 26 (Разброс балов: 8-23 – низкий показатель, 24-40 – средний, 41-56 – высокий)

Инструкция: Оцените, пожалуйста, степень своего согласия или несогласия с приведенными ниже утверждениями.

1. Любое дело можно сделать правильными путями.
2. Определенность в действиях всегда лучше нерешительности.
3. У самых хороших руководителей указания настолько точны, что подчиненным не о чем беспокоиться.
4. Умный человек упорядочивает свою жизнь таким образом, чтобы не волноваться все время из-за мелочей.
5. Лучше уж придерживаться выбранного метода ведения дел, чем менять его, поскольку это может привести к неразберихе.
6. Лучше попытаться (воспользоваться случаем) и потерпеть неудачу, чем идти всю жизнь по проторенной дорожке.
7. Задача для меня малопривлекательна, если я не считаю ее решаемой.
8. Я испытываю дискомфорт в отношениях с людьми до тех пор, пока не пойму их поведение.
9. Я начинаю довольно сильно волноваться, если оказываюсь в ситуации, которую не могу контролировать.
10. Практически каждая проблема имеет какое-то решение.
11. Меня смущает, если я не могу следовать за ходом мыслей другого человека.
12. Я всегда чувствовал, что существуют четкие различия между правильным и неправильным.
13. Меня беспокоит, если я не знаю, как другие люди реагируют на меня.
14. Если не придерживаться принципов, ничто в этом мире не будет доведено до конца.
15. Неопределенные и импрессионистские картины на самом деле ничто во мне не затрагивают.
16. Иногда мне доставляет удовольствие нарушить правило и сделать то, чего я сам от себя не ожидал.
17. Я люблю погружаться в новые идеи, даже если позже окажется, что я попросту потерял время.
18. Безупречная гармония – сущность каждой хорошей композиции.
19. В долговременной перспективе добиться большего возможно, решая маленькие и простые проблемы, чем большие и сложные.
20. Человек, который ведет ровную, размеренную жизнь (без особых сюрпризов и неожиданностей), на самом деле должен быть благодарен судьбе.
21. Специалист, который не может дать четкий ответ, возможно, не слишком много знает.
22. Нет такого явления, как проблема, которую нельзя решить.
23. Хорошая работа – это та, на которой всегда ясно, что и как это нужно делать.
24. Привычное всегда предпочтительнее незнакомого.
25. Человек, который ведет ровную, размеренную жизнь (без сюрпризов и неожиданностей) на самом деле должен быть благодарен судьбе.
26. Я больше люблю вечеринки со знакомыми людьми, чем те, где большинство

людей мне совершенно незнакомы.

27. Чем скорее мы придем к единым ценностям и идеалам, тем лучше.
28. Я хотел бы пожить какое-то время в новой для меня стране.
29. Люди, которые подчинили свою жизнь расписанию, возможно, лишают себя большинства радостей жизни.
30. Интереснее заниматься сложной проблемой, чем решать простую.
31. Часто наиболее интересные и заводящие других люди – это те, кто не боится быть оригинальным и непохожим на остальных.
32. Учителя и наставники, которые нечетко формулируют задания, дают шанс проявить инициативу и оригинальность.
33. Хороший учитель – это тот, кто заставляет тебя размышлять о твоём взгляде на жизнь.

Оценочная шкала в баллах:

1. полностью не согласен;
2. не согласен;
3. кое в чём не согласен;
4. ни то, ни другое;
5. кое в чём согласен;
6. согласен;
7. полностью согласен.

Таблица 3

Коэффициенты линейной корреляции Пирсона показателей девяти шкал частного семантического дифференциала со всеми показателями шкал остальных методик для изучения избегания по общей выборке $n=283$, $r_{кр}=0,115$ при $p=0,05$

Шкала теста	1Ф Мировоззренческий	2П Поведенческий	3Я Лингвистический	4М Математический	5В Визуальный	6Д Кинестетический	7Р Музыкальный	8К Межличностный	9Л Внутриличностный
ОЖ2	0,279*	0,292*	0,302*	0,370*	0,263*	0,333*	0,173*	0,287*	0,436*
Ц2	0,273*	0,243*	0,240*	0,331*	0,180*	0,258*	0,192*	0,225*	0,390*
Р2	0,241*	0,279*	0,293*	0,371*	0,219*	0,331*	0,172*	0,282*	0,413*
П2	0,262*	0,271*	0,275*	0,393*	0,240*	0,321*	0,164*	0,274*	0,432*
Я2	0,311*	0,288*	0,295*	0,336*	0,303*	0,316*	0,157*	0,278*	0,472*
Ж2	0,274*	0,274*	0,295*	0,305*	0,250*	0,299*	0,158*	0,286*	0,412*
Р3	0,231*	0,233*	0,105	0,261*	0,159*	0,170*	0,147*	0,101	0,337*
П3	-0,149*	0,106	0,103	-0,038	-0,010	-0,055	0,062	0,029	-0,067
И3	-0,150*	-0,077	-0,091	-0,153*	-0,020	-0,106	-0,104	-0,072	-0,128*
Б4	-0,022	0,019	-0,027	0,039	-0,108	-0,034	-0,114	-0,062	0,099
С4	0,044	-0,124*	-0,024	-0,096	0,061	0,050	0,010	-0,005	-0,124*
К4	0,011	0,051	0,089	-0,018	0,051	0,085	0,153*	0,020	0,063
И4	0,002	-0,056	-0,030	-0,020	0,040	-0,093	-0,113	-0,093	-0,208*
П4	-0,010	0,054	-0,002	0,042	0,032	0,009	0,119*	0,139*	0,069
Б5	0,225*	0,082	0,163*	0,154*	0,090	0,136*	0,146*	0,064	0,078
И5	-0,174*	-0,129*	-0,117*	-0,213*	-0,125*	-0,223*	-0,141*	-0,160*	-0,243*
П5	-0,216*	-0,175*	-0,120*	-0,311*	-0,058	-0,224*	-0,079	-0,046	-0,322*
С5	-0,172*	-0,140*	-0,123*	-0,273*	-0,111	-0,194*	-0,070	-0,072	-0,346*
ТН6	0,060	0,054	0,170*	0,059	0,106	0,090	0,096	0,075	-0,019
ИТН6	0,163*	0,200*	0,254*	0,202*	0,261*	0,240*	0,207*	0,130*	0,237*
МИТН	0,024	0,050	0,066	0,006	0,063	-0,077	0,010	-0,046	-0,132*

* значимо ($p \leq 0,05$)

Личностные профили смыслообразующей стратегии избегания и разрешения при градации выборки по гендерному, возрастному и профессиональному признаку

Таблица 4

Численные значения личностных профилей смыслообразующей стратегии избегания и разрешения при градации выборки по гендерному признаку

Показатели шкал	Стратегия избегания		Стратегия разрешения	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
n, чел	28	38	41	55
1 - Мировоззренческая (1Ф)	0,11	-1,13	2,24	1,93
2 - Поведенческая (2П)	0,28	-0,68	2,51	2,18
3 - Вербально-лингвистическая (3Я)	0,32	-0,24	2,29	2,22
4 - Логико-математическая (4М)	0,22	-1,34	2,20	2,15
5 - Визуально-пространственная (5В)	-0,35	-0,37	2,22	1,44
6 - Моторно-двигательная (6Д)	0,21	-1,29	2,49	2,31
7 - Музыкально-ритмическая (7Р)	0,26	0,05	2,29	2,44
8 - Межличностная (8К)	0,21	-0,42	3,02	2,18
9 - Внутрличностная (9Л)	0,16	-1,00	3,39	2,27
Избегание (И5)	13,6	15,0	6,7	7,3
Интолерантность к неопределенности (ИТН6)	63,4	63,8	7,1	66,6
Процессы (П2)	34,0	29,3	35,9	35,0
Локус контроля «Я» (Я2)	24,3	20,0	25,7	24,9
Осмысленность жизни (ОЖ2)	117,0	100,0	125,5	121,4
Цели (Ц2)	36,2	31,3	39,2	38,3
Результат (Р2)	29,4	24,1	31,9	30,5
Локус контроля «Жизнь» (Ж2)	35,4	30,0	37,9	36,3
Разрешение проблемы (Р3)	30,5	27,8	31,1	29,8
Поиск социальной поддержки (П3)	27,7	25,8	22,1	23,0
Избегание (И3)	23,4	21,5	17,1	17,7
Борьба, соперничество (Б4)	5,3	3,2	5,7	4,1
Сотрудничество (С4)	5,9	6,6	5,6	6,3
Компромисс (К4)	6,7	7,2	7,9	8,3
Избегание (И4)	5,4	6,8	4,8	6,0
Приспособление (П4)	6,3	5,9	5,5	4,8
Бдительность (Б5)	15,0	14,9	15,5	15,6
Прокрастинация (П5)	10,0	11,6	5,6	6,3
Сверхбдительность (С5)	10,0	11,8	5,9	7,3
Толерантность к неопределенности (ТН6)	55,8	56,0	55,4	58,3
Межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН6)	37,3	38,6	30,3	32,0

Численные значения личностных профилей смыслообразующей стратегии избегания и разрешения при градации выборки по возрастному признаку

Показатели шкал	Стратегия избегания			Стратегия разрешения		
	18 лет студенты 1-2 курс	22 лет студенты 4-5 курс	37 лет среднего возраста	18 лет студенты 1-2 курс	22 лет студенты 4-5 курс	37 лет среднего возраста
п, чел	27	47	18	26	48	26
1 - Мировоззренческая (1Ф)	-1,21	-0,27	0,09	1,68	1,71	1,76
2 - Поведенческая (2П)	-0,21	-0,15	-0,03	1,66	1,57	1,75
3 - Вербально-лингвистическая (3Я)	0,11	0,20	0,34	2,15	2,20	2,23
4 - Логико-математическая (4М)	-1,37	-1,05	0,35	2,25	1,87	2,26
5 - Визуально-пространственная (5В)	-0,75	-0,60	-0,44	1,04	1,30	1,40
6 - Моторно-двигательная (6Д)	0,19	0,21	0,48	1,92	2,20	2,30
7 - Музыкально-ритмическая (7Р)	-0,12	-0,01	0,18	2,08	2,09	2,17
8 - Межличностная (8К)	-0,25	-0,19	-0,07	1,60	1,91	1,90
9 - Внутриличностная (9Л)	0	0,15	0,40	1,71	1,84	1,98
Избегание (И5)	9,7	9,1	7,5	7,5	9,3	7,6
Интолерантность к неопределенности (ИТН6)	62,8	62,7	62,1	61,4	62,4	61,5
Процессы (П2)	34,1	34,5	35,1	33,7	33,9	34,1
Локус контроля «Я» (Я2)	22,8	23,8	25,1	24,4	24,1	24,5
Осмысленность жизни (ОЖ2)	120,1	117,1	122,4	118,6	118,0	119,2
Цели (Ц2)	38,5	37,2	38,9	38,2	37,5	38,3
Результат (Р2)	30,0	29,1	30,5	29,3	29,3	29,5
Локус контроля «Жизнь» (Ж2)	34,8	34,0	35,1	34,1	34,3	34,3
Разрешение проблемы (Р3)	28,7	28,1	28,9	28,4	28,1	28,5
Поиск соц. поддержки (П3)	22,7	23,2	22,2	23,1	23,0	22,6
Избегание (И3)	18,2	18,1	18,9	18,5	18,2	18,4
Борьба, соперничество (Б4)	4,5	4,2	4,0	4,3	4,2	4,2
Сотрудничество (С4)	6,1	6,4	6,0	6,2	6,2	6,2
Компромисс (К4)	7,8	7,5	7,7	7,8	7,7	7,6
Избегание (И4)	6,7	6,3	6,4	6,2	6,2	6,2
Приспособление (П4)	4,9	5,2	5,4	4,9	5,1	5,0
Бдительность (Б5)	15,1	14,7	15,0	14,9	14,7	14,9
Прокрастинация (П5)	6,2	7,7	6,6	6,5	7,5	6,6
Сверхбдительность (С5)	7,7	8,6	7,9	8,0	8,5	7,9
Толерантность к неопределенности (ТН6)	61,2	60,6	60,9	61,4	60,8	61,0
Межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН6)	31,9	32,9	31,5	32,5	32,3	32,2

Численные значения личностных профилей смыслообразующей стратегии избегания и разрешения при градации выборки по профессиональному признаку

Показатели шкал	Стратегия избегания			Стратегия разрешения		
	Студенты-юристы	Студенты-психологи	Учителя школ	Студенты-юристы	Студенты-психологи	Учителя школ
п, чел	22	21	18	64	19	24
1 - Мировоззренческ (1Ф)	-0,90	-1,36	-0,45	2,10	2,35	1,87
2 - Поведенческая (2П)	-0,45	-0,55	-0,14	2,40	2,26	1,62
3 - Вербально-лингвистическая (3Я)	0,2	-0,19	0,32	2,10	2,10	2,16
4 - Логико-математическая (4М)	-0,40	-1,37	-0,22	2,30	0,57	2,08
5 - Визуально-пространственная (5В)	-0,81	-0,24	-0,14	1,90	1,89	1,12
6 - Моторно-двигат (6Д)	-0,63	-1,38	-0,11	2,40	1,78	1,79
7 - Музыкально-ритмическая (7Р)	0,04	-0,62	0,22	2,40	2,26	2,08
8 - Межличностная (8К)	0,02	0,14	0,44	2,90	2,15	1,66
9 - Внутрличностная (9Л)	0,25	-1,28	0,35	3,10	2,15	1,41
Избегание (И5)	15,1	15,5	14,2	7,0	7,9	7,7
Интолерантность к неопределенности (ИТН6)	63,8	64,8	62,1	61,3	63,0	61,6
Процессы (П2)	31,4	27,1	32,1	35,9	34,0	33,4
Локус контроля «Я» (Я2)	21,1	19,0	21,8	25,5	24,0	24,0
Осмысленность жизни (ОЖ2)	113,3	93,1	109,3	125,0	117,6	117,0
Цели (Ц2)	34,7	29,4	34,3	38,9	37,2	37,4
Результат (Р2)	28,8	21,8	27,1	31,5	29,0	29,0
Локус контроля «Жизнь» (Ж2)	34,1	28,4	31,6	37,9	36,3	34,0
Разрешение проблем (Р3)	29,1	28,3	27,5	31,1	29,9	28,4
Поиск соц. поддерж (П3)	27,5	26,1	25,5	22,5	22,7	23,2
Избегание (И3)	23,1	22,4	18,8	17,2	19,1	18,0
Борьба, сопернич. (Б4)	5,1	3,0	3,5	4,9	4,7	4,0
Сотрудничество (С4)	5,5	6,2	7,3	5,7	6,6	6,4
Компромисс (К4)	6,8	7,6	6,7	8,1	7,8	7,9
Избегание (И4)	5,6	6,9	6,6	5,3	5,9	6,5
Приспособление (П4)	6,5	5,8	5,4	5,4	4,4	4,8
Бдительность (Б5)	15,0	15,6	14,1	15,7	16,0	15,2
Прокрастинация (П5)	10,9	11,2	11,1	5,7	7,2	6,5
Сверхбдительность (С5)	10,9	11,6	10,6	6,1	8,0	8,0
Толерантность к неопределенности (ТН6)	57,4	55,4	58,4	55,1	61,0	61,4
Межличностная интолерантность к неопределенности (МИТН6)	38,0	40,4	35,2	30,5	31,7	32,9